

А. Я. Живой
Семь верст до небес

Текст предоставлен изд-вом <http://litres.ru>

Аннотация

В романе описывается нашествие на Русь мавританского воинства из далеких африканских земель. Руси грозит гибель, но сын мавританского царя Арсен внезапно влюбляется в дочь великого князя русичей Ксению. От их любви теперь зависит исход кровавой битвы. В романе есть все сказочные персонажи: кикиморы, русалки, говорящие звери, лешие и богатыри силы немереной.

Алексей Живой
Семь верст до небес

Часть первая. Огонь и пепел

Глава 1. Колдовской лес

Уже солнце клонилось к закату, и все твари земные готовились отойти ко сну, уже смолкло щебетание птиц в лесах и лягушки болотные завели свою вечернюю песню, когда на поле широкое, что лежит перед лесами Черниговскими, выехало великое множество всадников. На всех была броня крепкая, на боку висел меч булатный, а в руке держал каждый воин копьё длинное с наконечником острым. Путь держали они неблизкий.

В воздухе вечером стоял теплый запах хвои, вперемешку с благоуханием трав лесных рождавший аромат густой леса заповедного, нехоженого, что так люб сердцу обитателей земель полуночных, прозывавшихся славянами среди других народов. Впереди всех ехали два богатыря-предводителя: Дубыня, – прозванный так за то, что пять лет назад на дворе князя Ростовского Юрия, выдернул из земли с корнем дуб столетний, и Усыня, – акромья силы в теле коренастом, имевший на лице своем усы самые великие во всей Солнцеградской земле. Вели меж собой богатыри разговор долгий. С тех самых пор, как по зову князя

Солнцеградского, что Вячеславом прозывается, дома свои и земли покинули и спешили в терем к князю вместе с дружиною.

– Не мне тебя уму учить, Усыня, но видно весь он у тебя в усы и ушел, – молвил Дубыня, – всякий в нашей стороне знает, что камень сей, это истинно камень ведьм.

– Неправду молвишь ты, брат Дубыня, – отвечал ему богатырь, – и слова твои обидные мне слушать не охота.

– Истинно правду глаголю, – не соглашался Дубыня, – еще матушка моя, царствие ей небесное, Авдотья Микулишна, говаривала мне, малолетнему: помни, как увидишь в руках у кого камушек махонький, что турмалином прозывается, беги оттуда, иначе быть тебе околдованному. Ибо сила его велика, и в один миг злой человек обратить тебя может в пень трухлявый или валун придорожный, и не узнает никто, где жизнь твоя окончилась. До тех пор валуном и останешься, пока добрый колдун сызнова тебя не оборотит в человека.

– Уважаю я родительницу твою, – отвечал Усыня, потирая свои великие усы, – да только по мне все это сказки для детей малых, несмышленных. Нам же, богатырям, не пристало бояться ведьминых козней. Супротив них у нас ответ всегда имеется.

Сказавши это, Усыня поднял висевшую на поясе огромную, обитую железными обручами, палицу и помахал ею над головой, невзначай зашибив пролетающую мимо ворону.

День, однако, клонился к вечеру. Солнце спряталось за край земли, погрузив во мрак ночной весь мир поднебесный. Незаметно, за разговором, въехали богатыри по заросшей высокой травой, давно нехоженой дороге в самую чащу леса. Мягко ступали кони, все звуки глушила земля замшелая. Прервав беседу, остановили они коней, и прислушались. Тишина вокруг стояла необычайная. Только ручеек махонький журчал поблизости. Все звери и птицы спали сном первым, лишь филин-полуночник ухал где-то в дали. Поглядев на сосны вековые, что вдоль дороги тянулись сплошной стеной заслоняя небо огромными кронами, и, поразмыслив неспешно, богатырь Дубыня нарушил тишину лесную.

– Пора, однако, брат Усыня, на ночлег становиться, – молвил он.

– Дело говоришь, – ответил Усыня и кликнул одного из ратников, – Эй, Михайло, набери дров и огонь запали вон там, в ложбинке, возле ручья. Сваргань чего поесть, апосля выставь дозоры, да спать пусть все ложатся. Намаялись, небось, молодцы за день.

Отряд живо спешил. Шустрый Михайло, взял с собой еще пятерых воинов и соорудил костер. Сырое дерево горело нехотя, ибо мало за свою жизнь видело солнца и много влаги. Вкруг костра, сняв шеломы, уселись отдохнуть и поесть все ратники. Отвязав от седел дюжину добытых по дороге зайцев, Михайло зажарил их на огне. Первого зайца, что был готов быстрее других, как полагал обычай воинский он подал Усыне, второго – Дубыне. Остальные отошли ратникам.

Насыщаясь, воины то и дело поглядывали на хмурое небо, едва видимое меж верхушек высоких кряжистых деревьев. Кони их, к нижним ветвям привязанные, переступали с ноги на ногу, вдыхали ноздрями влажный воздух и поводили ушами, словно ожидая чего-то или прислушиваясь к лесным шорохам. Под пологом леса уже сгустилась тьма кромешная, и в двух шагах от костра ничего не было видно. Лес тот прозывался жителями земель черниговских, сквозь которые отряд богатырский пробирался, темным, а чаще того – колдовским или обманным. Ибо много в глубине его пряталось всякой нечисти, расплодившейся во множестве, особенно в последние годы, и страх перед людьми добрыми потерявшей. Сказывали старики, что помногу люди здесь пропадали, даже охотники и добытчики, ремесло коих в добыче зверья состояло, тот лес стороной обходить старались. Бывало, забредет кто из отчаянных в лес на зайца, а ли на медведя поохотиться, так закружит его здешний леший, зааукает, в самую чашу заведет, откуда и выхода никто найти не сможет. Так и сгинет человек, а может и того хуже – сам в лешака оборотиться, сучками да грибами пообрастет, облик человеческий потеряет навеки. Бают, что не только лешаков, но и кикимор зеленых в местных болотах предостаточно. В самой глухомани они прячутся, случайных путников голосами тонкими и смехом девичьим привлекают, а потом на дно гнилой трясины затаскивают, где и жизнь человечья кончается. Не выносят лешаки и

кикиморы духа человеческого. Акромя них по преданиям обитают здесь оборотни, ведуны, шишиморы и шишиги – их родичи отдаленные. А в самой дальней глуши и ведьмы, видать, отыскаться смогут. Для них облика одного не бывает, им все едино, что человеком, что зверем, что птицей, что деревом прикинуться, но чаще всего летают они на помеле или в ступе, огненные следы апосля себя в небе оставляя.

– Того и гляди, дяденька, тройчина грянет, – обратился один из молодых ратников, по прозванию Алексей, к Усыне.

Богатырь оторвал зубами кусок зайчатины и, прожевав, молвил:

– Похоже. Думаю – не миновать дождя. Знать, сам Дажьбог гневается.

– А скажи, дяденька, – продолжал Алексей, впервые в поход отправившийся, оглядевшись по сторонам, – уж больно лес черен, а лешие здесь не водятся?

Усыня откусил еще кусок зайчатины, поправил сползавшую с плеча накидку алую и ответил:

– Был бы лес, а черти найдутся.

– А ты, говорят, дяденька, – не унимался Алексей, – сам черта видел?

Богатырь наконец расправился с зайцем, вытер сальные руки о густую траву. Вздохнул, поперхнулся, крикнул и молвил:

– Нет, Алексей, чертей я не видал. Поганных за свою жизнь тьму извел, зверей диких, что людей ели, разбойников-душегубов, а вот чертей не видал. Боятся, видать, они меня, за версту обходят. Ты, Алексей, вон Дубыню-богатыря попытай, он знать чертей на своем веку множество повидал.

Сказавши это, Усыня хитро прищурился.

– Расскажи, дяденька, – попросил Алексей, – страсть как послушать хочется.

Дубыня дожевывал своего зайца, глотнул медовухи из фляги кожаной, отстегнул от пояса меч богатырский величины огромной, расхохлился волосы русые и молвил:

– Ну что ж, слушайте, коли хотите.

Ратники все притихли, да к костру поближе придвинулись.

– Случилось это на Духов день, как раз только месяц Зарев на земле начался. Тепло было, хотя солнце уже не так долго глаза радовало. Ребята да девки еще купаться на речку бегали. Урожай в силу входил. Ехал я тогда издалека, от князя Тивирского Лечко, устроившего всем богатырям пир развеселый, потому как дочь свою Христю замуж отдал за князя Лутичей. Был я в то время с ним в дружбе крепкой, а потому надарил мне князь на прощанье подарков: оружие богатое, упряжь да седло, золотом расшитое, для коня моего верного и каменье драгоценных для любушки. Ехал я долго. Семь дней, семь ночей длинных. Много земель проехал, людей повидал всяких: и добрых и худых. И вот на восьмой день случилось мне заночевать в лесу, как сейчас, а дело было недалеко от Муром. Леса там дикие, нечисть так и кишит. Потому как Илья-богатырь тогда в походе был и некому порядок было навести в лесах окрестных. А я про то не ведал. Лег я под дубом столетним на поляне, укрылся накидкой своей и спать изготавился. Ибо, если нет рядом терема, то для богатыря и земля-матушка – всегда постель мягкая. Коня своего Черногривого пастись пустил, потому как он ко мне по первому свисту является, а сам заснул сном крепким. Разбудил меня шум странный. Очнулся я, глядь – нет моего Черногривого, огляделся вокруг, а меж деревьев огни мерцают, да так много, будто лешие по лесу друг за другом со свечками гоняются. Свистнул я в треть силы, думаю, отзовется Черногривый. Тихо кругом, только огней больше стало. Свистнул я в пол силы. Пропал мой конь, не отзывается. Ну, думаю, – бес попутал, надо идти выручать. Хотел за меч схватиться, глядь – нет меча богатырского. Попал ты, – говорю себе, брат Дубыня, – как кур в ошип. Только сила твоя тебе и осталась.

Делать нечего, встал я и пошел на огни. Только дошел до того места, где они мерцали, глянь, а их уж нет – темень, хоть глаз коли. обернулся я, а огни за спиной моей, меж деревьев по земле текут. И до того их много стало, что лес вдруг словно засветился. Гляжу, а под дубом, где спал я, черт сидит с рогами оленьими, верхом на моем Черногривом. Конь мой

верный стоит словно вкопанный, глазом не моргнет, ухом не трепыхнет, сразу видно – околдован силой дьявольской. Подошел поближе я и говорю:

– Ты пошто же, вражина рогатая, коня моего увел да заколдовал?

– А ты пошто, – черт отзывается, – по моим лесам без спросу шатаешься?

– С каких это пор, говорю, богатыри русские у тебя дозволения стали спрашивать? Мы народ вольный, где хотим, там и ходим. Никому отчета не даем, кроме бога да князя.

– Правда твоя, – отвечает черт, – да на половину. Князя-то без вас давно уж по лесам ездить опасаются.

– Верни мне коня моего, да меч богатырский, подобру-поздорову, – говорю я.

– Не спеши, богатырь, – черт бормочет, – отгадаешь загадку – отпущу и меч верну, а нет – быть тебе триста лет дубом придорожным.

Приздумался я, други мои, да видно делать нечего. Нешто, думаю, мать земля не поможет мне загадку разгадать. Черт на выдумку хитер, но и я не прост. Да и не очень мне хотелось триста лет дубом простоять. Скушное это занятие, не богатырское. Обмыслил я дело и говорю:

– Загадывай, вражина, свою загадку.

Вспыхнули тут рога чертовы, замерцали зловещим светом. Ухмыльнулся он, захохотал дико, да так громко, что эхо по всему лесу разнеслось и вокруг поляны деревья порушились с треском-грохотом.

– Вот, – говорит – ты и попался, богатырь. Никому еще загадку мою разгадать не удалось.

– Хватит, – говорю я ему, – воду в ступе толочь, загадывай и дело с концом.

– Что ж, слушай, Дубыня, загадку: на горе крутой, что за лесами дремучими, далеко-далеко от сих мест, живет моя сродственница-ведьма – Мориона. Много людишек всяких, князей да богатырей, за свой век извела Мориона, а помогает ей в делах черных-ведьминских камушек махонький, что хранит она в мешочке кожаном за печкой. Если скажешь мне как тот камушек прозывается, отпущу тебя на все четыре стороны, а нет – в дуб обращу.

И захохотал снова, проклятый, да так, что земля ходуном заходила под моими ногами. Только рано рогатый обрадовался, ведал я еще с младых ногтей от маменьки, как зовется сей камень ведьминский.

– Ты не смейся, – говорю, – идолище рогатое, знаю я имя сему камушку: турмалином он прозывается черным, за силу свою злодейскую.

Смолк мгновенно смех дьявольский, а сам черт, будто сена стог, вспыхнул и исчез. Огляделся я вокруг: огни бесовские тоже погасли. А черногривый мой заржал вдруг радостно и ко мне поскакал. Погладил я его, приласкал. Гляжу на седле меч мой висит. Сел я тогда на коня своего расколдованного, да поехал на родную сторонушку, потому как над лесом заря алая уже занималась.

Закончил Дубыня свой сказ и посмотрел на ратников. Те сидели притихшие, не часто приходилось им богатырей видеть, что с самим чертом виделись, да рассказы их слушать. Так и сидели они молча, пока Алексей, впервые в поход отправившийся, тишину не нарушил.

– Смел ты, дяденька, – сказал он, – я бы так не смог.

– Молод ты еще, – ответил Дубыня, – да ничего, придет и твое время с бесами повстречаться. Не перевелось еще лихо в земле русской.

И только произнес он слова эти, как словно из-под земли раздался голос скрипучий:

– Правду молвишь, богатырь, – много нас по свету живет-мается. И еще много веков не переведется.

Оглянулись ратники, а за их спиной леший стоит. Огромный, рогатый, весь плесенью и сучками поросший. Видом на гнилой пень похожий, только росту восьмисаженного.

– Ты пошто пришел, нечисть поганая, – говорит ему Дубыня, – добрым людям ночлег портить?

– Здесь я хозяин, – проскрипел в ответ леший, – ты с воинами своими в моем лесу на

ночлег встал, меня не спросился. Даров не поднес. Меня, да слуг моих, не ублажил.

– Еще чего, – Дубыня ему отвечает, – буду я всякий валежник про ночлег спрашивать. На то я и богатырь – сплю где хочу.

– Смел ты на язык, – сказал Леший и покачнулся. Заскрипело от злобы его тело трухлявое, еще больше плесень позеленела, так что засветился он в темноте, а глазки злобным блеском замерцали. – Да посмотрю я, что скажешь, когда за слова сии здесь и сгинешь навеки.

– А ты меня не пужай, идолище рогатое, – Дубыня говорит, – я и не таких страшенных перевидал на своем веку. Ко ли не хочешь коры своей гнилой по бокам лишиться, вали отсюда по-добру по-здорову, не мешай богатырям отдыхать, ночлег не портить. А то, я ведь и осерчать могу. Да так, что глаза твои горящие навеки потухнут.

Сказавши так, привстал он с земли сырой, подбоченился одной рукой и помахал своей боевой палицей перед самыми глазами лешака, во тьме мерцавшими ярко.

Пошатнулся леший от злости дикой. И раздался тут грохот страшный. Все деревья окрестные вдруг ожили, зашевелились во тьме, из земли с треском корни свои повыдирали. Стали они богатырей обступать, руки-ветки свои огромные, сучковатые, к ним протягивать. Зашатался лес, зашумел, криками и стонами наполнился, словно мертвецы из земли повставали и бродить стали вокруг могил своих. Смекнул Дубыня, что ночка жаркой будет, выхватил меч богатырский, да палицу тяжелую над головой поднял, и крикнул:

– Эй, ребята, хватай оружие да руби эту погань, что есть мочи, иначе вовек не видать нам света солнечного, ни родных своих, ни князя нашего! Все в здешнем лесу и сгинем.

Бросились ратники к оружию. Схватились за мечи, да топоры острые и кинулись на лешее воинство. А леший главный, Сардером прозывавшийся, коего Дубыня так приласкал словесно, голосом своим скрипучим всех окрестных лешаков на бой зовет:

– Эй, – кричит, – зеленые! Хозяева топей болотных, да глухоманей лесных. Все сюда спешите! Передумим человечину, что места себе не знает! По лесам нашим без спросу шатается и порядки свои чинит, не желая знать того, что мы на земле вперед народились, потому и владеть ей только мы будем!

Подбежал к нему Дубыня-богатырь, да как огреет палицей, – от Сардера аж щепки полетели.

– Не бывать тому, – кричит Дубыня, – чтобы нечисть верх над людьми взяла. И снова Сардера палицей по боку жажнул, вмятину в его трухлявом теле сделал.

Опомнился леший, да ручищами своими, что на ветки боле похожи, обхватил Дубыню. Палицу вырвал и переломил пополам, а богатыря с земли приподнял и душить стал. На Дубыня не зря богатырем звался. Оторвал он от себя ветки липучие, схватил меч и давай рубить с плеча. Да так обтесал Сардера со всех сторон, что тот, коры лишившись, стал более на молодое бревно походить, по случайности плотниками в лесу забытое.

А вокруг уже битва жаркая кипит. Ратники меж леших носятся, нанося им раны глубокие, раны смертельные. Шустрый Михайло трех молодых леших пополам рассек, а еще пятерых изувечил немало. Алексей, впервые в поход отправившийся, пятерых в щепки разнес, двоих зарубил, да увидал в сумраке лесном на краю ручья молодую девицу, зелеными глазами да чешуею блестящую, и за ней кинулся, топор отбросив. Видно, такая его ярость обуяла, что решил задушить ее голыми руками.

Усыня-богатырь на пригорке сцепился с дюжиной здоровенных лешаков. Мечом машет так, что тела трухлявые пополам рубит с одного удара. Уже вокруг него дров навалено столько, что и ногой негде ступить, а лешаки все насаждают, смрадом болотным на него дышут. Меч Усыни аж красным стал от сечи буйной, раскалился, во тьме светится. Усыня выгоду свою смекнул быстро, зарубил ближнего лешака, да меч из него выдергивать не стал. Подождал, пока тот задымился, да пламя его охватило. Испугалась нечисть, враспынную бросилась. А Усыня за ней. На коня вскочил, машет мечом красным, сам жара не чувствует, да погнался по лесу в места темные. Кого из лешаков догонит, мечом рубит. Так что вскоре осветились лесные закоулки огнями, будто по низинам уголья костра поразбросали.

А Усыня не уймется никак – все рубит и рубит нечисть лесную, да болотную. Так увлекся погоней, что не заметил сам, как ускакал в самую чащу леса, далеко от костра богатырского удалился. Вылетел Усыня на поляну, что в чаще глухой таилась, остановил коня, стал слушать где враг нечистый прячется. Вдруг слева скрип и кряхтение раздалось. Закачались деревья, земля задрожала. Глядь, а на него прет здоровенный лешак ручищи-ветки свои раскинув.

– Прощайся с жизнью человечина! – орет лешак. Рот свои кривой так широко разинул, что Усыню аж смрадом от мухоморов не переваренных обдало из того рта. Поднял он меч раскаленный над головою, да и разрубил одним взмахом лешака подвернувшегося на сотню здоровенных щепок, которые тотчас загорелись ярким пламенем. Опустил меч богатырь, огляделся – один он на поляне, а в самом центре ее чернеет что-то видом своим с избушкой схожее. «Откуда тут человечьему жилью взяться? – подумал Усыня, – не иначе, как ведьма какая в чаще обретается. А ну-ка наведаясь я к ней в гости, потревожу бабулю». Постоял он в раздумьях немного, да тронул коня своего верного потихоньку. Подъехал поближе, спешился. Пригляделся. Избушка в отблесках лешака догоравшего и правда ведьминской казалась: невысокая, покосившаяся, мхом да поганками поросшая. Но, хоть и худая на вид, а жизнь какая-то в ней теплилась – из трубы еле видный дымок чадил, да искры вылетали. Подошел Усыня к избушке загадочной и дверку, махонькую для его плеч саженных, отворил потихоньку. Нагнулся богатырь, шагнул внутрь, и оказался в жилище неведомом. Никого он не увидел там. Хотя и горел огонек в очаге каменном, но для глаз все мраком казалось поначалу. А когда развиднелось в очах, то узрел Усыня на стенах лачуги сети рыбацкие, полные скелетов рыбьих. А вдоль них горшки стояли с варевом неизвестным, но на вид на зелья похожим, ибо исходил от них аромат дурманыщий. Взял один горшок Усыня в руки и, едва вдохнул дурман, ощутил себя рыбой хищною в море-окияне, что гоняется за мелкими рыбешками для насыщения, а для забавы заглатывает целиком лодьи купеческие с товаром и людом, на них плывущем. Собрался с духом, да отшвырнул от себя горшок с зельем Усыня-богатырь. Разлилось зелье по земле, зашипело, запенилось.

– И что здесь за рыбаки такие посреди чащобы живут? – воскликнул богатырь. – А ну выходи, покажись кто тут есть! Будь то человек, а ли нечисть какая – никого не побоюсь.

Но тишина была ему ответом. И только тихое мяуканье раздалось из-за очага. Подошел Усыня к нему поближе. Видит, сидит там котенок махонький, шерстка черная, усы белые, а глаза зеленым светом горят.

– А ты животина несмышленная, как сюда попала, в лес-то? – спросил Усыня и хотел было погладить кота по шерстке. Да только не вышло. Извернулся смирный котенок, да как вцепится Усыне в щеки когтями острыми, чуть глаза не выцарапал. Взвыл Усыня от боли лютой, отбросил от себя кота бесовского, да на колени упал, глаза ладонями закрыв. И вдруг слышит снаружи хохот дикий раздается. Вскочил богатырь от обиды великой, меч свой выхватил и на поляну выбежал. А над ней баба-яга в ступе кругами носится и метлой трясет, а сама от хохота дьявольского заходится. Да так, что кругом деревья шатаются, словно буря на земле настала великая.

– Ах, Усыня-богатырь, – кричит баба-яга, – ох и глуп же ты, человечье отродье. Лешаков много погубил, а с котом не справился.

– А ну спускайся, ведьма проклятая, моего меча отведаешь! – закричал ей в ответ Усыня, – узнаешь тогда, какой я слабый, да глупый. Карга старая!

А ведьма знай себе небо чертит.

– Я с тобой, Усыня, еще повидаяюсь. Настанет твой час, жди.

И, крикнув сие, исчезла в черных ночных небесах, махнув метлой на прощанье. Постоял Усыня посреди поляны, от обиды своей немного оправился, дождался пока кровь запеклась. Посмотрел на лешака тлеющего, вскочил на коня, да дальше поехал, Алексия, впервые в поход отправившегося, поискать надобно было. А то ведь так и сгинет молодец в чаще колдовских.

Едет богатырь неспешно, конь сам дорогу выбирает. Темень кромешная – хоть глаз

коли. Туман еще напозать стал, видать вода недалече. Деревя вокруг за кольчугу ветвями цепляються, ехаты мешають, но лешаков не видать что-то, деревья все здоровые попадаются. Вдурт слышит Усыня бормотанье тихое, еле различимое где-то в траве, под копытами. Остановился, прислушался. Два тихих голоса ему услышались.

– Я самый старей в этом лесу, – один говорит, – мне триста тридцать три года. Я живу так давно, что сон меня уже не берет.

– Нет, я самый старей, – другой голос ему отвечает, – я помню еще те времена, когда зайцы дружили с лисами, а ежи нас не трогали.

– Ох, не говори мне про ежей, – ответил первый голос, – у меня от этих разговоров вся шкура мурашками покрывается, а шляпка пятнами. От страха я становлюсь заметным.

– В соседней низине, так белка рассказывала, живет гриб-мухомор. Шляпка у него ярко красная, в белую проплешинку. Так его видать издалека, не то, что тебя. Я хоть рядом расту, да и то тебя не всегда разглядеть могу, не то что еж. Так что, ты не бойся зря.

Догадался богатырь, что беседу двух боровиков подслушал невзначай. «Что-ж за лес тут непуганый, раз даже грибы разговаривать могут,» – подивился Усыня услышанному и коня вперед пустил, мимо грибов, что незаметными притворялись.

Проехал богатырь всего версту по лесу, все тихо вокруг было пока, только туман все гуще с каждым шагом становился. Вдурт смех ему девичий слышался. Звонкий такой, с переливами. Направил Усыня-богатырь коня своего в ту сторону откуда смех раздавался, да и выехал неожиданно на берег озера лесного, со всех сторон соснами и елями мохнатыми заросшего. Конь чуть в воду не оступился, попятившись, а берег крутой был, за ним сразу глубина угадывалась. Только-только начинало светать. Хмурое небо кое-где медленно светлело рванными клочьями, но до рассвета еще было далече. А яркого солнца места здешние, небось никогда и не видали, в сумраке лесном постоянно пребывая. Остановил коня Усыня, прислушался. Снова смех девичий услышал, только теперича совсем близко. Раздвинул ветви богатырь осторожно, чтобы себя не выдать, а самому все, что надо, разглядеть, да и обомлел от увиденного. Посреди озера лесного, на вид с болотом обширным схожего, на торчащих из воды островках травы, туманом слегка подернутых, сидело несколько девиц с фигурами ладными, да волосами зелеными. Лиц Усыня не видел. Пальцы у девиц на руках были длинные, а аккуратно пониже пояса, то ли чешуя, то ли тина болотная все закрывала. Акромя тины никакой одежды Усыня на них не увидал, из чего понял богатырь, что кикиморы это болотные перед ним, как есть сидят. Но больше всего подивился Усыня, когда узрел в самом центре озера лесного, на коряге из воды торчащей, юного Алексея, впервые в поход отправившегося, в обнимку с кикиморой зеленоглазой. Алексей сидел не шелохнувшись без кольчуги, без одежи, в одном исподнем, а кикимора поганая к нему так и льнула своим телом мокрым, тиной покрытым. Ясно стало Усыне, что околдован молодой воин подводными девицами, чарами усыплен в нем разум богатырский, только взгляд филина-полуночника ему и остался. Решил он ратника своего несмышленого, по неразумению в беду попавшего, из нее выручать, ибо старшим был в отряде богатырем. Пришпорил Усыня коня верного и бросил в озеро вплавь. Прыгнул конь в воду, подняв тучи брызг вокруг себя, поплыл к Алексею. Кикиморы же, увидав человека, с дикими криками в воду сиганули, только успел Усыня их старушечьи морды, морщинами иссеченные, заметить. Но не успел конь доплыть до середины озера лесного, где коряга с Алексием околдованным находилась, как все кикиморы вокруг коня собрались и давай его щекотать, да так, что конь верный богатырский заржал дико на весь лес, да копытами по воде забил. Уже совсем было Усыня решил, что смерть пришла, ибо никто еще живым из воды от кикимор не уходил, того и гляди и его защекочут – уже и руки свои скользкие зеленые кикиморы к нему тянут, да только богатырь тоже был не лыком шит. Изловчился он, меч свой выхватил, да как давай им кикимор лупить по головам, из воды торчащим, да по рукам, что к нему тянутся отовсюду. Бьется Усыня, а сам видит, что Алексея околдованного – добычу свою – кикиморы к берегу тащат, а там его два здоровенных лешака подхватили, да в лес поволокли. Разъярился Усыня. Засвистел меч в воздухе пуще прежнего. Сечет головы

старушечьи с волосьями да глазищами зелеными, пальцы длинные с когтями острыми. Насилу отбился богатырь. Отстали проклятые. На воде лишь ошметки волос зеленых остались. Только глянул Усыня в сторону коряги, а Алексия, впервые в поход отправившегося, уже и след простыл. Уволокли чудища водяные, болотные да лесные его в самую глухомань пока богатырь от кикимор отбивался.

Повернул Усыня коня обратно к берегу, а как доплыл, пустил его вскачь вокруг озера сквозь лес темный. Скакал он долго без отдыха, да только все зря – лешаков с Алексием плененным уже и след простыл. Остановился богатырь на поляне, мхом да мухоморами поросшей. Куда скакать за ним далее, в какой стороне искать? Велик и черен был здешний лес, без конца и краю. Полон всякой нечисти. Только тут вспомнил Усыня, что отряд его остался биться с лешаками на поляне у дороги. Что с остальными ратниками случилось он не ведал. Пора было возвращаться. Поразмыслил Усыня, и решил возвратиться к воинам оставленным, с Дубыней-богатырем совет держать как быть дальше. Алексия одному не найти, да и поспешать надо было уже на зов княжеский в Солнцеград.

На обратной дороге примечал Усыня головешки тлеющие. Повсюду в низинах одни уголья горящие лежать остались. Лешаки, почитай, все и сгинули. Мало кому удалось меча Усыни уберечься. А кто убег, навечно запомнил его силу огненную.

Вернулся Усыня под утро. Бой на поляне уж закончился. Много в том бою леших сгинуло, надолго леса окрестные от них отчистились. А ратники все живы остались, синяками да шишками отделались. Только одного Алексия, впервые в поход отправившегося, недосчитались. Долго искали его потом по лесу, да так и не нашли. Видимо, уволокли его лешаки сбежавшие с собой в соседнее темное царство. Узнав об этом, Усыня с Дубыней порешили на обратном пути повывести всю здешнюю нечисть лесную, а Алексия отыскать. Надежда была, что жив воин, потому как лешие пленников своих не убивали, а пытались обратить в такую же нечисть. Ждали, пока они свой дом да родню позабудут, и от голода станут есть кору да поганки. А со временем сучками обрастут, зазеленеют и вовсе в леших обернутся. Алексей же, хоть и впервые в поход отправился, слыл воином крепким. Потому чаяли его богатыри живым застать, а пока поспешать надо было в Солнцеград к Вячеславу князю.

Перво-наперво приказал Усыня принести к нему обтесанного лешака Сардера. Дубыня богатырь его в плен взял. Стерегли Сардера пять добрых молодцев, в плечах у каждого сажень кося. Принесли они Сардера, бросили к ногам воеводушки. Леший и впрямь на обтесанное бревно походил. На всем его зеленом теле одни лишь глазки остались, в коих уже не было злобы, а жил лишь страх один. Жалок был бывший хозяин лесных глухоманей. Взглянули на него Усыня с Дубыней и порешили: отвезти в Солнцеград к Вячеславу на забаву. Мастеровые люди из него седушек для гостей заморских, да ложек резных понаделают, али еще чего.

Услыхав сие Сардер взмолился, чтоб отпустили его и бросили в глубокой придорожной канаве рыжим голодным муравьям на съедение. Но тщетно. Богатыри решения своего не изменили, ибо раз решив, никогда от своего слова не отступались, так на Руси было заведено среди людей добрых. Лешего крепко-накрепко связали и к двум лошадям подвесили. Уже совсем рассвело, когда отряд богатырский во главе с Усыней и Дубыней покинул поляну у дороги и продолжил путь свой через колдовской лес к Солнцеграду, где ожидал их князь Вячеслав.

Глава 2. Кому клады видятся

На правом берегу широкой речки Туренки, что текла по землям вятским, раскинулось село Перехватово. Жили там люди веселые да работающие, туряками прозывавшиеся. Летом промышляли они ловлей рыбы да грибов сбором. Слыли в народе туряки охотниками первейшими и на многие дни уходили промышлять медведя, вепря, лося, а ли птицу какую в лес глухой без страха. Сказать надобно, что почитай к самому селению со всех сторон

походил лес темный, дремучий, в котором живности всякой было видимо-невидимо. Лес этот кормил обитателей села невеликого. Акромя Перехватова по реке ни вверх ни вниз по течению никаких сел не было верст на пятьдесят с гаком, а то и более. Никто не мерял.

Домов на том селе стояло – как пальцев на двух ладонях. Ровно столько же семей там и жило. Старейший обитатель Перехватова был дед Макарий, а обитал он в крайнем доме, срубленном еще его дедом собственным по случаю женитьбы сына, то бишь отца евойного. В незапамятные времена это было. Дед давно уж помер от лихоманки, да и отец Макария тоже – задрал его косопалый на охоте. Один рос Макарий. Дружки да люди добрые только ему и были опорой. Так и вырос один, как сосна высокая на утесе каменном. Но грех Макарию на жись жаловаться. А он и не жалился. Неплохо пожил он. Многого на своем веку долгом перевидал. И тонул дважды под ледоход, и леший трижды в чаще зааукивал, и кабан разъяренный клыком под ребро угодил да по земле повалял, и трясовица не единожды приключалась, и немочь огненная, а все живым выходил. Видать свезло Макарию. Не оттого помереть должен. Ну, да это кому как на роду написано.

Сызмальства дружил Макарий с Федосом, мальцом, что по соседству обитал. Федос сыном был Игната-медвежатника, лучшего охотника на селе. А может и на всей Туренке, никто не проверял. Вся жизнь они не-разлей-вода были. И по грибы вместе шастали, и рыбу удить в ночное, а подросли, так охотится всегда на пару ходили и дичи добывали помногу. Как пришло время ожениться, да остепениться, так оба и оженились почитай в один год. Макарий посватался к Евдокии, старшей дочери кузнеца Вавилы, девице здоровой, работающей да красивой, с косой длинной, аж до пят доходившей. А Федос выбрал себе в жены Добраву, дочь младшую Варлама-кузовщика, что кузова плел всех лучше. Девица пригожая, скромная и ростом невеликая. По всему она Федосу приглянулась. Сродственники девиц не против были и отдали их за муж с благословением. Федоса свадьбу перед Святками сыграли, а Макарий оженился близ Семика.

Однако-ж, Перед тем как свадьбе Макария быть, пришлось отцу его семейство кузнеца Вавилы, откудова невесту брать собирался, множество раз посещать. Отец Евдокии для порядку, понятное дело, поначалу все отнекивался, мол, девица еще не в соку, да приданого к ней еще не сшито-соткано достаточно для замужества вечного, обождать бы надо, и все отказывал. А отец Макария, понятное дело, сына нахваливал – мол, парень – чисто-золото, хоть и молод, но уже охотник, добытчик не последний, не дурень и руками своими сотворить чего полезное может. Ну, на третий раз сговорились все-таки, свадьбу близ Семика назначили и подготавливаться стали с сему событию – вытницу искать, чтоб за молодую заплакала, вежливец – чтоб сглаз от молодых отвел, да кому кем в свадебном поезде быть.

А сговаривались отцы молодых так долго от того, что Евдокия пред тем несчетно раз на мужа гадала, много способов испробовала и каждый раз ей новость была непонятная, приводившая девицу в смятение.

Первый раз гадала Евдокия со своими подружками верными Любавой да Марьяной на мужа будущего башмаком. Собрались как-то раз девицы под вечер, когда солнушко еще висело над лесом и землю лучами последними грело, во дворе у Марьяны. Как полагается при том гадании, подошли они к самым воротам со двора, сняли каждая с левой ноги башмаки свои красные и за ворота кинули. Апосля чего стали смотреть куда те башмаки упали, в какую сторону носками легли. Ибо куда ляжет башмак носком, в ту сторону будет отдана девица замуж. А ежели башмак ляжет носком к воротам, из которых выкинут был, то девушке в этом году жить дома, и замуж не выходить.

Любавин башмак лег носком в дальнюю сторону, туда, откудова начиналась единственная тропка вдоль реки Туренки, что вела в дальние селения. Опечалилась девица, видно очень ей хотелось на родном селе замуж вытить, неподалеку от маменьки родной, ибо не сильно она к хозяйству приучена была. Опасалась – вдруг муж прожорливый, да драчливый попадется, и что ей тогда горюшечке делать? Но, видать, ничего тут не переменить уж было. Раз башмак носом лег в дальние края, значит скоро собираться в путь-дорогу.

Марьянин башмак упал носком в сторону горки лесистой, на которой три дома главных охотников да добытчиков села Перехватова стояли. В каждом доме по трое сыновей подрастали. Все как на подбор – кровь с молоком, сажень косая в плечах, а то и две. Никто не мерял. И, почитай, все находились в том самом возрасте, когда сродственники мечтают их оженить поскорее, а они сами об этом и не помышляют, пребывая в забавах резвых да игрищах молодецких. У Марьяны от того гадания аж глаза загорелись, а потом в разны стороны чуть не разбежались – столько женихов сразу привалило, поди разберись который суженый. Призадумалась девица.

А башмак Евдокии упал посередь дороги, да только аккурат носом к самым резным воротам. Сие означало – сидеть тебе девица в этом году дома, песни петь, да пряжу прясти, и про парней не вспоминать. И все бы так и сложилось для Евдокии, если бы не случай странный. Аккурат неделю погодя к ним в дом появился отец Макария сватать ее за своего молодца чисто-золото. Событие сие совсем не по гаданию выходило. Евдокия удивилась, и на пару с Марьяной призадумалась крепко. Что-то гадание странно выходило, неправильно. Наверное, башмакам верить нельзя никак.

Дивилась Евдокия цельную неделю, а потом решила сызнава погадать на суженого. Только на этот раз испробовать гадание у ворот. При сием гадании выходят девушки, которые на мужа гадают, к воротам. Выйдут вместе и встанут у ворот самых. Только гадание это надо обязательно ночью темной гадать. В ту пору, когда все люди добрые спят и помехой забаве девичьей не служат. Выйдут девицы тогда и, стоя за воротами посередь ночи, говорят еле слышно промеж собою: «Залай залай собаченька! Залай серый волчок!. Где залает собаченька, там и живет мой суженый!» Сказывают, откель лай собачий, а ли вой волчий услышится, туда и отдадут красну девицу замуж. Чем глуше и дальше будет лай слышен, тем дальше от дома ей и обретаться с мужем. Ежели вдруг лай хриплый окажется, знать – сочетаться ей молодушеньке несчастной со стариком. А коли звонкий и тонкий окажется – считай повезло, молодой жених сыщется.

Как пришло время гадать собрались девицы-красавицы опять вместе – Марьяна, Любава, да Евдокия. На этот раз у Евдокии в избе дело было. Посидели на зорьке немного под окном, семечек полужгали, песни задушевные попели про леса, да страны разные, что за речкой Туренкой находились, но коих никто никогда не видывал. В тех странах, бают, змеи семиглавые обретаются, что огнем пыхают, в речках темных глубоких там рыбы длиннотелые со стальной чешуей, с кольчугой схожею, водятся, да людей случайных, что в брод, а ли на плоту путешествуют, жизни лишают. Сон-трава там повсюду растет, в лесах заколдованных туман висит вечный под соснами, папоротники круглый год цветут, в земле клады древние светятся, медведи бурые по-человечьи разговаривают, а разбойники-душегубы апосля смерти в той стране покой находят. Посидели девицы, языки почесали, а солнушко уж скрылось давно, за окном ночь настала теплая.

Как улеглись спать сродственники Евдокии на печи, девицы шасть на двор и за ворота. Встали они посередь дороги, осмотрелись. Не видать не зги вокруг, хоть глаз выколи. Забавно девицам, что будет. Встали втроем Марьяна, Любава, да Евдокия, прислушались. Тихо над деревней Перехватово, к коей лес почитай вплотную подступал. Слышен только шум речки Туренки, что поблизости течет. Да в лесу птицы первые ночные щебечут, еле слышно переговариваются. Народ деревенский спит, должно быть, уже крепко. Десятый сон видит.

Вышла вперед Марьяна и говорит:

– Залай, залай собаченька. Залай серый волчок!

Тишина в ответ была время малое, а потом вдруг на околице лай раздался громкий. Аж вздрогнула девица от неожиданности, от темноты ночной и чувств вострых. А собачка все не унимается, знай себе заливается. Да близко так и звонко – видать в своей деревне Марьяне жить, за добрым молодцем не старых лет. Но, вскоре смолк лай всё-таки. Теперь Любава вперед выступила, полную грудь воздуха набрала для храбрости и говорит в свой черед:

– Залай собаченька, залай серый волчок!

Как и в первый раз тишина была, но на сей раз время долгое. Простояла так Любава без движения, дыхание в груди затаив от страха и предчувствия. Но ничто тишину не нарушило, лишь деревья вековые в лесу темном шумели да постанывали несильно. Уж совсем решила Любава, что не судьба ей восточку получить от суженого, как вдруг, далеко за лесом необъятным завыл волк серый. Да хрипло так, с надрывом завыл. Хотя и был он со всей силы, да видать далече обретался, в чаще самой, а то и еще далее, потому как хриплый вой его еле слышен был в деревне Перехватово. Услыхала лай Любава и вздрогнула. Хриплым и далеким он казался – знать, быть ей за стариком и вдали от дома родного дни свои молодые проводить до самой старости. Уж второй раз гадание ей дальние края предрекало и путь-дорогу. Опять пригорюнилась девица.

Настал и Евдокии черед.

– Ты залай собаченька, залай серый волчок! – говорит она.

И прислушалась. Все также ветер легкий ночной деревья колышет. Шумит поодаль речка Туренка. Спит деревня Перехватово в глухомани лесной затерянная. Спят все ее обитатели, акромья трех девиц молодых, что в ночи темной на перекрестке тропок деревенских судьбу свою аукают. Ждала Евдокия долго, но так и не дождалась. Не залаяла собачка ни близко ни далеко. Не завыл серый волчок в дали далекой. Все также в тишине ночной лежала деревня Перехватово. Постояли так девицы, да по домам своим разошлись в чувствах-сомнениях. Кому что, а Евдокия решила, что уж ей-то точно замуж нет пути в этом году. А на утро опять отец Макария заявился сватать ее за сына. Мысли у Евдокии спутались и решила она вновь гадать. Что-то первые гадания у нее все неправильные выходили.

В третий раз собрались подружки погадать на суженого у Любавы. На сей раз решили они суженого на ужин пригласить. Гадать, правда, одна Евдокия решилась. Марьяна с Любавой судьбу свою уже решенной почитали и теперь только ее свершения ожидали со дня на день. А Евдокии будущее в тумане еще находилось и требовало прояснения скорейшего.

Пригласить на ужин суженого – дело непростое. Тут Евдокии помощь подружек пригодилась. Гадание сие так творить надо: перво-наперво, накрыв на стол для суженого, надобно две миски и кружки две поставить, хлеб-соль, ложки. Близь полуночи девица, которая будущее свое пытается, сесть должна за стол одна-одинешенька, очертить вокруг себя линию на полу, чтоб нечистая не подступилась, и сказать: «Суженый, ряженный приходи ко мне ужинать.» Потом ждать надобно. Лишь только полночь настанет, непременно жених явится в том самом наряде, в котором он должен быть на свадьбе. Явится и за стол рядом сядет.

На всякий случай девица красная под боком с собой петуха должна иметь, ибо, если не поможет зачурание, а ли гость засидится дольше нужного, то надобно хорошенько того петуха давнуть, запоет он и видение исчезнет. Те, кто гадал, рассказывают, будто если призрак что-либо вынет из кармана и положит на стол, то стоит зачурать предмет сей и видение пропадет, а оставленное останется на владение красной девицы. Бывало суженый, отужинав, оставлял чего ценного – мех там какой, гребешки-заколки, а то и украшения золотые. И уж обязательно, прежде чем являться самому суженому, появятся из ниоткуда знамения: ветра свист, запах серный, а иногда дух смрадный.

Евдокия все сделала как велено: две миски поставила с кружками, хлеб-соль сварганила, круг от нечистой силы очертила, под стол дубовый петуха пустила. Тот смирный оказался, его Любава сонного с насеста сняла. Сел петух под столом и заснул опять. Апосля всего Евдокия стала ждать полуночи, до коей недолго уже оставалось. Подружки ейные Марьяна с Любавою за дверьми караулили, чтоб в случае чего подмогнуть, да и интересно было им узнать чем гадание окончится – страсть!

Так прошло времени довольно много. Сидит Евдокия в комнатухе одна-одинешенька. Страшно ей, но знать хочется кто ей явится – Макарий, а ли кто другой. Уж больно жисть ее с гаданиями не сходилася. Сидит она, по сторонам оглядывается. Вдруг, в избе дух смрадный появился. Евдокия терпит, но с места не двигается. Вот стол задрожал, пламя свечи заколебалося, миски запрыгали, да вязанки луковиц, на нитку суровую нанизанные,

что у потолка подвешены, закачались. Боязно Евдокии сидеть, бежать уж хочется, но – охота пуще неволи. Узнать бы – кто явится. И тут, вдруг, окно открылось, дым повалил и черт на свинье внутрь влетел. Спрыгнул он со свиньи и за стол к Евдокии подсел, телом с мужиком схожий, а голова как у оленя-одногодка.

– Ну, угощай, суженая моя, – говорит, – коли звала.

Евдокия обомлела от ужаса, ни рукой ни ногой шевельнуть не может. А на столе яства откуда ни возьмись оказались, кушанья заморские. Черт на них и накинусь. Ест и причмокивает, аж за ушами трещит. Рога его ветвистые в потолок низкий упираются. Оторвался он от трапезы ночной и говорит Евдокии:

– Что молчишь, суженая, а ли не люб я тебе?

Раз – дымом весь окутался. Глядь – вместо мужика с головой оленьей сидит рядом с Евдокией рыба-Сом с чешуей блестящей. Ростом в человека, рот клыкастый открыт, пузыри пускает, глаза навывкате, усищами шевелит.

Тут Евдокию силы и покинули. Закатались глаза раскосые и упала она навзничь посередине комнаты. От шума этого петух проснулся и заголосил. Испужался, видать, черт крика петушиного и враз исчез. Хорошо хоть Евдокию с собой не унес, а то попробуй отыщи ее потом где неведомо.

Как вернулись силы к Евдокии, поднялась она с пола, огляделась. Никого в избе акромья ее самой не было, только дух смрадный стоял плотно. На столе две миски стоят надтреснутые, а рядом гребень золотой лежит. Испужалась Евдокия его брать. Баяли, гребень заколдованный мог разума лишить, в царство темное увести, а то и ведьмой сделать супротив воли. Зачурала Евдокия его – гребень и исчез со стола, растворился. Видать нечистый был.

За окном, меж тем, рассвет наступил. Солнце лучиками землю греть начинало. Марьяна с Любавою спали в сених сном крепким, звать напущенным, ничего они и не слышали. Порешила Евдокия им ничего не сказывать, мол и сама случайно задремала, а то разнесут подружки сказанное по всей деревне, так ее, чего доброго, и за ведьму посчитают. А еще сама с собою Евдокия поразмыслила и надумала замуж вытить боле не загадывая. Ежели к ней черт повадился, – то уж лучше за мужика рукастого, чем за черта рогастого. И велела своему тятеньке отцу Макария согласие дать. На том и сладили.

От гаданий Евдокия впредь отказалась – больно штука сия боком выходила ей. Хотя девицы да бабы на селе частенько гадали и ее звали, но она с тех пор не шла, ибо они все больше на суженого гадали способами разными. Полотенцем гадали. Вывешивают, бывало, полотенце белое из окошка на ночь, приговаривая: «Суженый мой, ряженный приди и утрися». Если полотенце на утро вымочено, значит быть девице в этот год замужем; а если к утру снимет сухим, то не выйти в этом году. На поленьях гадали. Подходят девицы в том гадании к поленице задом, или зашурясь, и берут из нее без полена разбора, кому какое попадется. Затем каждая свое осматривает, из чего помысливают они о женихе будущем разное, что видится. Гладкое полено в коре ровной и тонкой пророчит жениха хорошего и красивого, ежели полено с корой шершавой – жених на вид страшен будет, в толстой коре полено – богатого жди. Если чурка местами драная или без коры полено – быть девице за бедняком, толстое полено – жених сильный, либо прожорливый, с сучками – семья у него числом не малая. Ну а как кривое попадется – выйдет девица за урода или одноногого.

А еще гадали под окном. В полночь, сядут девицы у окон, и каждая из них приговаривает: «Суженый! Ряженный! Поезжай мимо окна.» Если которая их них услышит поезд с криком и свистом, то ждет себе жизнь веселую и счастливую; если же поезд тихим будет, то предвидит девица жизнь бедную.

Но, Евдокии сии увертки стали уже вроде ни к чему. Она в мысли утвердилась и решила за муж вытить по всем правилам и по своему разумению. Перво-наперво, как сговорились и свадьбу близь Семика назначили, молодую невестушку в последний день перед свадьбою, что девишником прозывается, в баньку сводили – такой обычай был в Перехватове. Расплели ей косу русую, что до пят доходила, и долго терли-намывали в баньке

ее тело белое под завывания вытницы. Пела вытница долго песни разные, но все больше те, в которых боги славянские любви и радостей Ладо, Тур и Лель вспоминаются. Невестушка, тем временем, рыдала о жизни своей веселой незамужней, прощалась, как положено, с молодыми годами, с подруженьками верными, с игрищами забавными. А как намыли невестушку – повели в дом родительский, где матушка ее и подруженек брагой и словом добрым встретила, да ужинать усадила, как полагается.

Макарий аккурат в то самое время тоже в баньке с дружками парился. Не столько обычая ради, сколь грязный был, с охоты только воротился. Приволок медведя цельного на свадьбу своей невестушке, вместе с Федосом добытого. А покуда он там намывался, да бражничал, около баньки вежливец творил свои заговоры, чтобы отвести нечисть всякую и порчу от молодых отвести на веки вечные. Говорил он так:

– Покорюсь-поклонюсь, сей день – сей час, утором рано – вечером поздно! Благослови меня Буй-Тур храбрый – с князем, с тысяцкими, с большими боярами, со свахой, с дружкой и с подружкой, ко княгини ехати, княгиню получить, с княгиней в дом приехати. Стану – поклонюсь, благослови меня Буй-Тур храбрый! Дай нам путь-дорогу!

На день следующий начали сродственники обряды творить кои положено. Федос всегда первым дружкой Макария был, ему и выпало сватом быть. Ездил он для порядку несколько раз в дом к невесте принародно уговаривать. Дары всяки дарил, безделушки красивые, на меха у редких заезжих купцов сменянные. Песни пел с родней Макария будущей. На третий день положили поезд свадебный за невестой посылать. Поезд так составили: первым на телеге с женихом, коего в тот день князем звать положено, отец крестный Макария ехал, Бажен Поздеич, царя изображавший. С ним вместе братья старшие или дядья жениха – тысяцких должны и бояр видом показывать. Да только братьев у Макария не нашлось – один рос. Потому дядьки его Прохор и Федул места сии заняли. За ними на телеге следующей крестная мать, тетка и свахи ехали. А после всех дружки жениха и подружки невесты. А самый последний в поезде том – колдун в звании вежливец для оберега от нечисти, ибо родители молодых опасаются будто свадебный поезд злые духи могут оборотить в зверей диких или птиц хищных из зависти к чужому счастью, а ли просто из того, что призваны царем темным зло творить и всякого доброго человека мучить.

На этой свадьбе, к счастью, нечисти кругом не наблюдалось. Довезли молодых подобру-поздорову вокруг деревни до дому Макария, еще дедом срубленного. Всю дорогу пели песни величальные. А как добрались, то в доме продолжили. Перед тем как войти в сени по обычаю осыпали Макария с Евдокией хмелем и зерном, чтобы жили они счастливо и горя не мыкали. Жить им желали все сродственники толсто, то бишь богато, сидеть на мехах, а спать всю жизнь на снопах, что означало прибыток в доме и богатство бескрайнее. Потому постилали им ржаных снопов в горнице вместо постели и усаживали молодых на меха. Всякий раз притом пели песни, величали отца с матерью, богов славянских Тура и Леля, да еще Ладо, любовь и радость приносивших.

Понятное дело, в самый разгар свадебного застолья похитить невесту полагалось и выкуп за нее потребовать с жениха и дружек его. Что и сотворили Федос с Николашей, упрятав Евдокию в чулан, под хохот и веселие общее, под шум гусельников и вой сопелок. Ну а как наступил первый вечер свадьбы многодневной – испекли новобрачным яство вкуснейшее, прозывавшееся куря вечерняя. Как наелись молодые сей кури, да медовухи сладкой испили, потянуло их на разговор душевный, который, понятно дело, уединения требует. А уединение молодым в такой день только в сеннике дозволяется.

Сенник, где молодым спать, так убирался – по четырем углам стрелы втыкали острые, а на каждой из них по соболю, а ли кунице с калачом вешали. На лавках по углам ставили по посуде оловянной с медом. Самую постелю брачную делали на двадцать одном снопе, ибо из числа уважался у большинства русичей нечет.

А после того, как подали на стол последнее кушанье, то бишь курю вечернюю, главный дружка жениха Федос обернул остатки сего кушанья, а вместе с ним калач с солонкой, скатертью и отнес все это на постелю, куда вслед за ним отвели и молодых. В дверях

Макария с Евдокией посаженный отец встретил, сдал, как полагается с рук на руки новобрачную мужу ее, сделал ей пристойное нравоучение и советы дал как жить в супружестве.

Что далее было – про то только Макарий да Евдокия ведают, остальным пилося сладко и до молодых боле дела не было. Покудова сами молодые незнамо чем с сенике занимались, остальные напились медовухи, да спать повалились в скорости. Только дядьки Макария Федул да Прохор стойко держались, а к утру их на разговоры потянуло. Стали они друг дружке истории всякие сказывать, да по очереди удивляться. Про клады посудачили, что в земле лежат. Таких на берегу Туренки не бог весть как много было, конечно, но было. Сказывали, что разбойники-душегубы, что всю жизнь свою по лесам от войска воеводского прячутся и людям добрым проходу не дают, клады сии в берегах Туренки и запрятали в местах укромных. Клады те на крови людей убиенных замешаны, потому лежит на них заклятье страшное. По началу лета прошлого, аккуратно на Ивана Купала, отправился один мужик перехватовский, Евлампием прозывавшийся, родню навестить в село дальнее Верхотурино, что стояло в трех днях пути выше по течению реки. По тропинке шел, что вдоль берега вилась, еле под травой видная, потому как хаживали по ней раза три в год, не более. Два дня шел Евлампий, никого на пути своем не встретил. Лег под березой по полудни и заснул. Сморило его. А как очухался, так уж полдня проспал, вечерело. Покумекал мужик – вроде к ночи дело идет, да только ждет его родня этим днем вовремя – на именины торопился к сродственнику, ну и пошел себе. Благо, ночь похоже звездная выходила по всем приметам и теплая, а итить он вдоль берега должен – авось не заплутает в потемках. Идет так себе Евлампий, песни под нос мурлыкает. А дело было, как сказано, аккуратно на Ивана Купала. В ту пору во всех окрестных землях, населенных русичами и племенами близкими, погода стояла сухая и жаркая, какой отродясь не бывало. Травы рост начинали, хлеба удались, но самое великое дело творилось по ночам в уголках заповедных, лесах сумрачных. В такое время в низинах лесных, скрытых от глаз людских, цвел папоротник. Много про него сказывали, но самая чудная сказка была о том, что в ночь на Ивана Купала начинали сами собою в земле клады драгоценные светиться. Не всякий человек, баяли, их увидеть мог. Мол, открывались они только тому, кто в них свято верил и чист был сердцем и душою. В ночи такие в деревнях не спал почитай никто. Ребята да девки всю ночь на Ивана Купала в речках лесных нагишом купались, апосля чего разводили костры, да чрез огонь сигали с криками и визгами. Накупавшись вдоволь, шли они под утро, когда туман лесной еще не рассеялся в низинах, искать клады богатые посреди зарослей папоротника. Туман в том помехой не был, ибо настоящие клады видят не глазами, а для тех кто видеть мог они и сквозь туман покажутся. В ночь, когда в лесах папоротник цветет, никакой зверь людям худого не сделает – ни волк с глазами желтыми хищными, ни медведь бурый, ни вепрь клыкастый, ни лось с рогами ветвистыми. Броди до самого утра по лесу заповедному – ничего с тобой не случится, ибо только одну ночь цветет папоротник, и в эту ночь никакая сила сильней его не бывает.

Идет, значит, Евлампий себе в сумерках по берегу Туренки, под шум ее себе под нос песни мурлыкает, ветки деревьев, над тропой нависших руками раздвигает, и вдруг – чу, голоса ему слышались. Остановился он, прислушался. До деревни далече вроде бы еще, а людям добрым в ночи неоткуда взяться. Видит он около самого берега лодья плывет, а ней люди с факелами горящими что-то замышляют. Темень вокруг уже опустилася, полночь близится, потому людей тех видать здорово. Присмирел Евлампий, встал и смотрит сквозь ветки, что далее будет. Лодья та скоро к берегу приткнулась, вышли из нее десять лихих молодцев в кафтанах коротких и с саблями на боку. Четверо факелами смолистыми путь освещали в ночи темной. А остальные шестеро молодцев сундук промеж себя несли, железными обручами окованный. Тяжелый, видать сундук, ибо сильно уж они тужились, хотя и не хлипкие с виду. Пошли они в тишине ночной на холм высокий, через который как раз тропка проходила, что вела в Верхотурино. А Евлампию страсть как узнать охота, что они там за сокровища прячут – он за ними втихаря и двинулся. Крадется следом, яко тать в

нощи, боится себя шумом малейшим выдать, но охота – пуще неволи. Хоть и боязно, молодцы-то больно страшенные и видом своим с разбойниками-душегубами более всего схожие. Таким честному человеку кровь пустить, что чарку браги выпить. Но, уж больно сундук у них примечательный. А ну как там золота видимо-невидимо, а ли камней драгоценных? Так Евлампия только место заприметить, а потом с родственниками вернуться, да и откопать, а там – живи себе царем, на всех хватит. Хоть и нехорошо воровать-то, ну так ведь добро там в сундуке тоже не своим горбом нажито, а хозяева евойные наверняка давным-давно уже в земле гниют и супротивиться не будут. Поразмыслил так Евлампий промеж себя и потихоньку дальше двинулся, а дух золота уж прямо ноздри щекочет.

Молодцы-душегубы меж тем уже не холм прибрежный поднялись, а на нем ни единого деревца нет, только чуть поодаль, в двадцати шагах, березка кривая растет. Стоят молодцы, помышляют о чем-то злодейском под блеск факелов смолистых, а их отовсюду хорошо видать, даже подходить близко без надобности. Тут еще и луна разыгралась, последние облачка от нее отошли и осветилось вокруг все серебром загадочным, а вдоль всей реки Туренки пролегла в одно мгновение серебряная дорога по волнам, по коей, как Евлампий знал точно, черти иногда с неба на землю спускаются за добычею. В ту минуту старший промеж душегубов осмотрелся по сторонам и факел в землю воткнул, перстом на то место указав. Поставили молодцы свою ношу на землю и стали своими саблями землю рыхлить да в стороны отбрасывать. И продолжали они свою работу тайную почти до самого рассвета.

Евлампий все то время в кустах придорожных просидел ни жив ни мертв, а от мыслей про золото у него перед глазами видения начались всякие. То чаши золотые, да кубки с изумрудами перед ним в воздухе возникали и кружились над головой в сатанинском танце обгоняя друг друга. То сабли богатые с топорами, опять же камнями драгоценными величины немеряной обсыпанные, начинали битву меж собой, словно черти передрались из-за добычи. Виделись Евлампии наряды царские, шубы соболиные, да из горностая деланные, портки золотыми нитками тканые, да сапоги красные. И все это вертелось, крутилось, стучало и гремело так, что он уж боялся, будто грохот сей мысленный услышан будет душегубами и его убежище раскрыто, а там – саблю в бок и поминай как звали!

Меж тем молодцы-разбойнички свою работу закончили и сундук огромный под землю опустили. Видать, там вся казна душегубская была за многие годы собранная, еле сдержали сундук молодцы покудова опускали. Потом землю всю обратно покидали да дерном засыпали. А старший их какое-то действие сотворил над захоронением. Да видать без чертовщины тут не обошлось, ибо сундук аж из под земли насыпанной стал свет красный испускать, будто угля раскаленные под землей лежат. Евлампия аж дурно стало, что-ж там такое разбойнички захоронили тайное, что светится могло сквозь землю? Ясно ему одно стало – клад там точно, ибо, что еще в ночь на Ивана Купала сквозь землю светится будет, ежели не клад?

Закончили разбойнички работу, стоят по пяти человек с каждой стороны от захоронения и вдруг видит Евлампий странное дело: пятеро, что слева стояли, вдруг как выхватят свои сабли острые, да как налетят на остальных и вмиг изрубили их на куски окровавленные. Атаман душегубов в стороне стоял, аж в усы себе недобро усмехнулся, видать, так и задумано было. Как стекла кровь с сабель разбойничьих, приказал им атаман, чтоб в лодью шли. Да только не успели они дойти до берега, как двое сызнова сабли повытаскивали и зарубили троих своих дружек, так, что двое их осталось всего, да атаман, что позади всех шел. Переступили они через трупы кровавые и подошли к берегу, уже в самую лодью стали забираться, за борт ее высокий руками схватились. Тут вдруг, глядит Евлампий, сам атаман из сапог своих красных два ножичка острых как выхватил, да и всадил дружкам своим в спины широкие, аккуратно под ребра каждому. Так и упали они в воду прибрежную мертвее мертвых, залив вокруг кровью своей все. А атаман, хитрый как старый лис, не полез в лодью. Он вдруг повернулся, пошел вдоль берега и пропал скоро из виду за кустами прибрежными. А Евлампий, ни жив ни мертв сидит от увиденного злодейства, шеломнуться боится – а вдруг

атаман злой его увидал, а ли почуял? И вдруг слышит свист разбойничий в ста саженьях от себя и видит, что с реки к берегу тихо другая лодья подошла, факелов на ней не видать, да и сама словно чудится тенью призрачной душегубской на реке ночной. Подошла лодья к берегу, прыгнул атаман в нее и был таков.

Вылез тут Евлампий из своего убежища и дрожа от ужаса к месту заветному кинулся. Глядь, а кругом уже одни скелеты истлевшие валяются, словно и не разбойники то были, а бесовские отродья. Подошел он к земле светящейся, упал на колени, да такая его жадность обуяла, что стал руками своими землю разгребать. Гребет, а земля все горячее становится, уже и рукам жарко. Так дорылся он аж до самого сундука, откинул крышку в радости дикой, а от туда как выскочит девица страшная с волосами грязными в одеянии белом и косою в руках костлявых, да как саданет этой косою Евлампия по шее, так и голова с плеч покатила, да к самой речке Туренке, где лодья разбойничья стоять осталась, и укатилась. Упал Евлампий рядом с сундуком, да кровью своей все окрест и залил. Так и не дошел он к сродственникам на именины, помер от жадности по дороге.

– Да, – сказал дядька Федул, дослушав сию историю Прохора до конца, – клады они многим кажутся, да не всем даются. Энтот видать заговоренный был на много человек.

– Это как так? – спросил Прохор.

– Да так. Значит это, что найти такой клад мало, надо еще знать которому он в руки уготован. Может пятеро помрут, духом смертным убиенные, а шестой его возьмет голыми руками, ибо заклятье так сотворено. А может и все пятнадцать помрут, кто его знает.

– Да кто-ж знает, как не атаман?

– Он-то знает, да только не скажет.

Призадумался Прохор, а потом говорит:

– Слушай Федул, а может только на одного энтот клад заговоренный? Ежели аккуратно, может и повезет?

– Может и повезет, кто его знает. Тут как судьба-лихоманка прикажет. А чем про клады задумывать, давай-ка лучше брат с тобой медовухи хозяйской отпробуем. Больно она здесь хороша. А там и поспать не грех, светает уже.

С этими словами Федул налил две чарки. Выпили они с Прохором на пару, крикнули, да усы вытерли рукавом. А после чего спать отправились. Только Прохор перед сном на крыльцо резное вышел и постоял чуток, глядя в верх по течению Туренки, не засветятся ли клады какие, их говорят далеко видать.

Глава 3. Поезд свадебный

Женился купец богатый Афоня. И было ему тридцать три года. До сих пор жил Афоня бобылем, ибо имел нрав крутой и никто из девок, что ровней ему приходились в славном городе Киневе, по доброй воле идти за него не желал. А коих звал он недолго любушкой – бил Афоня нещадно. Рука у него, к слову, была тяжелехонька. Изувечил он дочь купеческую Матрену Аграфеевну, до той поры первой красавицей считавшуюся во всем стольном граде Киневе, синяков ей наставил под глаза красивые, да ребро сломал, ударив поленом. Алефтине же Ивановне, ключнице княжеской, едва ухо не откусил. А все потому, что больше жизни своей любил купец Афоня бражничать с друзьями своими и не знал в этом занятии ни меры, ни конца, ни краю. Делами то его, кои в торговле мехами заключались, уже давно ведал дворовый человек Еремей, а Афоня только тратил добытое. Сам же никогда почти к торговле интереса не знал, утопив его в браге, лившейся ему в рот ведрами. Никто в Киневе не мог перепить сего буйна-молодца. Да и не только перепить. Силен был Афоня от природы, как медведь. Правду говорят, что у дураков ум весь в силу ушел. И побить его тоже не мог никто. Он хоть и купец был, непростого роду, а имел в тайных недругах немало людей всех сословий, мечтавших набить его широкую красную рожу, от коей всенепременно несло перегаром. Но мало кто отваживался. Один купец Охрим, торговавший бусами да камнями всякими, однажды оскорбившись поведением Афони, который стал зубоскалить о

его жене принародно, попытался образумить буяна, да только вышло наоборот. Пьяный Афоня так отметелил своего собрата-купца по всем местам, и на прощанье приголубил дубиной по голове, что Охрим потом целый месяц находился на последней дороге между жизнью и смертью. А жена его красавица Ольга плакала у изголовья.

Межа Афоня поставлял самому князю местному Вельямиру, который был ими очень доволен, а потому купец-бражник всегда сухим из воды выходил, что бы ни вытворял он над обитателями Кинева. Даже дружинники князя, сильные молодцы, все как на подбор – кровь с молоком, с ним дружбу старались завести. Потому как сильные они были, но душонки у них были жадные да жалкие. Как народ обирать – тут дружина по первому зову собирается, князь только перстами щелкнет. А как идти воевать кого из своенравных соседей, волю князя не желавших признавать, так тут и неделю дружину не собрать. Сразу мзду за службу просят. Сам Вельямир слыл сластолюбцем первейшим – изо всех селений, кои воевал, брал в полон девок красивых и услаждался ими еженощно. Подобно ханам аварским имел он в своем гареме две сотни девок. Окрестные народы, узнав о появлении киневской дружины поблизости, прятали в лесах своих девок, да жен. Знали они, если сведает Вельямир о том, что среди местных жителей есть жены красивые – мимо князь не проедет. И тогда горевать мужьям, да отцам. Вельямир же, не находя в селении утехы – казнил всех. И росла ненависть лютая в сердцах. В последний свой поход за данью и девками проходил отряд ратников княжеских через деревню Подолье, что на берегу речушки лесной Ракитинки раскинулась. Вели хозяйство трудное здесь достойно – лес корчевали, да сеяли, что могли. Земля платила скупое за труд, но все же давала всходы, коих было достаточно на прокормление. Жили здесь только пять семей, и была среди женщин местных красавица Акулина, жена старшины местного Василия Ухвата. Приглянулась Акулина князю, собрал он дань с деревни, да велел своим дружинникам присовокупить к ней и жену старшины для потехи будущей. Схватили Акулину ратники, как ни кричала, ни царапалась, спеленали, да на повозку с данью собранной бросили.

Взмолился тут Василий. Закричал.

– Ты пошто срамишь меня, княже?! Мы тебе платим дань исправно, так зачем ты отнимаешь жену мою, Акулину? Ужели тебе своих невольниц мало?

Рассмеялся диким смехом Вельямир.

– Не моли старшина напрасно. Жена твоя теперь мне утехой послужит. Больно хороша она для такого босняка, как ты. А я ее обогрею как следует. Она довольна будет.

Не выдержал Василий. Бросился в избу, да выбежал оттуда с топором. Ратники, увидав сие, выхватили мечи острые и на мужика бросились. Но, не тут-то было. Двоих зарубил обезумевший Василий, хотя они и в кольчугах крепких были. Говорят – обида силы для борьбы дает слабым, а силу сильных удешевляет. На князя бросился, ударил его топором в грудь, да только не убил. Князь на коне сидел, весь в броню закован был. Скользнул топор по зеркалу, да отсек Вельямиру десницу. Упала она коню в ноги. Залил кровью князь седло дорогое. Наскочили сзади ратники, зарубили старшину несчастного мечами. Голову отсекли и собакам бросили. Руку князеву, от коей десницу отрубили, перевязали накрепко. Да сильно осерчал он тогда, едва смерти избегнув. Велел всех свободных хлебопашцев в неволю отдать, а деревню спалить. И запалил костер великий на берегу речушки Ракитинки. А князю после того случая в народе прозвище дали – Беспалый.

Вернулся Вельямир к себе в терем княжеский после захода солнца ясного в тот же день. Первым делом личный знахарь его раны попользовал, смазал зельями неизвестными, крови бег быстрый останавливающими. Затем, сверху полил он культияпку, от руки оставшуюся, травным отваром из сотен трав состоявшим – для заживления быстрого. Опосля чего помолился своему идолу Гвалу, ибо Бога истинного еще не ведал, о здоровье князя Вельямира. Сжег пучок соломы, трижды плюнул на восток и посыпал себе голову листьями ежевики. Сотворив сие действие, знахарь по прозвищу Харитон Акейский, удалился восвояси, в избушку на окраине Кинева, ибо жизнь свою и дела хранил в строгой тайне ото всех людей. Вельямир на его действия смотрел как и на все остальное: ежели есть польза – пусть

живет. Казнить его всегда можно. А пользу знахарь приносил. Вылечил он не одного дружинника княжеского от трясовицы, колючки, от свербежа, от огневицы, да от черной немочи. Иногда и князю пригождался, да вот теперь нужда в нем вышла большая. А то и помереть мог Вельямир от раны сей.

Помимо Харитона в Киневе обреталось еще несколько знахарей: Галыбан, Ведун да Негежа. Но колдовство их Вельямира не устраивало. Ибо не всегда оно верно было. Называть-то себя знахарями умными они называли, да мзду за это брали непомерную, но вот люди у них мерли как мухи, али начинали хворать новыми недугами, доселе их не тревожившими. За год минувший перемерло у Галыбана от колючки, да от огненной немощи добрых две дюжины народу, среди коих даже два купца было. Сродственники купцов поначалу хотели было сего знахаря на кол посадить посреди Кинева, да только после Галыбан убедил их, что мол это идолы преждевременно взяли к себе человека в отряд небесный за заслуги особые и хорошо ему сейчас там, даже лучше, чем по земле ходить. Посомневались сродственники, поспорили, да решили с колом повременить, ибо Галыбан обещал, что скоро будет им знак от почившего, из коего станет ясно, что тот доволен и на Галыбана за колдовство не обижается.

— Если идолы хотят взять кого к себе, Галыбан не может помешать. — говорил знахарь. И ему верили, и снова шли за советом и отварами из поганок. Но Вельямира пользовал только Харитон, с Галыбаном и остальными дружбы не водивший.

Как закончил Харитон свои действия, приказал князь привести к себе жену старшины его изуевичшего красавицу Акулину. Приволокли ее ратники, к ногам князя бросили связанную, ибо сама она идти отказалась. Рядом встали, факелы смолистые подняв. Осмотрел ее Вельямир взглядом похотливым, но потом отвернулся брезгливо: вся в грязи была измазана девица, платье ее истрепалось в дороге и от дождя намокло. Волосы спутались в комки. В свете мерцающем смотрела она в лицо Вельямиру с ненавистью, словно затравленная волчица.

— Что-ж идти ко мне отказалась по доброй воле, красна девица? — спросил князь киевский, — я хоть и страшен во гневе, но отходчив. И для всякого слово свое найду. Встань!

Но Акулина осталась лежать на полу земляном, зубы сжав.

— Встань, змея! — крикнул Вельямир, ткнув ее носком своего красного сапога в бок, так, что сжалась Акулина, — Муж твой, десницы меня лишил. Но я в том тебя не виню. За такую красоту и жизни не жалко. И все же — враг он мне даже после смерти, а я отмщения жажду.

Прошелся Вельямир по светлице широкой, злобно в бороду усмехаясь.

— Думал я тебя к себе в невольницы определить, чтобы телом твоим услаждаться без меры, да только передумал. Хотел тебе в отместку за мужа ноздри вырвать, да залить в рот железа текучего, али к четырем скакунам привязать, чтоб скакали они в разные стороны до тех пор, пока не разорвут на части твое тело белое. Еще мыслил завести тебя нагой в лес да оставить не съеденье диким зверям, медведям голодным, да волкам, али в муравейник бросить. Но не нашла во всех помыслах сих душа моя долгого удовольствия от содеянного. Как ни кинь — везде тебе помирать надо скоро, да только вместе с тобой твоя жизнь и ненависть помрет, а моя еще может останется. И культяпка эта мне до конца дней моих памятна будет.

Вельямир остановился, посмотрел в синие глаза Акулины, что светились злобой открытою, протянул ей культяпку пред светлы очи и молвил:

— А потому измыслил я следующее дело: я отдам тебя, девка, за муж.

И увидел Вельямир в глазах Акулины страх.

— Не бойсь, не за ведмеда дикого отдаю. За мужа видного, богатого. Роду знатного.

— Был у меня муж, а коли ты убил его, собака, так другого мне не надобно! — крикнула Акулина, доселе молчавшая гордо. Волосы ее мокрые черные по плечам разметались. Подивился Вельямир ее красоте сызнова, но решение уже принял.

— Быть тебе, девка гордая, женою купца Афони.

Содрогнулась красавица Акулина при словах сих княжеских. Купца Афоню, меха Вельямиру поставлявшего, знали далеко за пределами Киневскими. И нрав его буйный был хорошо известен даже в деревнях окрестных мужикам и бабам лесным. Оттого и содрогнулась Акулина, словно гадюка мерзкая ее ужалила, и затряслась всем телом от ужаса обуявшего. Отдавал князь Вельямир ее в жены лютому извергу жизнь с которым была хуже смерти.

А князь киневский только ощерился довольно – видит как проняло Акулину сие известие радостное. Велел Вельямир выволочь жену старшины на крыльцо красное терема, откуда волю свою люду вольному и подневольному объявлял по обыкновению. И велел народ весь согнать к крыльцу сему немедленно. Подхватили ратники Акулину под белы рученьки и поволокли куда князь велел. Двое стеречь ее остались, а остальные по Киневу разошлись, факелами трескучими махая, да орать начали во всю глотку, народ созывая на скоп великий. Не прошло и времени малого, а вокруг крыльца резного, входом главным в палаты царские служившего, волновалось море голов людских. Как говаривали: народу сошлось – тьма. Яблоку наливному негде упасть было. И гомонили люди на лады разные толкуя о чем князь говорить будет, ибо никогда ранее Вельямир не созывал народ посреди ночи темной. Одни кричали, что вольную князь решил дать своим холопам, поскольку явилось ему во сне от Перуна известие, что, мол, надо свободу дать. Другие баяли, что ворог на них идет воевать тьмой тьмушей, не то половцы, не то полчища ханов аварских, и князь велит ополчение собирать из народу. Третьи вспоминали о Вячеславе, князе великом солнцеградском, коему надлежало подчиняться всем остальным князьям удельным, и коему Вельямир не подчинялся. Жил Вельямир в лесах отдаленных. По своей воле творил, что хотел, разоряя селения окрестные, многие из которых, особливо дальние от Кинева, под солнцеградские владения подпадали. И давно уже обитатели Кинева лесного ожидали Вячеслава с дружиною в гости. Ожидали по-разному. Кто с ненавистью, а кто и с тайной радостью в сердце, надеясь на избавление от изверга. Но и те, и другие сходились на том, что Вячеслав – князь непонятный, неправильный. Ибо по собственной воле отдался он вере в одного Бога. Ну разве может на этакой земле, где лесов и рек несчетно, горы имеются во множестве, люду разноплеменного обитает тьма, один Бог со всем справиться? Киневляне веровали в идолов, коих насчитывалось не менее дюжины. Кто землею правил, кто лесами, кто болотами бескрайними, а кто из идолов на небе высоком обосновался. И каждый жаждал дань с людей получать. На урожай, на погоду сносную, на обережение от лихоманки, на рождение чад во множестве. Князь Вельямир был между людом и идолами звеном связующим, и дань сию передавал. Только идолы не все принимали – задобрить их было не просто. А все, что идолы отвергали, Вельямир у себя оставлял. Народ киневский на глаза зоркий, хотя и в лесах обретается, замечать стал, что в этом году ни урожая, ни детишек можно было и не ждать – идолы почитай все князю оставили, ничего принимать не захотели. Запечалились люди. И вот вдруг князь позвал их посреди ночи к себе на двор. Не иначе – приняли идолы жертвы обильные и Вельямир решил народ известить о деле сием радостном. Да только не о том заговорил князь, на крыльце появившись.

Была на нем одежда красная, золотом расшитая. Блестело золото в свете факелов. Дрожал пламень, и за князем тени колыхались чудные. Вышел Вельямир вперед на крыльцо, поднял вверх десницу целую, и, растворив рот, молвил.

– Слухай меня народ мой лесной. Собрал я вас на скоп великий для того, чтоб волю свою явить. Решил я завтра свадьбу сыграть великую, вам на забаву.

Зашевелился народ, загомонил: «Чем еще решил князь потешиться? Али мало ему своих девок-невольниц, али взаправду решил остепениться?». Да только обманулся народ.

– Не я невесту беру, не гомоните. Выдаю я бездомную девку Акулину за муж за купца добра молодца Афоню, что меха мне в терем доставляет. А вас всех ввечеру на пир великий зову. Гулять будем!

Замерло людское море. Стих гомон шумливый. Приумолкли балагуры. Знали все кто таков этот Афоня, и, хотя не многие ведали про Акулину, кто она и откуда, да только девицу

жалко было, ибо не бывать ей довольной судьбиной своей. По доброй воле никто за этого ирода не шел. Так значит, ежели Вельямир приневолил, и никак ей от жениха дикого не отвязаться, то в пору самой в петлю лезь. Никто с купцом Афоней долгого житья не вытерпит. А не наложит девка руки на себя, так Афоня жизни лишит. Али изувечит непоправимо, красоты лишив. И раздался в тишине народа молчавшего плачь громкий. То рыдала Акулина о своей судьбе.

Подхватили ратники девицу по княжескому знаку, уволокли в терем. Велел Вельямир народу расходиться по избам и землянкам, как вдруг показалось всем, что хохот раздался с небес темных, кои были облаками низкими затянуты. Три раза смеялись идолы ужас вселяя в души, а потом перестали. Народ на землю повалился в страхе великом, и подыматься стал только тогда, когда ратники княжеские пинками да копьями разгонять его стали. Сам Вельямир на небо глянул и скрылся в тереме своем, словно и не услышал ничего.

Укрывшись за дверьми дубовыми, направился князь киневский напрямик в потайную горенку, коея аккурат в самом дальнем конце терема помещалась, возле чулана. Шел он один, ибо никто акромья него самого об этой горенке и не ведал – ни дружине боевая, ни советчики приближенный, ни колдуны княжеские. Хранил он ото всех тайну свою великую.

Прошел Вельямир сквозь четыре горницы и спальню. Ратников, что покой княжеский берегли, у дверей стоять оставил. Спустился по резной дубовой лесенке в подпол. Прошел ходом потайным сквозь землю, потом снова поднялся, и вылез около чулана. Снял Вельямир там с груди своей широкой цепочку, на коей ключ махонький позлаченный обретался, да тот ключ в замочную скважину и вставил. Повернул три раза. Скрипнула дверь кленовая, отворилась. Шагнул Вельямир внутрь, да дверь за собой прикрыл плотно. И пахнуло на него сей же час могильным холодом из темноты, словно посреди кладбища в ночь глухую оказался. Глаза чьи-то желтые засветились во тьме мертвенным светом. Колыханье воздуха возникло. Хотел было князь свечу зажечь, да не смог. Вместо этого молвил в темноту, едва рот растворив:

– Что тебе надобно, Мориона? Али все не по твоему во владениях моих происходит? Зачем пожаловала?

Приблизилась ведьма, Вельямир даже хруст ее костей столетних услышал. Шарканье босых ног. Глаза желтые совсем рядом полыхают, завораживая.

– Настает час, князь. С добрыми вестями я пришла.

Прошамкала ведьма сии слова беззубым ртом и умолкла. Но и Вельямир молчал, слушал.

– Скоро. Очень скоро леса сии возрадуются приходу царя истинного. Уже идет он, уже слышна его поступь. Скоро хлынут на поля ваши его черные воины и польется рекой кровь врагов твоих. Радуйся князь!

Еще ближе подобралась ведьма, к самому уху прильнула губами дряблыми, обвисшими. Вельямир ее дыханье зловонное чует – плесенью и поганками несет от Морионы.

– Вячеслав будет тебя в ополчение звать в Солнцеград – не ходи. Там отшельники обреченные. Смерть найдет их всех. А тебе, как придут сюда воины царя черного из земель далеких, быть местным владыкой. Коли поможешь, как ранее, все в свою власть получишь. Владей всей землей славянской, рабами полной. Твори, что возжелаешь!

Тут уж Вельямир глазами загорелся. Видел он себя уже Руси обширным владетелем, жившим в тереме Солнцеградском. А Князь великий Вячеслав у стола его с яствами прислуживал, сапоги его грязные языком вылизывал, за обеды с псами да нищими дрался. Вельямир же пинал его когда вздумается то в бок, то в шею, а то в глаз сапогом своим красным, приговаривая «Я Теперь Руси хозяин, я владетель». Богатыри Вячеславовы все в колодках сидят в темнице глубокой Солнцеградской, цепями прикованные. Дожидаются забавы любимой Вельямира – медвежьей охоты. Это когда медведя голодного в темницу запускают, а людям оружия не дают. Очень уж любил Вельямир эту забаву. Закрыв глаза князь, заволновался. Всем телом задрожал.

– Передай царю, черных земель хозяину, будет ему помощь от меня, ежели не врешь ты, старая.

Сверкнули глаза желтые ведьминские.

– Не забывайся, человечина! А то враз пнем придорожным станешь.

– Ты не стращай меня, ведьма. – оборвал ее Вельямир, – а что молвил – передай, я слово сдержу. Ненавижу я Вячеслава пуще всех. Сам хочу быть князем Великим.

Ничего не ответила ведьма, только вспыхнул костер ярчайший посреди горенки, да потух сразу. Будто уголья на полу остались тлеть.

– Жди. – раздалось.

А спустя мгновение услышал Вячеслав над теремом своим смех гулкий, раскатистый, сосны да ели закачавший. Только стихло все быстро потом.

На следующий день велел князь разыграть действо свадебное. Афоня сватов своих заслал к нему прямо в терем, ибо не было у Акулины ни отца ни матери в Киневе чтобы выдать ее замуж – Вельямир заменил их своевольно. Настоящие же родители Акулины в огне жарком сгорели, что велел князь в деревне разжечь, гневаясь. Приехали сваты к обеду на телеге широкой резной тройкой лошадей запряженной. Были то холопы Афонины – Стенька и Егорша. Оба с утра лыка не вязали и на ногах еле стоять могли, покачиваясь. Привезли они князю дары богатые: телега до самого верху мехами ценными была уложена. Песен, которые полагается, не пели, поскольку языки у них заплетались. Народ, собравшийся по такому случаю вокруг терема, погломил слегка. Не хорошо это получается, когда песни петь надобно жалостливые и величальные, а Стенька да Егорша только икают стоят. Не хорошо и то, что холопы за женой будущей приехали, а не дружки Афонины, хотя дружек у него отродясь не водилось. По всему видать унижение девице выходило полное. Опечалился народ сызнова. Не видать девке света белого с таким извергом.

Тут Акулину на крыльцо вывели. Разодета она была в наряды красные, бусами да украшениями увешана, но только на лице ее застыла печаль великая. Двое ратников невесту крепко под руки держали, видать вырывалась она от них не раз, словно кобылица своенравная. Посмотрел на нее Вельямир, усмехнулся, на культипку свою взглянул и молвил Егорше со Стенькой:

– Забирайте сваты добрые сию девицу Акулину. Отдаю ее принародно в жены купцу Афанасию на жизнь долгую. Живите счастливо. В любви и согласии.

При словах сих рванулась Акулина сильно, но ратники ее удержали.

– Забирайте девицу! – приказал Вельямир, голос повысив.

Подошли шатаясь Егорша со Стенькой. Хотели было Акулину взять под белы ручки да усадить в телегу с бубенцами, только вырывалась она, да как съездит Егорше по широкой морде кулаком – Егорша аж удивился. Только Афоня ему строго-настрого приказал, чтобы невеста ни делала – привезти ее в любом виде в дом его, а там уж он с ней разберется, как полагается. Потому Афоня ухватил невестушку за руку да стал пихать ее в телегу широкую. Закричала Акулина, заголосила. Загомил народ собравшийся. Что же это за свадьба получается? Всякого конечно видали, но уж больно девку жалко. Меж тем Стенька с Егоршей запихали Акулину мятущуюся в телегу, стегнули лошадей кнутом, да поехали в дом к Афоне.

Оставив позади народ волновавшийся выбрались они к окраине самой, где застава Верхоглядская располагалась. Акулина бесновалась по-прежнему. Но Стенька, сидевший рядом, держал ее крепко.

– Погоди, погоди! – приговаривал он, – вот приедем до дому, уж Афанасий Геронтич тебе покажет жисть сладкую. Правда, Егорша?

– А-то! – усмехался Егорша погоняя и без того резвых коней.

Скоро показался дом купца Афанасия – высоченная изба к коей были пристроены обширные, подстать избе, резные сени и амбар. Около избы сидело верхом на конях добрая дюжина всадников, по оружию дорогому и упряжи, то были княжеские ратники, коих купец

Афанасий позвал на свадьбу поддержать честную кампанию, не забыв подарить каждому по шкуре соболя. На высоком крыльце стоял в раззолоченном кафтане и сапогах сам Афанасий, уткнув ручищи с необъятными кулаками себе в боки.

Поравнявшись с избой Егорша осадил коней и молвил с поклоном:

– Вот, хозяин, привезли тебе невестушку как было велено.

Посмотрел Афанасий на то как вырывается Акулина из рук холопских и довольно осклабился.

– А девка-то с норовом, будет кого уму-разуму поленом поучить.

Сидевшие на лошадях ратники заржали не хуже конского табуна, услышав купеческую шутку.

– Ну да ладно, – сказал Афанасий, – Словом перемолвиться мы еще успеем. А сейчас, гости дорогие, пока не стемнело, поспешать надо в церквушку, что на лесной поляне под Киневом князь выстроил. Там и обвенчаемся, вдали от глаз людских, коих я терпеть не могу. А потом возвратимся к Вельямиру на двор княжеский да отпразднуем сие событие всем скопом. Ох и люблю-ж я покуражиться.

Со словами сиими Афанасий запрыгнул в телегу резную рядом с невестой и хлопнул по спине своего холопа.

– А ну, Егорша, вжарь по вороным что есть мочи! Гулять едем!

Холоп стеганул лошадей и они рванули с места. За телегой ратники пристроились. Свадебный поезд тронулся в путь. Афанасий наклонясь к Акулине, извивавшейся в руках Стеньки и, дыхнув ей в ухо перегаром, молвил:

– Что ты бесишься так, любушка ненаглядная? Али я не мил тебе, не красив, не знатен? Может я лицом не вышел?

И прильнул к щеке ее, раскрасневшейся от борьбы, своими губами слюнявыми. Рванулась Акулина, от оскорбления великого силы у нее прибавилось, руку одну ослобонила, да как даст Афанасию в левый глаз, тот аж взвыл от боли.

– Ах ты стерва проклятая, – заорал купец, – Ну я тебе покажу как со мной разговаривать надо.

Схватил ее за обе руки, заломил их назад, так что косточки хрустнули, и связал веревкой, что в телеге валялась, Опосля чего столкнул тело Акулины себе под ноги. И залилась девица горячими слезами.

– Полежи вот так, охолони, покуда дурь из тебя не выйдет, невестушка.

Долго ли, коротко ли, ехали они по лесной дороге неизвестно, а только стало понемногу смеркаться. Давно уже пора было показаться церквушке лесной, что на поляне одинокой таилась от глаз людских, а ее все не было. Деревья потянулись вдоль дороги высокие, да замшелые. Кое-где они вставали над Афанасием со товарищи лесными арками. Ехали они ехали, да кони вдруг спотыкаться стали, а ратники усталость почуяли. Меж тем, дороге конца-краю не видно. Да и стемнело почти совсем. Первые махонькие звездочки на небосводе показались. Выпил купец браги с ратниками и уже хотел было держать совет не сбились ли они с дороги, как вдруг услышали они впереди себя конский топот. Кто-то скакал им навстречу. Решил Афанасий, что это Вельямир-князь послал за ними провожатого, да ошибился.

Меж тем топот все приближался и, наконец, показались из-за поворота дороги четверо рыцарей. Подъехали они поближе и остановились в десяти шагах. Как увидал их Афанасий – дара речи лишился. Не рыцари то были, а чудища невиданные. На всех были надеты брони черные, казавшиеся чернее ночи даже в наступивших сумерках. На плечах, локтях и коленях торчали из них во все стороны шипы острые, что одним ударом могли пробить доспех вражеский. Попоны конские до земли стлались. Щиты массивные с изображениями коваными, не то драконов, не то змей, в левой руке у каждого всадника имелись, а в правой держал воин каждый свое копьё, особенное. Один – длинное узкое древко, что острым лезвием оканчивалось, с клинком сходным. Второй оружием имел трезубец вида ужасного, опосля которого в теле рваные раны оставались. Третий держал копьё с наконечником в виде

острого серебристого полумесяца, а копьё четвертого рыцаря венчало массивное трехгранное острие. Шеломы у всех на головах были диковинные, таких в русской земле не делают, – в виде птиц и зверей ужасных с рогами и клыками острыми. Афоня таких никогда не видывал.

Вдруг один из всадников поднял забрало, и ратники княжеские, при виде сиих чудищ страхом к земле пригвожденные, увидели два желтых, засветившиеся в темноте глаза. Другой черный рыцарь снял шелом, и увидели все, что нет у него человеческой головы, а вместо нее из доспехов торчит голова сокола. Засветились на той голове глаза, как у первого рыцаря, жутким светом желтым. И попадали тогда ратники княжеские с коней своих и стали ползать меж ног у них. Осветилась в тот час одинокая лесная дорога серебристым светом – то вышла из облаков луна. И обратились ратники в волков лесных, с диким воем разбежались по окрестностям. Афанасий купец обернулся тот час медведем-шатунем, злым и голодным вечно. Прыгнул он из телеги в лес и пропал. Холопы его – Егорша со Стенькой – хорьками стали. Акулина несчастная обратилась в горлицу. В небо высокое кинулась. Проводил ее желтым глазом воин с головою сокола и снова надел шлем диковинный. Пришпорив лошадей своих, четверо черных рыцарей, невесть откуда появившихся в земле русской, двинулись дальше по дороге лесной.

Глава 4. Князь Вячеслав

То не солнце младое на небо взошло высоко, то Вячеслав, князь Солнцеградский, владетель Руси великой, на балкон широкий терема резного вышел. Терем княжеский, как водится, прямо посреди городища, на холме возвышался. Оттуда далеко видать мог князь: где что в землях его вытворяется, где живут люди согласно порядку, а куды и дружину послать нужно, уму-разуму поучить особо непослушных. Высоко терем стоял княжеский, и, ежели приглядеться, посильнее, то и царства заморские становились видны как на ладони. Особливо эти страны и любил Вячеслав по утрам, апосля трапезы легкой, рассматривать. Сядет бывало на балконе, кинет взгляд за горы высокие, моря широкие, так и сидит цельный день, забавляется. А чего еще царям по утрам делать? Прямо скажем – нечего, ежели в отечестве уже благодать есть. А она, как раз, в то время и наблюдалась по всей округе.

Авары, после смерти хана своего, границ южных боле не беспокоили; Андрофаги и Меланхлены, на севере далеком ловили рыбу и ни о чем зловредном не помышляли. Кириаландия, страна вольная и независимая, что простирается от моря Варяжского аж до самого моря Белого, хоть и имела население воинственное, которое славилось боле набегами своими да волшебством, чем хлебопашеством, ныне вела себя тихо и русичей не беспокоила. Биармия, соседняя с нею, по характеру народа своего была страна схожая. Тянулась она от Двины Северной и моря Белого до реки Печоры, за коею лежала страна неизведанная и страшная, где жители варяжские полагали отчизну ужасов природы и чародейства злого – Йотунгейм.

Место то поганое, неведомо было никому, лишь старики поговаривали, что водятся там не только лешаки да ведьмы, чего и на Руси полным-полно было, а нечисть ужасная и огромная, что летать и огонь изрыгать умела. Живут-де там змеи многоглавые, медведи шестипалые, волки с глазами красными, что лишь людьми питаются, рыбы зубастые и хвостатые, которые по земле ходить могут и летать, да много другой нечисти, что и описать нельзя. Вся трава там сонная, ягоды – ядом полные, где на землю ни ступишь – в колодец с гадами провалишься, время – заколдовано, в лес зайдешь – не воротишься. Слава Богу, что на Руси та нечисть не является. Лишь виден иногда дым черный, что от горы великой подымается, затерянной средь лесов тамошних. Ходят слухи, живет там в глубокой пещере хозяин мест поганных и всей окрестной нечисти, злой волшебник, великан Оршан. А дым идет, когда варит он на костре огромном варево из трав ядовитых, и измысливает новую погибель для людей, что во всех странах окрестных обитают, ибо люто их ненавидит. Вкруг горы, охраняя покой, стоят шесть истуканов каменных, насылая на всех, кто отважился в

пещеру проникнуть сон смертный. Так что, ни человек, ни птица, на тыщу верст приблизиться к той пещере не могут.

Долго смотрел Вячеслав в сторону Йотунгейма, но взгляд его не мог проникнуть далее мутно-серного неба на востоке. Дыма, однако, он не увидел и успокоился. Хотя бы оттуда грозы ждать пока не приходилось, Оршан видно спал. А может и не было вовсе никакого великана, врут все старики, – подумал Вячеслав и оборотил свой взгляд в края южные. Глядя в дали знойные, вспомнилось ему как в прошлом году ходил он с дружиною верною своею аваров злых воевать. Много с той поры воды утекло, да только не забыть князю тот поход. В ту пору авары в силе находились и беспокоили набегами своими южные границы русичей. Города защищенные брали приступом, а уж починки и займища славянские в пепел обращали не думая. Жен, девок и детей малых в полон уводили, рабами делали. А верховодил над ними князь аварский Аргуч.

Вячеславу доносили лазутчики, мол злющий и хитрый черт, сам людей пытается и кожу своими руками с них сдирает, да велит себе из нее седла шить. Сказывали, у него таких седел уже почитай дюжина набралась. Не стерпел Вячеслав наглости такой от народов кочевых южных, да велел дружине в поход собираться. Кинул клич и собралось войско сильное, не малое. Попрощался князь Вячеслав со своей женой Настасьей Фаддеевной, патриарха Викентия дщери любимой. Поцеловал в лоб дочь Ксению, коей минул уже осьмнадцатый годок. Сел на коня черногривого и в путь далекий пустился с дружиною верною.

Долго шли они в земли аварские, сквозь холмы и леса буйные, сквозь степи широкие, бескрайние, через реки бурливые, полноводные. Пять тысяч конников было у князя и двадцать тысяч пеших воинов, добрую треть из которых составляли топорники – то бишь ратники с топорами острыми, что метать их могли метко из дая во врага прямо. Много дней шла эта сила до земель аварских, а как дошла, то сразу в битву вступила. Ибо ждали их уже авары в степи широкой на границе земель полуночных, через своих лазутчиков сведавшие о приближении князя солнцеградского с дружиною. Разбил князь войско аваров, разметал в клочья насильников степных. В той битве особенно топорники отличились – многие ударом топора боевого валили аварского конника на землю, да так, что не подымался он более. А как унеслись прочь остатки аваров побитых от границ своих, вступил Вячеслав в их владения обширные и начал селения палить в отместку, посева редкие, да скот многочисленный уничтожать повсеместно. Девок и жен, правда, пощадил.

Так воевал он аваров целное лето, до тех пор пока не выжег полстраны аварской и не пошел по всей стране той мор великий от кончины скота начавшийся. Уже совсем было решил Вячеслав утихомириться, ибо отомстил он за все беды причиненные аварам, да те вдруг опять на него бросились, войско собрав за это время великое, втрое дружину князеву превосходившее. Окружили его стан авары у мелкой речки Дустули и бой навязали сильнейший. А русичам отступать некуда, до родины далеко, встали они вокруг своих повозок да бой приняли бесстрашно, как всегда русичам подобает. «Умрем, – сказал им князь перед битвой, – А с места этого не сойдем!» И в гущу аваров бросился. Схватился там с Аргучем, князем аварским, который сам битвою правил.

Жестоко они бились, искромсали друг другу латы кованые на куски, нагрудники твердые стальные погнули, поранили тела свои, кровью все облились, а все не отступаются. Каждый верх взять должен, показать воинам своим, что он сильнее. Ударил Аргуч князя русичей Вячеслава мечом изогнутым по плечу и чуть руку не отсек. Полилась из раны кровь багряная, оросив почву сухую густыми каплями. Обрадовался Аргуч, победу почувал, даже клич победный издал, сотнями аваров подхваченный. Да только тут изловчился Вячеслав, да как рубанет мечом своим тяжелым что есть мочи и снес Аргучу голову с плеч. Покатилась голова князя аварского с волосами длинными, черными как смоль, прямо на землю, под ноги коню своему, который ее и затоптал. А от страха, что наступил на голову повелителя своего, испугался конь и подорвался в степь.словно молния проскакал он сквозь ряды воинов аварских, унося на себе тело князя обезглавленного. Обезумели от злобы и отчаяния авары и пуще прежнего на русичей набросились. А прежде всех на князя Вячеслава. Да только

подскочили к нему вовремя верные конники, да за ряды воинов русских отвезли князя раненного, кровью истекающего, телами своими прикрывая.

Бились воины три дня и три ночи без отдыха. На место убитого лучника, новый лучник вставал. Конника, копьем умерщвленного, другой заменял, а вместо топорника бесстрашного, еще один витязь с топором вострым появлялся. Уже горы трупов опоясали стан русичей, а битва все продолжалась. Не смогли авары понять почему русские до сих пор бьются, почему не сдались на милость победителям, коих по трое на каждого русича приходилось. И бежали они в страхе не третье утро, признав русичей чародеями бессмертными, оружие свое побросав на землю. А русичи, посчитав сколько их после боя в живых осталось, возблагодарили Господа в которого верили ныне, ибо по пальцам пересчитать можно было витязей, смерти избежавших. По счастью среди них и князь Вячеслав находился. Хоть изранен, был князь, но жив. Положили его на носилки их двух копий сделанные и понесли обратно на Русь. По дороге Вячеслав быстро поправляться стал, более всего из-за победы над аvarами, и в скорости сам уже смог в седле сидеть.

Долго шли они, коротко ли, а как прошли полпути, так повстречался им посреди земель тургайских пустынных, что лежали между землями русичей и аварскими, лес красоты невиданной. Еще издали увидали его русичи. Стоит лес, деревья в нем высоченные, шириной в три обхвата. В ветвях птицы щебечут, в подлеске зеленом живность копошится, а меж деревьев ручей струится чистоты необычайной, родником подземным рожденный. Чудной то был лес, а может заколдованный, ибо рос он окруженный со всех сторон степями бескрайними. Не видали леса такого ратники доселе. Не место ему было в тех степях. Но, чудо, али нет, а отдохнуть под ветвями раскидистыми посередь солнца палящего было надобно. Ибо дорога домой дальняя, а ноги у пеших не казенные. Да и лошади притомились, следовало им воды дать напиться, да и самим испить. Ну, а пугаться всякой нечисти русичам не пристало.

Поразмыслил Вячеслав недолго, да послал троих ратников на разведку. Поскакали они в лес, все там обшарили, и вернулись с добрыми вестями, что нет там никаких врагов и нечисти тоже не видать. Знать, отдыхать можно без страха. Велел тогда Вячеслав в том лесу на отдых дневной становится, да вокруг леса все же кордоны расставил для порядку – мало ли что случиться может. Все же не своя земля, непонятная. Встали русичи лагерем на берегу ручья в дубраве, Вячеславу на поляне шатер соорудили из накидок алых. Шеломы сняли, мечи булатные от пояса отстегнули, воды напились вдоволь. Дичи всякой, что шныряла в том лесу повсюду и было ее видимо-невидимо, настреляли и зажарили над костром. А под вечер, как солнце скрылось за краем земли степной, напал вдруг на всех сон сильнейший чудодейственный, и заснули ратники кто где стоял али сидел. Только князь великий Вячеслав не заснул. Лежал он в шатре походном и думал о жене своей, Настасье Фаддеевне и дочери любимой Ксении, как вдруг влетел к нему в шатер ворон черный, о землю ударился и обратился в старика седовласого. Облачен был старик в балахон цвета чернее ночи, до самых пят ему доходивший, в руке держал он посох деревянный с наконечником будто из головы вороньей, а лоб его был обручем тонким золотым охвачен и блестел в мятущемся пламени факела. Изумился Вячеслав сему явлению, но ни сказать ничего не успел, ни стражу позвать, как старец протянул к нему руку и сам молвил:

– Не бойся меня князь, не сделаю я тебе ничего худого. Не для этого явился к тебе из земель далеких.

Присел Вячеслав на постели походной и спрашивает:

– Кто ты есть такой, чародей заморский, и чего тебе от меня надобно?

– Звать меня Ставр, я – волшебник, – отвечал ему старец, – а явился я к тебе князь из земли такой далекой, что и знать тебе не надобно. Это я войско твое усыпил сном хмельным глубоким, но не бойся, все они живы и на утро очнуться. А поведать я тебе хотел вот о чем: далеко далеко за морем растет для тебя угроза великая, о которой скоро сведаешь. Не бывало для тебя времен трудней тех, что надвигаются, потому готов будь к испытанию, ибо вместе с грозой заморской придут в твой дом и радость и горе великое.

- Да какая же радость быть может от горя великого? – Вячеслав спросил в изумлении.
- О том сведаешь как настанет срок. И тогда должен ты будешь сделать выбор, князь.
- О чем говоришь чародей, что же ждет меня вскорости?

Вячеслав даже встал во весь рост свой княжеский. Но Ставр отступил на шаг, ударил по земле посохом и, сказав «Помни, о чем узнал!», обернулся обратно вороном. Взмахнул крыльями черными и прочь из шатра вылетел. А князь в тот же миг заснул сном крепким, как и все его войско.

На утро, как открыл глаза Вячеслав, показалось ему будто спал он вечность и так выспался, словно и не было усталости вовсе и сил в битве потерянных. Оглядел он себя и пуще прежнего изумился, – все раны его глубокие затянулись, и не болели вовсе. Кликнул он слуг верных, облачился в брони боевые, и велел всему войску в поход собираться. Ратники его смелые, в бою с аvaraми израненные, также чудесного исцеления не минули. Дивились они и понять не могли что случилось с ними, видать лес и правда заколдованный был, только колдуном добрым, к человекам зла не имевшим. За ночь никто их не потревожил – ни враг, ни зверь, ни нечисть какая, хотя и заснули сном мертвецким все, даже кордоны княжеские. Собрались воины, умылись, насытились, благо было чем, и снова в путь отправились дальний. Домой, на север.

Пока двигались они в направлении родины своей, Вячеслав все думу думал о старике чародее и словах его мудреных. Как понять их? Что за радость придет к нему вместе с горем, и что ждет его в дали туманной? Долго думал князь, но так и не разрешил загадки сей силой своего ума княжеского. Порешил, что жизнь сама покажет, что будет. Да и чародей говорил: «Узнаешь, когда срок выйдет.» Значит, нечего судьбу торопить, хотя и знать хочется наперед, что свершится в скором времени. А когда показались вдалеке терема высокие, да церковью маковки Солнцеграда родного, так и вовсе излечился князь от дум тяжелых, да и витязи его, славой покрытые, также приободрились. Вступили они в город родной, хоть и малым числом, а победители. С высокого терема махала им рукой Настасья Фаддеевна и дочь любимая княжеская Ксения.

Много дней и ночей потом поминки справляли по воинам русским, аvaraми убиенным. Ибо так обычаи велели и старые дедовские и новые, что принес с собой Вячеслав из земель Византийских и укреплял в народе своем. А спустя еще времена немногие, праздник начался. Так уж заведено, что всему свой черед на Руси – и помирать и пировать, все надо успеть. Устроил Вячеслав пир на весь мир по случаю победы великой над аvaraми грозными, коих долго теперь не видать в своих супротивниках русичам, ибо поселили они в сердцах аварских страх доселе невиданный.

Все склоны холма княжеского, на коем терем возвышался, столами долгими устали, каждый из них скатертью убрали домотканною. Столы яствами вкуснейшими покрыли и питием всяческим. На пиру том множество гостей было добрых из вотчин княжеских, ближних и дальних. Был там Северин Святославич, князь Владимирский. Был Юрий Дорианович, князь Новгородский. Мал Олегович был, князь Рязанский. Посетили великого князя и богатыри его верные: Горыня, Усыня и Дубыня. Сели они по левую руку от князя, как он сам велел, – то была для них честь великая. Ну а справа от Вячеслава патриарх Викентий сидел, а рядом Настасья Фаддеевна и дочь любимая княжеская Ксения. Пир тот веселым был ибо апосля кручины тяжелой завсегда отдохнуть телом и душою надобно. Ели и пили все помногу и гуляли подолгу. Позвал князь на пир тот гусельников и сопельщиков, чтоб народ музыкой сладкой веселили, ну а те уж расстарались на славу. У гостей, да и хозяев, ноги сами так в пляс и просились.

На пиру Вячеслав, славою покрытый, мед пил, речи застольные говорил, а сам все на дочь свою Ксению из-под тишка поглядывал. А та только казалась веселою, а сама очи свои опустить так и норовила – не любила Ксения пиров княжеских да веселия шумного. Ей более по сердцу уединение было в светлице и книги византийские, к коим ее отец духовный патриарх Викентий приучал с любовью и радением, ибо приходился ей родным сродственником. Любила Ксения с кормилицей своей говорить о том, что в книгах писано

про земли далекие, про Бога единого для всех тварей живых, про людей чудных, что живут за морями синими, про зверушек разных диковинных, страсть ей это было интересно. О мечтах своих девичьих редко она обмолвится. А ей ведь осьмнадцатый годок уж минул, скоро и замуж отдавать надо. Красива была царевна, красоты неопишущей. Волосы длинные русые по плечам ее опускались, стан гибкий, словно ивушка, от лица глаз не отвести, глаза голубые бездонные, словно озера глубокие, улыбнется – будто солнышко взошло на небе. Вячеслав порешил выдать ее за мужа достойного, чтоб и в силе находился и умом крепок был, а стар он или млад – то не дело главное.

Почитай все князья удельные с сыновьями своими на пиру гуляют. Друг с дружкой в силе и ловкости состязаются, чтоб внимание Ксении привлечь, а той и дела нет до них. На вид смеется, а сама думу непонятную думает. Княжичи молодые на мечях бьются, копыя ломают, на шесты высоченные за сапогами красными для царевны лазают. Мужики достойные в возрасте крепком умом состязаются меж собою, загадки загадывают, истории занятные да правдивые рассказывают, а Ксения только взглянет слегка на них, послушает историю, улыбнется светлой улыбкой своей, и опять – словно нет ее здесь. Очень любил ее Вячеслав, да только никак понять не мог, о чем она думает, и отчего людей веселых дичится. Ведь **царева** дочь как никак, и повелеть должна уметь и строгость показать, чтоб всем видать было кто она есть. А Ксения добра была и скромна, жалела зверушек, и кротость имела в нраве своем, хоть и блесст в ее глазах огонек загадочный. Этого-то огонька князь и опасался слегка. Как не спросит, о чем мыслит царевна, не кручинится ли из-за печали какой девичьей, все одно отвечает Ксения: «Ты не бойся, батюшка, ни о чем недобром не помышляю. О тебе я думаю, о матушке. О земле нашей родимой, о солнышке». Не мог Вячеслав в толк взять, кто ж ей в мужья сгодится. Кто счастья дать сможет. Да только пока не сильно князь великий кручинился, ибо дело было молодое, спешки сильной еще замужество царевны не требовало. Еще много воды утечет, подрастет царевна чуток, авось переменится, к делам государственным интерес проявит, да на князей удельных внимание свое обратит. Ну а ежели нет – то Вячеслав сам ей мужа выберет, как срок придет. Ибо государство руки сильной и ума светлого требует, а случись что – кто князя заменит на престоле? Сыновей у Вячеслава не было, а врагов по границам государственным – хоть отбавляй. Да и в своей земле завелась ирода. Один путь – отдать дочь за мужа достойного, добродетельного, чтоб защитой был ей и Руси великой. Но покудова Вячеславу некогда было женитьбой заниматься, в походах и заботах о земле русской время проводил великий князь Солнцеградский.

Минул год цельный с той поры. Свершило солнце свой круговорот. И холод был за это время и снег, и морозы терзали землю трескучие, люди Посту Великому учились, а потом Масленицу праздновали. А после чего тепло вновь случилось, солнце в силу входить стало, урожай посеяли. На Ивана Купалу молодяк весь в леса подался клады искать промеж папоротников и веселиться. Так и лето началось.

Посередь лета того решил Вячеслав на берегу речки Светлой, что текла издавна вкруг Солнцеграда великого и плескалась у подножия холма, на котором стоял терем княжеский, построить пристань удобную. Солнцеград купцами, да ремесленниками своими в ту пору давно уже славился, только торговали они все больше посуху. Обозы их с товарами по лесным дорогам сквозь чащи пробирались. А в лесу и князь не всегда хозяин был.

Много в Солнцеград-город в то время уже и купцов иноземных наведывалось из дали далекой, ибо здесь всегда выгодно было торговать, да и приобрести много диковин всяких можно было. Мастера местные, кузнецы, плотники, да горшечники далеко за пределами Руси славилась своими изделиями. Особо, кузнецы. Такие мечи да топоры ковали, никакой мастер на Востоке далеко повторить не мог сих изделий солнцеградских, сколь не пытался секрет разгадать русичей. А еще в землях отдаленных славилась камнерезчики местные. Иной раз, такую вазу, а ли кубок из малахита вырежут, что ни в жисть глаза отвести невозможно от дива такого дивного. Все государи восточные гонцов слали к Вячеславу за изделиями из камней диковинных, да он сам их не редко одаривал. Ибо дарить любил князь

Великий, более чем продавать.

К лету сему, меж тем, порешил Вячеслав облегчить жизнь купеческую и построить пристань на берегу реки Светлой, которая из далека несла свои воды широкие, сливаясь там с другими реками, и по ней лодьи с товарами ходить могли, хоть от самого моря. А как решил, так тотчас и повелел строительство сие начинать. Да чтоб получше заморских пристань была. Только зря Вячеслав волновался. Лучше русских зодчих по дереву никто на всем белом свете работать не умеет до сих пор. Такие терема в его царстве подымались повсюду, что далеко за пределами Руси слава о красоте их неопишущей ширилась. А как поверил Вячеслав в бога Единого, так велел своим зодчим повсюду, во всех городах и селах церкви ставить и монастыри для Служения. Народу же своему от рожденья стал имена давать новые, странные. Не сразу народ привык к тем названиям чудным, кои и выговорить-то русичу трудно было, но привыкал постепенно, а пока звался промеж себя именем старым, а на людях новым.

К концу лета пристань у подножия холма княжеского построили. Деревя на нее много пошло, да только леса не обеднели – вокруг Солнцеграда много леса росло, а по всей Руси и того больше. Пристань вышла на славу, крепкая, широкая, на сваях деревянных возвышалась она над берегом. Теперь купцы заморские могли без страха и с удобством великим караваны свои водить путем речным из дали далекой с товарами. За раз десять лодий больших могло пристать к ней, а ли бесчисленное количество лодок мелких.

На всякий случай велел Вячеслав выстроить рядом с пристанью две башни высокие смотровые. Их для дозору дальнего за лодьями и для войны неожиданной можно было приспособить. А для обережения пристани городской изготовили умельцы местные луки громадные, что поднять нельзя было числом менее десяти мужиков. Луки те на башни дозорные подняли и укрепили так, что метать они могли стрелы длиннейшие во врага на расстоянья великие. Стрелы те длинной с копье были, а шириной с сосну молодую приходились. Такая попадет – пришибет на смерть, а ежели паклей конец обмотать и поджечь, то и запалить чего-нибудь можно издаля.

Помимо постройки пристани еще одно дело великое произвел в то лето князь Солнцеградский. Велел Вячеслав русло реки Светлой в местах особо мелких углубить настолько, чтобы любая крутобокая лодья, а не только плоскодонные суда проходить могли без опаски всю реку. Сказано – сделано. Денно и ночью, не покладая рук, трудились мужики над работой сей трудной. Выковали кузнецы ковши мудреные, коими мужики за веревку со дна землю доставали, да в лодки складывали, и работа споро пошла. Только почитай на месяц река Светлая вдруг мутной сделалась от возмущения донного. Мужики опасались, как бы Царь Водяной на них кикимор не напустил, потому как трудно ему стало по реке на своем соме огромном прогулки делать, ибо не видать в воде ничего стало от замутнения постоянного. И взаправду – утопи скоро трое мужиков. Но кикиморы их защекотали, а может сом съел зубастый, про то точно никто не ведал, ибо дело ночью было. Бултых в воду и нет их. Сказывали, правда, что той же ночью под водой свечение огней наблюдалось и движение их необъяснимое. Видать, уволокли мужиков тех в подводное царство рыбам на съедение. Но, Вячеслав от своего слова не отступился – считал он, что земной царь выше подводного стоит, значит и бояться его не должен. А скоро и работу закончили.

Как прознали купцы заморские про улучшение путей судоходных – потянулись в Солнцеград караваны людей крутобоких со всех стран заморских, соседям на зависть и удивление. Всех привечал Вячеслав, всех старался одарить подарками дивными. Меха собольи дарил, камения драгоценные, кубки чудно кованные – купцы довольные разъезжались. И во всех странах пошла молва о русском царе гостеприимном и щедром. Еще больше потянулось гостей в Солнцеград великий с товарами редкими и забавными. Даже живность всякую везли на продажу, а то для забавы за товары какие показывать.

Однажды привезли на лодье большущей в город на берегах Светлой реки стоявший, зверя чудного – сам здоровенный, уши широченные, нос длиннющий, из под носа рога белые торчат, как у коровы, только длиннее. А звался тот зверь невиданный мудрено – слоном. При

нем погонщики с кожей цвета черного, а на голове у них тряпки белые намотаны. Цельную неделю зверя того у пристани показывали. Он и бревна ворочал тяжеленные, и погонщика своего ногами, толщиной с дерево, топтал не до смерти, и на лапах задних стоял, словно заяц какой. До того забавно это было, что у мужиков и баб рот от удивления всю неделю не закрывался. Только нельзя понять было, что их более забавляло – то ли зверь невиданный, то ли мужики черные, коих отродясь на Руси не видывали.

А когда чужестранцы уплыли восвояси, в народе спор вышел великий по этому поводу. Еремей-плотник сказал, что мужиков черных на свете не бывает, а этих будто специально в золе изваляли и сажей вымазали, чтобы народ позабавить. Вавила-кузнец утверждал, что бывают мужики черные, они от черных баб рождаются, кои живут за горами далекими и ведьмы все как одна. Еремей стоял на своем и даже предложил лодью со зверем заморским и мужиками черными догнать по берегу на конях, мужиков изловить и насильно в бане помыть – мол, на поверку они белыми окажутся. Вавила в ответ дал ему в глаз правый, ибо спорить подолгу не любил. Затем вмешались мужики соседские и вышла большая драка промеж них, аккуратно напротив пристани новой. Мужики все пьяные были и, похватав колы да палки ближайšie, изрядно поднамяли бока друг другу. Могли бы и насмерть зашибить, но тут отряд дружинников подоспел княжеских. Особо буйных в реку покидали для освежения головы, потом выловили и на берегу сохнуть кинули, а остальных утихомирили, да по домам разогнали. Пристань, к счастью великому, не пострадала. А то ведь и подпалить могли невзначай.

Ближе к осени, когда уже деревья все золотом да багрянцем покрываться начали, пришла в Солнцеград лодья странная. Искусной работы лодья та была: бока медью кованы, а дерево на боках и весла цветом красным отливали. Гребцы бородатые в ней сидели. Ветер парус белый с золотом наполнял, а на нем знак непонятный начертан был. Быстро шла лодья, словно летела над волнами. Как пристала, вышли из лодьи три старца седовласых в одеждах белых, поклонились церкви на холме недавно выстроенной, и попросили изволения к Вячеславу на поклон попасть, ибо есть у них для князя известие важное.

Принял князь их, да скоро отпустил. Уплыла лодья, а Вячеслав печален сделался. Были то посланники византийские, земли дружественной, но привезли они вести черные. Далеко, на землях жарких заморских, росла угроза великая, доселе невиданная. Кабашон – властелин мавров, людей черных, ночью рожденных, готовил погибель земле русской. Сбирал он под знамена свои все народы христопротивные, большую часть коих составляли сарацины, берберы, да племена людоедов диких. Опечалился Вячеслав, что прошли времена спокойные, песнопевные, а грядут времена черные, дикие. Смерть увидал вдали и плач по всей земле русской.

Встал князь, расправил плечи широкие и в горницу вышел, где дружинники его дожидались храбрые. Окинул их взглядом тяжелым и повелел:

– Послать сей же час гонцов во все концы земли моей, в города верные, князьям удельным. Пусть ведут немедля дружины свои в Солнцеград, на защиту земли русской. Богатырей моих, где бы ни были, к себе зову.

– Дело говоришь, князь, – отвечали ему дружинники.

Поклонились они затем, сели на коней быстрых. и поскакали выполнять слово княжеское.

Глава 5. Иван и меч

Аккурат в том месте, где озеро Белое разливается ширше всего, срубил свой дом кузнец Афанасий, по прозванию Битник. Срубил крепко, на долгие годы. Чтобы кровом служил и ему и семье его обширной. Из окон все озеро великое было видать, а супротив дома, на другом берегу возвышался град княжеский, что имя от воды сей получил и Белоозером прозывался.

В ту пору княжил там Андрей, Вячеславов брат младшой. Землю свою Афанасий

Битник от князя Андрея и получил навечно за заслуги в мастерстве своем кузнечном. Никто во всей обширной земле белозерской не мог лучше него подковы конской выковать, да меч лучшего сотворить. Как пришла пора, взял в жены Афанасий крестьянскую дочь Усладу. Из бедных она была, а приданого за ней вообще не водилось. Но Афанасий на сие не посмотрел, потому как сильно полюбил он девицу, в доме своем хозяйкою полной сделал.

Родила ему Услава четверых мальцов, чтобы было кому в старости помочь, да на кого хозяйство оставить. Все росли сильные да веселые. А когда пришел месяц просинец, от синевы неба имя носивший, родила Услава пятого сына. Окрестили его Иваном, окунувши в купель ледяную, да благословили на жизнь долгую.

Подрастал малец не по дням – по часам. Мать с отцом не нарадуются. Однажды случилось Афанасию подковы в своей кузне мастерить. Хоть в вечеру дело было, да время жаркое: того и гляди небо грозой разродится. Ивану в ту пору уже шестой годок шел. Прибежал он к отцу в кузню, сел поодаль, да и стал наблюдать за работой отцовской, за огнем да искрами, что во все стороны разметались от ударов могучих. Заглянула в кузню и бабка Агафья, что жила в починке отдаленном, пришла она Афанасия просить, чтоб пособил немного, косу справил. Отошел отец от наковальни с Агафьей слово молвить, а Ивана-то такая охота до молота разобрала, что не смог он с собой совладать. Подбежал к молоту пудовому, схватил, да как ухнет по наковальне, на которой подкова лежала – от подковы брызги одни во все стороны полетели. И в ту же минуту гром громыхнул в небе, будто раскололось оно, и полил с неба дождь сильнейший.

Увидал Афанасий, чего шестилетний малец вытворяет и чуть разума не лишился. А бабка Агафья узрев сие молвила – быть ему богатырем сильнейшим, какого не видала еще земля русская. Сказала так и исчезла, будто и не было её вовсе. Сказывали колдунья она была, знахарка. А после того дня и не видал ее никто более. Однако, долго еще в кузне запах пылины висел, напоминая о знамении.

С той поры, как Иван сию твердую подкову в дрызг разможжил, стали люди примечать за ним дела всякие необычные. Вроде бы малец еще, а на коне быстром скачет не хуже всадника опытного из дружины княжеской, из лука мощного стреляет – словно с ним и родился. А спустя пару лет и с мечом управляться стал Иван, как воин заправский. В кулачном бою, что в Белоозере каждой весной князь Андрей устраивал, не было ему супротивников. В ухо даст – закачаешься. Все братья его, хоть и старшие, а смотрели на него с уважением.

Случилось раз Ивану по берегу Белоозера зимой идти – по делам кузнецким ходил он отцу помогать в село соседнее. Вдруг видит, телега, товарами груженная, с купцом пьяным, что с ярмарки возвращался, на лед озерный въехала. Видно, купец путь хотел скоротать, да не вышло. Не проехал и трех сажений, как лед под телегой ломаться стал. Купец и глазом моргнуть не успел, как в воде оказался, а телега с конем и вовсе на дно ушла. Увидал Иван – дело плохо, скинул с плеч тулуп, да в воду бросился. Студена вода была, но по счастью не глубока в том месте. Выволок Иван из нее купца пьяного на берег. Апосля чего во второй раз нырнул, коня полудохлого отвязал от телеги, что на дне лежала, и на свет Божий вытянул. Не мог Иван допустить того, чтоб животное за зря по пьяному делу пропадала. За товаром купеческим, правда, нырять не стал. Посчитал, пущай купцу сие событие уроком будет.

Другой раз летом дело было. Ходил Иван в лес по грибы-ягоды, далеко в глушь забрался. Цельный день бродил по лесу, почитай три кузова с горкой малины набрал. А как домой засобирался, то услышал вдруг вопль человеческий недалече. Прибег на место, а там медведь-людоед мужика-добытчика ломает. Вовремя поспел Иван. Не долго думая вырвал он с корнем березу немолодую, что первой подвернулась, да как огреет медведя лютого по хребтине – так и переломил хребет. Медведь тут же и издох. Взвалил Иван себе на спину обоих: медведя дохлого, да мужика полудохлого, и отнес в деревню за десять верст. Мужик тот, медведем поломанный, выжил, слава Богу. По сей день Ивану свечки ставит. А медведя на тулупы пустили.

Прожил так Иван несколько годков буйных молодецких. А как исполнилось ему

пятнадцать лет полных, вызвал Афанасий Битник сына в кузню на рассвете и молвил:

– Сыне мой родной, ты теперь совсем большой стал. Нет тебе уже сейчас во всем Белоозере супротивника ни в играх, ни в бою кулачком, ни в забавах молодецких. Красив ты лицом, да силен телом. Видно была права колдунья Агафья: выйдет из тебя богатырь великий, всей Руси защитник. А раз так все обернуться может – нужен тебе меч богатырский. В нашем роду все кузнецами были: оружия много ковали. Да оружие это, хоть и хорошо делано, богатырской силы не имело. Ибо меч богатырский, силы невиданной, можно либо в дар от другого богатыря получить, либо руками своими выковать. Великанов таких, как Никанор-Богатырь, что целое войско один побить мог, в нашей округе давно не бывало. А потому, видать, суждено тебе самому меч богатырский ковать. Да только ковать его нужно десять лет и десять дней с утра до ночи. Только тогда он в самую силу войдет и победить сможет того, кому предназначен. Не видать на мече том будет во веки вечные ни щербинки, ни зазубренки. И уж коль случилось так, что ты кузнеца сын, с этого дня вся кузня моя тебе отходит. Бери железо лучшее, да куй меч великий для дел грядущих. Я тебя на них благословляю.

При словах сиих сотворил Афанасий знамение крестное над сыном, да вышел прочь из кузни, и по смерть свою там не появлялся. А Иван, услышав завет отцовский, сей же час за дело взялся. Не видать его стало в боях кулачных на дворе княжеском, не скакал он боле по полям широким на коне сильном, не стрелял из лука по птицам хищным, позабыл забавы веселые, девиц красных покинул на время, отчего они все закручинились, да в кузне своей запершись, стал ковать богатырский меч.

С той поры примечать стали жители белозерские, как ударит Иван по наковальне сильнее обычного, в тот же час в небе гром грохотать начинает и дождь с небес зачинает лить сильный. Со временем действо сие небесное обычным стало в Белоозере, в примету вошло, а Ивану в народе прозвище дали сообразное. Стал он прозываться – Иван Громобой.

Минуло с тех пор аккурат десять годков. И вот, в один из дней начала лета, окончил свою богатырскую работу Иван. Отворил он дверь в кузню, рукой отер пот со лба, да на свет Божий вышел. Огляделся по сторонам Иван и не узнал деревню свою: домов в ней словно прибавилось, только какие-то стали обожженные все, может пожар сильный приключился. Людей не видать совсем. Все кругом позаросло, поменялося.

Оставил пока Иван меч свой богатырский в кузне на наковальне и пошел на озеро ополоснуться разок, а то апосля десяти лет без мыться серьезного кожа что-то зудела. Вот идет он по тропке меж домов и видит картины странные. Домы по деревне стоят все больше обгорелые, люди как завидят его – в лесу ближнем хоронятся. Странно это показалось Ивану. Искупался он, меж тем, в озере, смыл с себя грязи десятилетние, а душа так в пляс и запросилась. Хорошо стало Ивану, разлегся он на бережку. Лежит, наслаждается. Вдруг – что за чудо непонятное – заслонила солнце темень великая, сразу словно ночь опустилась на землю посередь дня. Закачались деревья на берегу озерном от ветра страшного, к земле пригнулися, поломалися. Забурлила вода в Белоозере. Вкочил Иван, в небо смотрит, а над ним, словно рыбина огромная с брюхом чешуйчатым, проплывает на восток нечисть непонятная, огромная. Затмевает собой она свет солнца молодого. Вот закончилось ее тело длинное, открылось солнце опять и сразу на земле светло сделалось, перестал ветер шуметь, волнение на воде успокоилось. Улетело чудо-юдо в края заморские, не стало на деревню иванову опускаться... Подивился Иван сему явлению, не видал он отродясь такого, чтобы нечисть такая страшная в небе летала. Что творится теперь в земле родной узнать ему захотелось.

Вернулся он на двор свой поскорее, в дом зашел, а в доме пустота. Все быльем поросло – на лавках пыль, по углам – хлам, на печке – грязи десятилетние. Куда, думает, мои сродственники, братья, да отец с матушкой подевались? Постоял так, поразмысливал, а потом опять на двор вышел. Воротился в кузню и вынес из нее меч богатырский – испытать его надобно было по всем обычаям. Чуть поодаль на дворе три березы росли ширины немаленькой, да все три ствола из одного корня исходили. Подошел Иван поближе к ним,

размахнулся в треть силы, да как рубанет мечом аккуратно вровень с землей – как серпом три колоска подрезал. Обрушились те березы на землю с треском-грохотом. Воробьев только распугали. Стал Иван дальше меч богатырский испытывать. Огляделся вокруг: дуб стоит столетний у дороги, в три обхвата шириной. Приблизился Иван, вжик мечом в полсилы – аж земля затряслась от того падения дуба столетнего. Развалился он на несколько частей огромных, ибо трухлявый был. Пень только от дуба и остался. Еще раз огляделся Иван, на чтобы полную силу применить. Смотрит, рядом валун придорожный лежит. Размахнулся Иван, и как рубанет мечом по валуну тому огромному – словно сметану рубанул, так легко меч сквозь камень прошел и в землю вошел. Распался валун на две части равные.

Присел Иван на пень от дуба оставшийся, да стал измысливать, какое бы еще испытанье мечу богатырскому придумать. Как бы его на чем потруднее испытать. Стал тут к нему народ с домов окрестных подступать-собираться. Скоро окружила его толпа немалая. Были то старики, мужики и дети малые. Ни одной девицы среди них не увидал Иван и удивился. Стали они наперебой ему горе свое рассказывать. Мол, пока ковал Иван свой меч в кузне отцовской, да подрастал понемногу, завелся в краях белозерских страшный змей о шести головах, дальний сродственник царя морского. Прилетает он чуть не каждый день, палит избы и девиц красных в полон берет в свое царство далекое. Уж десять лет над людьми измывается, все вокруг пожег, всех разорил, дружину княжескую почти всю извел, никто супротив него встать не может, ибо силен змей о шести головах, обладает силой дьявольской. Отец, мол Иванов, кузнец Афанасий, один на змея того выступил, да съел его змей и не поперхнулся даже. А мать Ивана зато с собой унес и оженился на ней в своем царстве насильно. Да и остальных девиц всех скоро перетаскал туда, так что остались в деревне одни мужики да дети малые, дома и посева сожженные. Бывает змей шестиглавый не сам прилетает, а воинов своих страшенных присылает в деревню за данью, оттого и испужались люди поначалу, когда Ивана увидели, отвыкли от него уже. Думали – то за данью от змея воины приехали, да только теперь в нем Ивана и признали.

Услыхал Иван Громобой, что случилось с отцом и с матушкой, да с краями родными, закручинился сильно. Стал думу думать, что делать теперь. Да только мужики ему говорят – один ты у нас остался защитник. Дружина княжеская почитай вся и полегла в битве со змеем. Защити ты нас от змея шестиглавого, спасу нет, как замучал. Да жен наших освободи из плена. Как сказали это, вдруг подходит к Ивану бабка Агафья, которую не видал никто уже больше десятка лет, ибо пропала она сразу после предсказания о судьбе ивановой. Подходит и говорит:

– Ты не бойся, богатырь, змея страшного. Расскажу я тебе как его изжить со светцу белого. Перво-наперво вот тебе клубок с нитями, доведет он тебя до самого змеева царства. Идти туда далеко-далеко, трое сапог истопчешь, три посоха изломаешь. Стоит то царство на горах высоких крутых, что в небесах теряются. Внизу, у подножия пещера есть, перед ней озеро невеликое, сторожит ее змей морской двуглавый. У берега стоит челн без весел. Ты садись в тот челн и толкнись хорошенько, да примеряйся чтобы к пещере пристать. Как поплывешь через озеро, змей тебя съесть захочет. Да как он голову над водой подымет, ты его богатырским мечом и руби. Только так примеряйся, чтоб сразу ему голову отсечь. Ежели с одного раза не отсечешь, то сам там и сгинешь. А как срубишь голову змею тотчас за собой голоса услышишь – руби еще, руби еще! А ты не руби. Если вдруг рубанешь его тело чешуйчатое еще раз – сгинешь навеки. Как пристанешь к пещере, выходи не бойся. В пещере той лежат когти железные, кои по горе тебя вверх понесут. Ты заходи в пещеру – когти сами наденутся. И сразу в горы полезай. Лезть тебе ровно месяц. Пока подыматься будешь, три раза к тебе будут змеи летучие прилетать, а ты их мечом секи и приговаривай: «Удержи меня скала-матушка!» Как подымешься в царство змея шестиглавого, разыщи дворец его. То не трудно будет. Стоит он на вершине горы самой высокой из шести гор. Охраняют его змеи трехглавые. Вот их победить – задача немалая. А ежели победишь, то выйдет к тебе чудо ужасное сам шестиглавый змей, морского царя сродственник. Будешь биться с ним ты три дня и три ночи. А чтоб силы в тебе не убыло, ты перед битвой последней испей три раза из

чарки вот этой водицы сильной, она тебя завсегда поддержит.

Сказавши так бабка Агафья протянула ивану чарку пустую.

– Как достанешь ее она сама водицей наполнится, чтобы силы тебе дать великие змея победить и другие дела добрые исполнить.

Взял чарку Иван, да за пояс положил. А Агафья еще молвила:

– Остальное все в том царстве найдешь.

И снова пропала, будто ее и не было вовсе. Осмотрелись мужики кругом, да никого не увидели. Снова стали они Ивана просить о заступничестве. Посидел Иван, пообмыслил поход дальний, надо идти матушку от змея выручать, пора было и богатырем становится. Меч свой, что десять лет ковал, на змеевой шее попробовать.

Только решил он это – задрожала земля вокруг. Мужики в лес хорониться кинулись. Встал Иван, глядит: облако пыльное к деревне приближается. Только, по земле оно стелится, а не по небу летит, значит земная нечисть пожаловала. То дюжина воинов в доспехах черных и шеломах рогатых на конях вороных скачет за данью от змея шестиглавого. На конях мешки висят уже чьей-то данью набитые, видать не в первую деревню слуги змеевы пожаловали.

Встал Иван во весь рост, меч свой рядом в землю воткнул, подбоченился и говорит:

– Вы зачем пожаловали гости-дорогие?

Подъехали воины страшные рогатые совсем рядом и говорят:

– Подавай мужик лапотный дань змею шестиглавому, а не то деревню твою до тла спалим, а самого на березе повесим.

Рассмеялся Иван и говорит:

– А ты попробуй сначала вражина меча богатырского!

Схватил меч и ну им над головой махать – такой свист поднялся. И пошел на воинов змеевых. Те мечи свои похватали, на Ивана бросились всем скопом. Да куда там! Как начал рубить их меч богатырский – только руки-ноги в стороны полетели. Разошелся Иван, размахался, не остановится ему никак. Раззудись плечо! Скосил он всех воинов чернотелых, словно молодой овес, вместе с конями порубал. Устлали они телами своими весь двор кузни ивановой, да и сгнили тут же на дым черный изойдя. Видать душа у них была черная. Осмотрел Иван поле своей первой битвы с нечистью и озадачился. Догадался Громобой, что меч-то сам рубил, а он ему только путь указывал.

Понял тут Иван, что богатырским мечом еще овладеть надобно, самому богатырем сделаться, подстать оружию. И стал в дорогу собираться. Взял хлеба чуток, земли родимой горсть, да чарку волшебную, что старуха Агафья подарила. Подвязал меч и за спину его закинул. В руки взял посох, надел сапоги первые и в путь дорогу отправился куда глаза глядят и сердце вешует.

Долго шел он, коротко ли, две пары сапог уже истоптал, два посоха изломал, и пришел в лес дремучий. Глядит, а посреди поляны колодец стоит замшелый. Притомился Иван, лег рядом на траву под сосной высокой, положил под голову меч богатырский и задремал. Как раз ночь на землю опускаться начала. Снится ему, что к земле его родной со всех сторон воины собираются черные, видом страшные. Лодьи крутобокие в путь готовятся. Небо синее черным от птиц становится с лапами когтистыми и клювами ужасными. Очнулся Иван под утро, решил, что близко уже царство змеево, вот и видятся ему всякие мерзости. Осмотрелся – все спокойно вокруг. Поел ягод диких, запил водой из чарки волшебной, силы в нем сразу так прибавилось, что троих еще понести бы смог. И снова в путь тронулся.

Прошло еще дней множество. Идет Иван сквозь лес дремучий вперед, не оглядывается. Уже третьи сапоги истоптал, третий посох изломал. Много рек да ручьев перешел вброд. Глядь, а перед ним горы стоят высокие, в самое небо упираются. Лес дремучий тут и закончился. Вышел Иван в чисто поле, что перед горами высокими расстилалось, глядит, а на поле озеро обширное плещется. А за ним пещера в горе чернеет глазом птичьим. Пригляделся, и правда – рассекает волны змей о двух головах. Головы те мерзкие, с рыбьими схожие, пасти у них клыкастые, глаза желтые. Тело змеево чешуей стальной переливается.

Осмотрел берег ближайший Иван. Видит, стоит челн без весел. Взял он в него, на пещеру примерился, да оттолкнулся силой сильною. Пошел челн волны озерные рассекать. А змей, как Ивана увидал, так на встречу ему и поплыл. Забурлила пеной белою вода вокруг тела его, пошли волны по берегам озерным.

– Смерть твоя пришла, человечина неразумная! – змей рычит.

А Иван знай стоит себе, выжидает. Меч богатырский на изготовку взял. Подплывает змей о двух головах к челну и головы свои из воды высоко высунул. Вздрыбился он над челном, пасти разинул, клыки обострил, языки змеинные как жала ядовитые струятся. Кинулся змей на Ивана, а Громобой как рубанет мечом богатырским, и враз отсек обе головы от тела чешуйчатого. Повалились те головы в озеро глубокое и на дно камнем опустились, замутив все вокруг кровь черною, отчего озеро потемнело и черным до дна сделалось. Так всегда бывает. Ибо повсюду, где озера с черной водой встречаются, водились раньше змеи многоглавые.

Только отсек Иван те головы змеинные, а сзади кричат:

– Руби еще, руби еще!

Глянул Иван, а тело змеево на воде еще плавает, кольцами свивается. Но не стал рубить, как бабка Агафья наказывала. Тут же тело то чешуйчатое на дно пошло за головами своими, а Иван к берегу скалистому пристал. Входит он в пещеру, огляделся. Увидал когти железные, что поблескивали тускло во тьме пещерной. Только подошел к ним, а они ему на руки сами и наделись. Подался Громобой из пещеры на свет белый, окинул взглядом леса бескрайние, что за полем раскинулись, повернулся к скале, меч богатырский за спину закинул, и полез вверх по стене отвесной. Думал тяжело будет, а когти железные сами в небо несут, куда вершины упираются.

Поднимается так Иван Громобой по скале отвесной первую неделю. Уж земля почти из глаз пропала. Едва озеро видать, словно блюдце малое оно сверху кажется. Дни идут, за ними ночи проходят, вдруг чует он заволокло небо тучами черными. Молнии ветвистые небо растрескали. Прилетает невесть откуда чудище летучее крылатое, с глазами желтыми, пастью страшною, огнем во все стороны плюется и приговаривает:

– Эй Иван, песий сын, смерть твоя пришла!

А Иван ей в ответ:

– Не торопись похваляться вражина горяченная!

Подлетел змей уж совсем близко, сейчас уж съест Ивана. А тот изловчился, меч свой достал, да повис на одном когте железном. «Удержи, – говорит, – меня скала-матушка!» А там как рубанет мечом и нет больше змея летучего. Отрубил ему Иван голову. Вспыхнул змей словно факел, крылья свои перепончатые, будто ноги лягушкины сложил, и камнем на землю далекую рухнул. А Иван меч обратно за спину пристроил и полез дальше в гору.

Проходит так неделя вторая. Земля уж вовсе из виду скрылась. Прилетает второй змей страшнее первого. В два раза больше пасть у него, а глазищи словно луны в ночь безоблачную сверкают. Огнем пышит, молнии от него во все стороны разлетаются. Пасть разинул, глаза выпучил. На Ивана Бросился. А Громобой не будь дурак. Меч свой выхватил на когте железном повис. «Удержи меня скала-матушка!» – крикнул, и отрубил тому змею голову. Скрылся змей факелом горящим в облаках и упал на землю далекую, аж скала содрогнулась.

Проходит время, уже близко конец пути, царство змея шестиглавого. Да только нет все покою Ивану. Прилетает самый большой змей из трех. Тело его чешуйчатое во тьме сверкает броней, глаза словно костры в ночи видятся, крыльями огромными машет, ветер нагоняет.

– Прощайся с жизнью Иван, – кричит змей, – не победить тебе меня никогда!

– Ну значит вместе помрем! – Громобой отвечает, – Удержи меня скала-матушка!

Схватил меч, изловчился, на когте железном повиснув, и отсек голову змееву. Словно в масло вошел меч богатырский, никакая броня ему не помеха. А как отсек меч третью голову змея летучего аж засветился светом малым мерцающим во тьме, будто обрадовался победе

сей.

Тут и скала кончилась. Вылез Иван на просторы поднебесные, осмотрелся. Когти железные сами собой отпали. Широко раскинулась царство змея шестиглавого, что повадился селенья на Руси жечь. Словно поле каменное бесконечное, лежала пред Иваном страна та неизведанная, в небо упиравшаяся. Вкруг нее только облака клубились из разных мест земли путь свой совершавшие, и о горы сии разбивавшиеся. Только в дали далекой царства змеева возвышались шесть скал высоких, а одна из них была самая высокая. На ней то и стоял дворец змея шестиглавого. Туда стопы свои и направил Иван по прозванию Громобой.

Идет он так три дня и вдруг видит лежит рядом с валуном птица огромная, с орлом видом схожая, едва не больше того валуна. Когти здоровые, клюв мощный, глаза желтым светом светятся. Лежит не трепыхнется, крылья распластав. Подошел Иван, а орел и говорит:

– Помоги мне, добрый молодец. Перебили мне крылья злые вороги, слуги царя шестиглавого. Шестой месяц лежу здесь, уж сил не осталось совсем, скоро помру. Переверни меня, да ороси водой из чарки своей. А я тебе службу сослужу.

Достал Иван чарку из-за пазухи, глядит – а она уж полная. Перевернул он орла, видит – крылья и взаправу переломаны, в крови запекшейся все. Оросил крылья его из чарки волшебной Иван и орел сразу сильным сделался. Встрепенулся и говорит:

– Спасибо тебе Иван за дело доброе. Помог ты мне, а то уж я помирать собирался. Сам не знаешь, что помог ты орлиному царю над всеми орлами здешними головою что является. Зовут меня царь Илитор. Как пойдешь обратно – без меня тебе отсюда не выбраться, а я тебя здесь ждать буду.

Поблагодарил его Иван Громобой за помощь обещанную и пошел своей дорогой. Долго ли шел он, коротко ли, а пришел к самым шести скалам высоченным, что в самое поднебесье упираются и в небе звездном кончаются. Глядит а на самой высокой скале стоит дворец змея шестиглавого – черный весь, острыми башнями усеянный. От него к другим скалам мосты висячие перекинута на цепях тяжелых. Только стал Иван измысливать как ему ко змею подобраться незаметно, да ударить наверняка, прилетают вдруг к нему змеи страшные о трех головах. И числом их ровно три. Каждый треть неба закрывает, чешуей блестит, когти острые на лапах, крылья перепончатые лягушачьи по ветру распластали, хвостами шипастыми машут.

Набросились они на Ивана всем скопом. А он увидел рядом валун огромный, встал к нему спиной и обороняться изготавился. Вот налетает первый змей. Пасть разинул, огнем пыхнул. Иван как рубанет мечом, разрубил пламя огненное на две части, оно в стороны и разлетелось. Пожгло все кругом на версту, да таким жаром, что камни потекли, словно смола горячая. Только тот валун, что за Иваном был, стоять остался. Налетает второй змей сильнее прежнего пыхнул огнем огненным, так, что камни вкруг Ивана в озеро каменное горящее превратились на десять верст вокруг и сто сажений в глубину. А Иван опять пламя мечом рассек и сам жив остался. Налетает третий змей. Пыхнул огнем. Сжег все на сто верст вокруг. Иван будто на том свете очутился: нет вокруг ни гор, ни земли, одно месиво каменное горящее. Но опять жив богатырь вышел из схватки той.

Отлетели от него в первый раз змеи трехглавые. Подул тогда с неба ветер холодный и снова камни застудил. Не прошло и мгновения лишнего, а змеи опять подступились к Ивану. Подлетает первый змей, ударил богатыря – Громобой по колено в камень вошел. Но изловчился Иван, махнул мечом, и отхватил ему все три головы за раз. Подлетает второй змей, ударил Ивана, тот по пояс в землю вошел. Но была еще сила в руках богатырских. Размахнулся с плеча и отсек все головы змеевы уродливые. Упали они на камень и кровью черной все окрест залили.

Третий змей налетает, а Иван уж по пояс в камне сидит. Хотя и силушки уже не много осталось, но не просит он у змея роздыху. Как набросился на богатыря змей, Иван примерился и вспорол брюхо ему. Рухнул змей издыхающий рядом с богатырем, а тот размахнулся еще раз и отсек ему все головы. Содрогнулись небеса над царством змея

шестиглавого, ударили молнии ветвистые на равнину каменную, погибли слуги его верные.

Поднатужился Иван Громобой, богатырь из Белоозера, напряг свою силушку остатнюю и вылез из камня крепкого на поверхность. Стоит – на ветру качается, силы его последние покинули. «Как же, – думает, – я с хозяином сего царства биться буду, матушку мою родимую выручать стану, ежели еле на ногах стою?» Вспомнил он тут про чарку заветную колдовскую. Достал ее – а она уж полная. Отхлебнул один раз, чует, силы столько стало, что валун огромный в три обхвата, правой рукой поднять сможет и далече кинуть. Отхлебнул второй раз, чует, силы опять прибавилось: может дуб столетний с корнем из земли вытянуть и пополам переломить легонько. Отхлебнул в третий раз – все ему нипочем стало.

Содрогнулись тут горы великие, посыпались с них камни тяжелые. Подул ветер сильнее прежнего. Осветилось небо всполохами яркими. То сам хозяин царства сего – змей о шести головах из дворца своего на битву с Иваном вылетел. Тело его, чешуей покрытое, полнеба занимает, хвост острый за гребни скал задевает, а головы ужасные пасти острозубые скалят. Опустился змей к богатырю и говорит:

– Супротив кого, ты, Иван, песий сын, решил войной пойти? Да мне тебя только на один зуб укусить и то мало. Привел бы ты с собой еще богатырей – вот тогда бы я откушал на славу!

– А ты не похваляйся раньше сроку вражина, – отвечает ему Иван, – я тебе поперек горла встану, не проглотишь! Готовься лучше к бою своему последнему, ибо смерть твоя пришла.

Рассмеялся змей о шести головах, аж скалы закачались.

– Где тебе мужику лапотному меня, змея шестиглавого, победить!

– Слуг твоих побил, и тебя побью!

Тут сошлись они в битве тяжелой смертной. Стали наносить друг другу раны великие. Но Громобой не зря воды из чарки напился. Ударит змей – ему все нипочем, только закачается от натуги великой. Зато сам как мечом не рубанет – змей с головой распрощается. Когда у змея из шести только три головы осталось взмолился он и говорит:

– Дай мне Иван, роздыху полмгновенья!

Дал ему Иван передохнуть, а тот вдруг схватил свои три головы, да другим трем в пасти сунул. Съел их и снова приросли головы, будто и не отсекал их Громобой. Стоит перед ним опять чудо-юдо шестиглавое, похваляется:

– Обманул я тебя дурака лапотного! – змей хохочет.

Ничего не сказал Иван, зубы стиснул и снова бой начал. Сошлись они еще раз. Змей ударит, а Иван только покачнется, сам рубанет – у змея голова с плеч. Не прошло и времени малого, а у змея опять три головы осталось. Запросил он сызнова роздыху. Но Иван говорит:

– Не дам я тебе роздыху, вражина! Я по смерть твою пришел.

И отсек ему все три головы остатние. Тут и смерть пришла шестиглавому царю змею. Содрогнулась земля сильнее прежнего, трещины поползли по ней словно змеи длинные, горы рушиться стали. Из шести пять скал обрушились, только одна осталась, на которой змеев дворец стоял. Огляделся Иван, победитель змея, видит по дороге, что из дворца змеева вьется вокруг горы, бегут к нему люди разные во множестве. Пошел он к ним на встречу и говорит:

– Вы идите люди добрые в конец царства до самого края скалы, там найдете орла великокрылого, там меня и дожидаетесь. А я скоро буду, только матушку разыщу.

Поднялся Иван во дворец змея остробашенный, прошел по комнатам злата полным и в последней комнате увидел мать свою. Сидела она на полатах царских в исподней одежде, вся в слезах горючих. Подскочил к ней Иван встал рядом на колени и говорит:

– Не плач матушка моя родная, спас я тебя из лап змеевых. Теперь ты свободная, и пойдем мы с тобой в наш дом родной.

Поднялась тогда Услава и говорит:

– Не брани ты меня сын мой родной, не пойду я с тобой. Случилась у меня судьба страшная непонятная. Украл меня много лет назад змей шестиглавый и принес в свое

царство далекое. Оженился на мне насильно и при себе жить оставил. С тех пор жилая я здесь, как его жена. И случилось так, что полюбила я змея злого пуще батюшки твоего доброго, им убитого. И ничего больше не желала я. А теперь пришел ты освободить меня и убил мужа моего любимого. И нет мне пути отсюда никуда.

Отшатнулся Иван, ушам своим не веря, в ужасе огромном. А Услава вдруг подбежала к окошку высокому, что над пропастью находилось, и вниз со всего маху бросилась жизни себя лишив о камни острые.

Вышел Иван в страхе великом из палат змеевых и сломя голову бежать бросился вон из царства сего. Долго бежал, пока не достиг края скалы, где его люди спасенные дожидались. Был там и орел Илидор. Посадил он всех на свои крылья могучие и отнес вниз. Как достигли они своего селения, пришел в кузню Иван Громобой, бросил на земь меч богатырский, и тридцать лет до него не касался. А сам богатырь тридцать лет в избе лежал не вставая, и людей никого не видел.

Глава 6. Угроза из-за моря

А в ту пору в дали далекой, что лежит за двумя морями великими от земли русской, дозревали дела черные. Властелин мавров заморских Кабашон готовил полчища свои дикие к походу в славянские земли. Уже тыщи шатров раскинулись по берегам южным моря среди земель лежащего, и горячие ветры трепали черные с серебром стяги злодейские. Корабли крепкотелые, оружием и едою груженные, почти готовы были к отплытию. И страшные драконьи головы, что венчали носы корабельные, смотрели глазами злыми на северо-восток. Туда, где ждала злодеев пожива великая. А со всех концов дикой Африки, и других земель близлежащих, Кабашону подвластных, стекались к столице его Грандахаргу несметные полчища воинов.

Шли сюда югорды, обитавшие в песчаных землях, среди камней голых. Не имели они ни домов, ни скота, лишь войны да убийства себе подобных составляли их жизнь короткую. Бога истинного они не ведали, а превыше всего почитали Гаджу – королеву змей. Каждый воин югордов нес на груди своей татуировку, где была видна голова ее узкая с жалом раздвоенным смертоносным. Ни семей ни родни югорды не ведали, жили в пустыне скопом, и детей, при этом рожденных, учили убивать и не знать жалости с малолетства. Весь мир, под палящим солнцем лежащий, был их врагом. Оттого и жила в сердцах югордов злоба великая ко всему живому и на них не похожему. Вел их в прибрежный Грандахарг предводитель Урман, верховный жрец Гаджи. И не было среди югордов воина более лютого, чем Урман.

Много лет назад пришел во владения югордов властелин мавританский Кабашон со своим воинством, в кожу стальную закованным. Третью югордов извел в битве внезапной и неравной, другую треть из пленников смерти предал на кострах в устрашение всему народу пустынных, а остальных рабами своими сделал и воинами. И с тех пор по первому зову Кабашона собирались югорды под его знамена черно-серебристые и творили столько зла, сколько велел им властелин мавританский. Но не сильно они тому тревожились, ибо смерть людская была им мила.

Шли в прибрежный Грандахарг из земель к западу от пустыни раскинувшихся дужары, народ поклонявшийся зверям хищным африканским. Богом своим дужары считали тигра Арграза. Племена их были многочисленны потому что рождались тысячами, а умирали сотнями. Вели племена сии жрецы Арграза, а верховный среди них был – Ражхан. Облаченный в тигриную шкуру, несмотря на великий зной и лучи солнца палящие словно копья, шел Ражхан впереди своего народа издавая крики звериные, вызывая к духу Арграза о помощи в предстоящем походе. А несметные полчища воинов дужарских отвечали на его крики криком тысячекратным, от которого буря песчаная подымалась над землями африканскими. Воины дужарские были ростом великие и телом мощные. Чтобы быть подобными богу своему хищному, красили они тела в красно-черные полосы. Имели все в

правой руке копьа длинные с плоскими острыми оконечниками, по краям коих шли зубцы тонкие. Оконечники же были ядом пропитаны, и несли смерть даже от раны малой. В левой руке у каждого было по щиту древесному.

Много лет назад покорились они Кабашону, пришедшему с войском своим на их земли. Но не числом взял Кабашон, не саблей кривой победил, хоть и умертвил он дужар во множестве. Пленил он их бога тигриного и на цепь посадил перед шатром своим. Увидав сие могущество побросали отравленные копьа воины дужарские и Ражхан первый приполз целовать ноги властителю мавританскому. Раз уж сам Арграз Кабашону покорился – бессильно будет любое оружие и войско против него. С тех пор поклонялись дужары не только Аргразу, но прежде всего своему хозяину новому – Кабашону.

Вслед за дужарами шли в Грандахарг племена саршарские. То были воины жестокие из земель приморских. Кораблей однако они не ведали, дома их были утлые, а хозяйство убогое. Однако считались они первейшими в деле ратном, ибо поклонялись богу смерти – Огу. А потому не верили в смерть и сами не умирали, а только в царство к Огу переселялись, лишившись тела своего на африканских просторах. Если не случалось войн и битв для того переселения долго, то приносили они богу смерти в жертву своего соплеменника. А убив, съедали его тело сочное. Людоеды сии ужасные, богу противные, милы были однако царю Кабашону за то, что стреляли из лука сильнее других и дальше. Воевать могли саршары и на земле твердой и на кораблях в дали от берегов своих ибо считали царством Огу все земли на свете и питались сами собою. Потому не было нужды покорять их Кабашону, а хватило только призвать их на битву долгую, где Огу пожнет жатву великую. Захватили саршары свои луки огромномощные и пошли в Грандахарг по берегу. Вел их Ом, людоед и стрелок первейший.

К закату одного из дней летних, особенно жарких, все воинство несметное достигло окрестностей Грандахарга и встало вокруг него лагерем на холмах. Великий град южный Грандахарг – столица Кабашонова, – стояла на брегах моря среди земель лежащего. Десять башен черных, соединенных стенами высокими, обороняли сию твердыню злодейскую от набегов. Пристань огромная, у которой до сотни кораблей могло стоять, далеко в море выдавалась. На стенах и башнях стояли слуги верные и вдаль смотрели, не придет ли угроза какая. Но не было в то время вокруг Грандахарга ни единого народа, что дерзнул бы супротив властелина мавританского выступить. Дикий ужас внушал он рабам своим, и держал в страхе все народы, по границам его и даже за морем живущие, ибо простирались владения кабашоновы далеко за море глубокое.

Сарацины цвет мавританского воинства составляли. Были они смуглы на лицо, но не столь черны как мавры-пустынники, ибо смешалась в них кровь африканская с кровью арабской и белой кровью византийских жителей. Многие из них обладали видом сходным с жителями земель восточных. Среди бойцов диких славились сарацины дикостью непомерной, среди храбрых – храбростью великой, среди отчаянных были всех отчаянней, и никто не мог с ними сравниться в силе и ловкости воинской. Больше всех ценил и почитал их за то Кабашон. Потому и держал рядом с собой их вождей уже триста лет, со времен побед великих над наместниками византийскими, с тех самых пор как явился на земли эти.

Среди родов сарацинских, верных Кабашону, особенно славились Абенсеррахи во главе с Рамом, Алабесы с Иорнандом в предводителях, Сегри с Лавритасом, и Альморади под началом Гаруса. Были также известны Гомелы с Отером во главе.

Сам же властитель мавританский был лицом смугл и телом крепок, подобно сарацинам. В сражениях неуязвим – ни копье, ни сабля, ни стрела не могли его поразить. Не подвластен Кабашон был ни сну, ни голоду, ни смерти старческой. Секрета жизни его вечной никто не мог разгадать, сколь ни старались. Никто не ведал откуда явился сей властелин на земли мавританские в королевство древнее Альморавидов, как смог захватить его и поработить за тем столь многих. Почитали его поэтому народы пустынные и прибрежные за божество доселе невиданное и жестокое. Особенно саршары, кои полагали его в тайне за самого Огу.

Много лет назад переплыл властелин мавританский Кабашон со своим великим воинством сарацинским и берберами на кораблях чернотелых многочисленных пролив широкий и вступил в земли христианские. Словно саранча черная заполонили они все земли прибрежные и вглубь двинулись неся смерть на остриях своих клинков сверкающих, что были видом с месяцем схожие. Подступился Кабашон к стенам королевства богатого золотом и другими богатствами, что прозывалось Гранадою и осаду начал городов укрепленных. Много долгих лет длилась та война. Сопротивлялись христиане отчаянно, ибо бились за веру молодую и за землю свою, процветавшую в те времена. Но иссушила война их рода древние, начала иссыхать вера в победу скорую, ибо воинов кабашоновых только более становилось в землях Гранады от времени, а рыцарей христианских убавлялось с каждым годом войны. Оскудели пашни обширные без рук человеческих, пожгли мавританские воины пастбища, скот порезали. Начался голод в Гранаде великой.

А полчища кабашоновы, меж тем, устремились далее в глубь земель христианских и за срок недолгий поработили почитай всю Кастилию обширную и Арагон прибрежный. Спустя срок пятидесятилетний почти все королевства христианские в тех землях захватил Кабашон. Пала Севилья гордая, растоптана конями мавританскими Кастилия южная, Каталония и Гранада лежали в руинах. Лишь только земли северные гористые Арагона и королевства Леонского, где находились города укрепленные, пищей и водой еще полные, сдаваться на милость кабашонову отказывались. Задумал тогда Кабашон хитрость злодейскую применить к тем отважным правителям – начал он людей тайно златом одаривать и письма через них подметные слать, чтобы рода арагонские и леонские древние поссорить меж собою. В письмах тех писал, что будто бы в городах соседних родичи их приняли добровольно власть и веру мавританскую и теперь недостатку ни в чем не ведают. Живут в роскоши, едят на серебре и злате, имеют рабов по тысячам. Будет так и всем, кто добровольно власть Кабашона примет.

Не прошло и малого времени как план злодейский принес плоды ядовитые. Однажды предводитель рода Санкиров, испокон веков обитавшего в долинах арагонских гор, великий Виторио ди Кастелла, рыцарь из рыцарей, перехватил подметное письмо, будто брату его предназначенное. Писали в нем, что брат его, Томазо, обитавший в соседней провинции королевства, по своей воле признал власть Кабашона и открыл ему ворота родового замка Санкиров. Разъяренный Виторио ди Кастелла не смог вынести предательства брата и повелел тотчас же снарядить отряд из верных рыцарей, во главе которого сам выехал, для того чтобы покарать предателя, ибо таких еще не было в славном и древнем роду Санкиров.

На рассвете дня следующего отряд рыцарей показался под стенами замка Рока, в котором обитал предатель веры и крови Томазо, и, сломав ворота, приступом взял горную крепость. Ничего не ведавшие о нападении обитатели замка не смогли оказать сопротивления воинам Виторио. А когда защитники узнали в нападавших рыцарей из рода Санкиров, своих братьев по крови, то смятению их не было предела.

Ворвавшись в спальню, в которой находился Томазо со своей женой, разъяренный Виторио ди Кастелла собственным мечом умертвил обоих. И лишь когда узел их плавающими в крови, гнев начал отпускать его уязвленное сердце. Он вдруг увидел, что ни в полуразрушенном замке, ни в окрестностях нет ни одного мавританского воина, как нет и следов их присутствия. Ничто не говорило о предательстве, кроме письма, случайно перехваченного людьми Виторио. Тогда великий Виторио ди Кастелла стал искать подтверждения своему гневу и перевернул все вверх дном в замке Рока. Он проверил все письма брата, пытал всех слуг и пленных рыцарей, защищавших замок, но ничего не нашел и не узнал. И тогда Виторио понял, что был обманут. Он издал дикий крик и упал без чувств у постели родного брата, убитого собственной рукой.

Три дня он пролежал в бреду и беспамятстве, а когда очнулся, то велел похоронить своего брата и его достойную супругу на самой высокой из окрестных скал в память о своем несправедном гневе. После похорон Виторио ди Кастелла отправился в родной город Сигонию, поклявшись во что бы то ни стало отомстить Кабашону. Но, прибыв под стены со

своим немногочисленным отрядом рыцарей узрел Сигонию в руинах и дыму. Некогда прекраснейший город, выросший вокруг замка Виторио, построенного великими зодчими, наполненный красивыми домами, статуями и даже библиотекой, сгорел дотла, уничтоженный мавританскими варварами. Победители в тот час еще веселились в поверженном городе предавая огню и мечу все, что могло гореть и умирать.

Увидев сие злодейство и еще раз пожалев о своем гневе, натворившем столько бед, Виторио ди Каstellла не помня себя от ярости ворвался в собственный город и, несмотря на малое число воинов в его отряде, уничтожил всех мавров. Ярость придавала наступавшим сил. Проведя три томительных дня посреди руин Сигонии, великий предводитель Санкиров, рыцарь из рыцарей, покрывший себя славой во многих битвах, не смог вынести позора, который лег на него после несправедливой смерти брата и его жены. Собрав оставшихся в живых рыцарей из рода Санкиров, удрученный Виторио ди Каstellла решил покинуть разоренную Сигонию и направился искать смерти в южные земли, захваченные мавританскими полчищами.

Проезжая по выжженной земле своих предков Виторио ди Каstellла видел униженную варварами страну. Повсюду ему встречались разрушенные и покинутые жителями города, выжженные пашни и смердящие трупы быков и коров. Вся земля вокруг разрушенных городов была усеяна трупами великих рыцарей, некогда вершивших судьбы этого благословенного края. Теперь же тела их глодали дикие звери и птицы, сбегавшиеся со всех окрестных лесов на запах тления. Виторио ехал мимо сожженных монастырей – оплотов христианской веры, утвердившейся в этих землях и давшей людям мир в душе и спокойствие на небесах. Теперь почти все они были обращены в руины, но даже уничтоженные хранили былое величие.

Проехав почти три провинции насквозь и нигде не встретив мавров, Виторио ди Каstellла стал молиться о быстрой встрече с ними и жаждал умертвить не один десяток, прежде чем отойдет в мир иной от руки чернотелого воина, не знавшего по неразумию своему ни культуры, ни жалости. Находился Виторио в это время в северных землях Кастильского королевства. Воины кабашоновы в то время жгли города еще непокорные, оставшиеся на восточном побережье Гранады и Арагона, потому и не было их в самом сердце страны. Подъезжая к Аларкосу, городу каменщиков и зодчих, чье искусство было известно далеко за морями, Виторио ди Каstellла узрел отряд рыцарей, облаченных в доспехи и белые плащи поверх них. Всадники, числом более сотни, приближались к отряду самого Виторио, который состоял едва ли из десятка воинов славного и храброго рода Санкиров. По облику приближавшиеся рыцари не походили на мавританских, поэтому Виторио остановил свой отряд и стал ждать.

Подъехав на расстояние тридцати шагов, приближавшиеся рыцари остановились. Вперед, на черном как смоль скакуне, подался рыцарь по знакам на плаще и доспехах походивший на предводителя. Осмотрев Виторио и его спутников он снял шлем, открывшей красивое и мужественное лицо, которое пересекал длинный шрам. Помедлив немного, всадник сказал:

– Приветствую тебя незнакомец! Я вижу, ты не мавр, но прибыл из далека. Сблагослови называть мне свое имя.

Виторио ответил приветственным поклоном.

– Меня зовут Виторио ди Каstellла, я рыцарь из древнего рода Санкиров, живущих на севере Арагона. Вернее, живших. Все, кого ты видишь пред собою – последние рыцари из нашего храброго рода. Остальные убиты маврами и остались лежать навечно у стен моего родного города Сигонии.

– Я знаю твой древний и доблестный род. – ответил рыцарь со шрамом, – Мой дед Эрнесто ди Аларкос был дружен с Альберто ди Каstellло, который вероятно приходится тебе родственником. Меня же зовут Роберто ди Аларкос. Я – магистр святого ордена меченосцев.

При упоминании об Альберто кровь бросилась в лицо Виторио и жгучий стыд обуял его. Увидев столь разительную перемену Роберто не удержался от вопроса:

– Что так терзает тебя, храбрейший Виторио ди Каstellла?

– Достойный Альберто, о котором ты говорил, приходится мне дедом. Он вынянчил меня и брата моего родного Томазо. Мы выросли вместе. Деда и брата я видел чаще чем отца своего, проводившего все время в походах. Но недавно, ко мне в руки попало письмо, в котором говорилось, что брат мой предал веру и род наш древний, отдавшись во власть Кабашона. В безумном гневе взял я приступом замок родного брата и умертвил его сонного вместе с женою. И лишь свершив убийство узнал, о невинности брата. Этот грех терзает меня с тех пор каждую минуту.

– И что же ты намерен делать?

– С остатками своего рода иду я в земли южные ища смерти от сарацинского меча, ибо нет мне успокоения в родной земле.

– Что ж, – молвил Роберто ди Аларкос, магистр ордена меченосцев, – достойно понимания твое желание искупить вину за смерть брата. Да только десять рыцарей никогда не сделают того, что сделают сто. Иду я скоро вместе с моим орденом меченосцев туда же, куда и путь твой лежит, в южные земли. Если желания наши и цели совпадают, иди с нами достойный рыцарь.

Не долго думал Виторио ди Каstellла. Ему была мила сейчас любая судьба, что могла свести его в поединке с маврами, толкнувшими на убийство брата. Жаждал больше жизни и смерти он добраться до самого властителя мавританского Кабашона, и будь тот хоть трижды бессмертен – он умрет!

Так примкнул Виторио ди Каstellла к ордену меченосцев. Вскоре, не прошло и двух дней, что понадобились на сборы ордену, выехало триста рыцарей в белых плащах и доспехах сверкающих из ворот древнего города Аларкос. Путь их лежал в южные земли Кастилии и Гранады. Желали освободить они города встречные от ига мавританского воинства.

Лишь только выступили рыцари ордена меченосцев из укрепленного города и удалились от него в соседнюю долину, как тут же объявилось войско кабашоново под стенами древнего города Аларкос. Жители ее не пожелали отдать жилища свои без боя в надежде, что сведает магистр ордена Роберто ди Аларкос о смертельной опасности, грозившей городу, и спасет его от смерти неминуемой. А войско мавританское, что управлялось сарацинами из рода Алабесов с Иорнандом во главе, не стало ожидать долго и устремилось на приступ стен города непокорного. День и ночь отбивали жители Аларкоса атаки мавританские, день и ночь лилась смола кипучая на головы осаждавшим ее воинам, день и ночь летели тучи стрел горящих на крыши города, разя на смерть людей и поджигая дома. Скоро загорелся великий Аларкос, охватило его пламя сильнейшее, дымом едким, стопами и криками наполнился. Но повелел Иорнанд, предводитель гордый Алабесов, никого в живых не оставить в непокорном городе, всех смерти предать лютой. Окружен был Аларкос по его приказанию тройным кольцом воинов мавританских. Убивали они всех беглецов из города пылавшего. Саблями рубили на куски безжалостно. И никто не ушел живым от туда, только одному юноше, почти ребенку, удалось проползти ночью под копытами коней мавританских и бежать в долину соседнюю. А как вырвался он на свободу, то бежать бросился за воинством магистра Роберто, чтобы отомстили они за смерть города родного.

Меж тем, Роберто ди Аларкос, магистр святого ордена меченосцев, и Виторио ди Каstellла, храбрейший из рода Санкиров, были в пути уже второй день. Ехали они рядом в голове отряда из трехсот отборнейших рыцарей ордена. Ничто им было не страшно, как не бывает страшно человеку, который уверен в том, куда идет. Говорили они меж собою о тех благостных временах, которые наступят для Гранады вскоре после изгнания захватчиков мавританских со святой земли. За день прошедший не встретил отряд рыцарский сопротивления. Лишь дважды привиделось дозорным, что промелькнули тени всадников под деревьями лесов окрестных, что росли вдоль тропинки у подножия холмов, меж которых отряд рыцарский свой поход совершал. До самого вечера, однако, никто не потревожил

орден набегами неожиданными. Из долины этой, зажатой холмами высокими, на следующее утро должен был открыться перед отрядом орденом вид на город Тарзию, что был захвачен маврами непременно, поскольку углубились они уж далеко в земли Кастильские. Потому повелел Роберто ди Аларкос, магистр святого ордена меченосцев, разбить шатры походные и стать на ночлег, ибо утром могли повстречаться они с маврами лицом к лицу. Повеление его было исполнено и вскоре на поляне широкой раскинулись шатры походные, встали рыцари пешие и конные дозорами вокруг лагеря.

В полночь темную задержали дозоры рыцарские на подступах к лагерю мальчишку оборванного, что просился к магистру и говорил о беде страшной, приключившейся с его родным городом. Отвели мальчишку в шатер к Роберто, который не спал, рассуждая о философии с Виторио, храбрейшим и умнейшим рыцарем из рода Санкиров. Едва вошел в шатер мальчик, бросился в ноги к магистру и рыдая поведал ему о том, что случилось с великим городом Аларкос, который лежит теперь в руинах обугленных и нет там ни единой души живой. Услышав это, вскочил в гнев Роберто ди Аларкос, магистр святого ордена меченосцев, хозяин ныне мертвого города и провинции, велел сей же час строится ордену в боевые порядки, не дожидаясь рассвета. Но в это самое мгновение услышал он шум и движение уловил в лагере своем. Едва покинул шатер Роберто, как объяснилось само собою движение ночное. Увидел он, что на вершинах холмов, меж которых лагерь стоял, загорелись факелы яркие не таясь, затмевая собою свет звезд далеких. То были воины сарацинские, числом огромным окружившие христиан, все холмы окрестные заплонившие. Окинул взглядом огни вражеские Роберто ди Аларкос и понял, что настает утро последней битвы за свободу. Рядом с ним стоял Виторио ди Каstellла, храбрейший из рода Санкиров, и тоже видел огни сарацинские. Смотрел он на них с радостью неизбывной. Уже совсем скоро настанет час, когда он сможет сквитаться с толкнувшими его на убийство брата. О своей смерти Виторио не вспоминал. Он ждал ее как очищения.

Так прошло немного времени. Сарацины медлили и не атаковали окруженный лагерь христиан. Те уж давно облачились в доспехи боевые и, став ровным рядами вокруг шатров, были готовы к последней битве за свою родину. С приходом рассвета на поляну опустился туман, почти совсем скрывший воинов христианских, облаченных в белые накидки поверх доспехов. Вышел из шатра своего Роберто ди Аларкос, магистр святого ордена меченосцев, и призвал всех рыцарей доблестных сотворить последнюю молитву перед битвой жестокой. Он встал посреди поляны, укутанный туманом, словно призрак, воткнул в землю меч с рукоятью в виде креста и преклонил пред ним колени. То же сделали все его верные рыцари и храбрый Виторио ди Каstellла. Триста человек преклонили колени перед Богом, глухо лязгнули мечи о доспехи, горячо зазвучала молитва. Ни единого звука не раздалось в тот миг из лесов сопредельных, приумолкли все звери и птицы. Даже сарацины, на холмах находившиеся, не тревожили молитву криками воинскими.

Поднялся, наконец, с колена Роберто ди Аларкос, магистр святого ордена меченосцев, надел на голову шлем рыцарский, сел на коня как смоль черного, обнажил меч и крикнул:

– Герольды – трубите атаку! За мной мои верные рыцари!

И помчал его конь горячий вверх по тропе меж холмов под звуки атаки грозной. Мчится магистр бесстрашный на встречу врагу, меч над головой поднимая. А рядом скачет храбрый Виторио ди Каstellла, предвкушая битву жаркую. Следом, рядами стройными, рыцари христианские в одеждах белых.

Поднялся вдруг ветер сильный, разогнал туман белесый и предстало пред рыцарями христианскими многочисленное воинство мавританское. Все холмы окрестные, были усеяны воинами, что тела имели черно-красные и вожди их облачены были в шкуры тигриные. Потрясали они копьями с наконечниками плоскими. Посреди тропы, на возвышении, преградив дорогу христианам стояли конные воины из рода сарацинского Абенсеррахов во главе с Рамом. Сам воитель Рам на коне сидючи поигрывал саблей-месяцем и усмехался надменно, ожидая атаки христиан малочисленных. Позади же рыцарей ордена, заключив их в долине и отход преградив, встало войско мавританское во главе с сарацинским родом

Алабесов, спалившим дотла Аларкос и по следу отряда магистра пришедшее. Предводителем войска того был Иорнанд жестокий, умертвивший множество родичей достойного Роберто.

Со всего маху врубился отряд рыцарей христианских в ряды Абенсеррахов, опрокину первых воинов. Не зная жалости рубил мечом Робето ди Аларкос, магистр святого ордена, валил воинов сарацинских наземь одним ударом. Не уступал ему в отваге и храбрый Виторио ди Кастелла, сек мечом Абенсеррахов презренных, отрубая им руки и ноги, расчленил тела их на две половины равные. Залило тропу лесную кровью. Дрогнули Абенсеррахи, попятились, но не отступили. Не зря их любил Кабашон, ибо смерти они не страшились, словно бессмертные. Увязли христиане в рядах сарацинских, а тут со всех сторон крики дикие слышались, подобные рыку тигра – то ударили дужары пешие. Окружили они, словно саранча, триста рыцарей, вонзили копья отравленные в бока христианским воинам, многих умертвив мгновенно. Но храбрый Виторио кинул клич воинственный и ударил на дужар презренных, обратив их в бегство. Сек мечом он направо и на лево, только головы и руки дужарские летели во все стороны, кровь разбрызгивая по земле. И еще десяток христиан смелых за ним в атаку бросились. Пропиталась земля кровью дужарской и вязкой стала, у коней копыта утопать стали.

Разогнали дужар рыцари и снова на Абенсеррахов ударили. Робето ди Аларкос, магистр святого ордена, прямо к Раму рвется. Но пред ним, словно из под земли, все новые сарацины вырастают. За ним сзади храбрый Виторио ди Кастелла прорубает дорогу к предводителю мавританскому, что умертвил уж пятерых рыцарей христианских. Вот пробились они почти, разбросав Абенсерахов. Вот уже и Рам на коне горячем, мечом-месяцем поигрывает. Но вдруг ударила стрела, пущенная из лука огромномощного саршарского, прямо в грудь магистру и пробила доспехи. Выронил Роберто меч, схватился за грудь. Подскочили к нему сразу несколько дужар и на копья отравленные подняли. Увидав это, бросился Виторио на выручку, раскрыл черепа тем дужарам и лучнику саршарскому, что рядом стоял, но уж поздно было. Пал ему на руки магистр ордена меченосцев окровавленный и дух испустил.

Поднял тогда над головой меч Виторио ди Кастелла и с криком на Рама бросился. Но хитер был и ловок в битве предводитель Абенсерахов. Уклонился он от удара мощного и отсек своей саблей-месяцем голову Виторио. Покатилась она на землю кровавую. Прекратился род храбрых Санкиров со смертью последнего. Тут ударило в тыл христианам оставшимся войско мавританское под предводительством Иорнанда. Завязалась схватка неравная последняя и, спустя время небольшое, призвал Бог всех христиан к себе.

Так скончалось последнее воинство христианское, что посмело бой дать маврам чернотелым в землях некогда великого королевства Кастилия. Стой поры заперлись христиане, чудом уцелевшие, в своих замках высокогорных на окраинах земель северных и Кабашону не перечили. Наступило для королевств христианских время темное, смутное. Полновластным хозяином на землях сих стал теперь властелин мавров. А спустя время короткое хлынули его полчища еще дальше в глубь земель христианских, полонить которые Кабашон стремился.

Как умерило солнце жаркое пыл лучей своих, и вечерняя прохлада понемногу стала опускаться на раскаленную южную землю, из шатра высокого, на холме у Грандахарга стоявшего и увенчанного стягом серебристо-черным, вышел властелин мавританский Кабашон с сыном своим Арсеном и свитой сарацинской. Окинул Кабашон взглядом грозным свое воинство, словно тучи червей копошившееся на берегу моря среди земель лежащего, корабли чернотелые в поход снаряжавшее. Вдоль берега многие сотни их стояли и каждый способен был снести по пять дюжин воинов. Лошадей и зверей диких, что в бою используют, грузили рабы на них.

В небе вечернем стаи коршунов кружили, затмевая крыльями своими слабый свет заходящего солнца, и казалось будто ночь темная наступила уже. Птицы сии служили

Эрманарихому, царю звериному африканскому, что в дружбе с Кабашоном был, и великую злобу несли на своих крепких крыльях. Нынче отправлялись они с кабашоновым воинством в земли далекие русские творить смерть.

Узрев сие действие возликовал Кабашон, воздел к небу руки свои и вскричал голосом диким:

– Будет битва жаркая! Будет смерть прекрасная!

Глава 7. Горыня воин

Недалече от того места, где живет Соловей-разбойник, стоит город Муром, славный по всей земле русской тем, что дал ей в незапамятные времена богатыря Илью, свершившего подвиги многия. А от Мурома недалече до Ростова Великого, да Ярославля, в самом сердце земли русской расположенных.

Ежели взглянуть из Мурома сквозь леса заповедные, что со всех сторон его окружают, на юг прямо, то уткнешься взглядом в хребет горный высоты немеряной. Горы те в облаках высоких теряются. И на самой высокой из них стоит дом каменный, окна которого смотрят на вершины снежные. Текут вниз потоки шумные, сходят лавины опасные, и все потому, что рождает их храп великий, из дома сего раздающийся. Спит там сном праведным богатырь великий по прозванию Горыня. Спит уж три года, ибо заколдован он деянием злодейским. И спать будет до тех пор, пока не придет минута опасная для Руси, и не позовет его на брань великую гонец княжий, а ли сердце чуткое.

Тому как раз три года исполнилось, как был с караваном купеческим из Новгорода Горыня в землях далеких за двумя морями. Ездил страны посмотреть жаркие, людей повидать тамошних, ибо страсть как интересно ему сделалось на душе от рассказов купцовых, а богатырских занятий в то время на Руси все равно не находилось. Обещали купцы Горыне злата-серебра много, ибо в нем защитника видели сильного, ежели змий какой многоглавый по дороге объявится, а ли разбойники-душегубы нападут. Горыня таких гостей непрошенных враз всех отделает мечом, да палицей богатырской. Не зря был он на Руси в те времена из богатырей самых сильных. Горыня змея бить не отказывался, ибо ему змея бить – только тешится, акромья того интересно путешествие выходило. Потому, подумал он время малое, дом свой в горах высоких на людей дворовых оставил, да и поехал с купцами новгородскими в страны далекие.

По дороге много стран миновал караван купеческий, диковин увидал Горыня не мало и добрых и худых. Живут, как оказалось, люди там по-разному, по-всякому. Кто хорошо, кто плохо, а кто недолго. Языка русичей не понимают, глупые, снега не видят, медовуху не пьют, только бананьи да финики потребляют без меры. В общем, жизнь там не сахар, да и жарко везде, все голые ходят, срам один.

На последок зашел караван новгородский в самую даль далекую, на земли африканские, кувшинов закупить диковинных и тканей чудных. А хозяином был в тех землях Кабашон, властелин людей смуглых, да черных тоже, словно ночьюорожденных. Но, купцы – люди ушлые, и не такого видали.

Принял Кабашон купцов по-доброму, хотя на берегу и встретило их воинство многосотенное с луками и копьями великими, но то видать для порядку. Да купцы и не испугались совсем, ведь с ними Горыня-богатырь был. А тому, что сотня, что тьма народу вражеского – только палицей махнуть.

Пристал караван к пристани великой Грандахарга, города главного во владениях Кабашоновых, десятью башнями черными огражденного. Подивились купцы, что множество лодий у пристани той стоят, да только лодьи все ратные, а не купеческие, купцов что-то и не видать совсем. Пригласил Кабашон гостей во дворец свой твердокаменный отведать яств африканских, да заморских, и о жизни на Руси стал расспрашивать. Как живут люди, что делают, не тревожат ли страны соседские набегами. Много ли богатырей на Руси народилось.

Купцы – люди добрые, стали ему все как на духу рассказывать, что жить на Руси хорошо, возможно, то есть, ремесла процветают, города строятся. Вячеслав, князь великий, недавно в Солнцеграде такую пристань выстроил, что цельных десять лодий за раз пристать могут, да еще русло реки углубил так, что любой корабль крутобокий пройдет и дна не заденет. Оно конечно, пристань та чуть поменьше местной будет, но все равно хороша. А что до богатырей, так их на Руси всегда много было, но самых сильных всего три. А один из них прямо здесь сидит. И на Горыню указывают.

Поглядел на него Кабашон взглядом пристальным и говорит:

– Если ты есть богатырь сильный, то докажи мне силу свою.

– Отчего не доказать, – отвечает Горыня, – если надо змея побить, а ли поломать чего – это мне не трудно будет.

– Нет, – говорит Кабашон, – не надо со змеем биться, испытание твое в другом будет. Велю сейчас принести тридцать бочек вина крепчайшего.

Если одолеешь все один – значит ты и правда богатырь сильнейший, я тебе еще тридцать бочек в дорогу дам. А если нет – велю рубить тебе голову.

– Отчего не испить вина, – отвечает Горыня, – согласен я на испытание. А голова моя крепко на плечах сидит, ее отрубить – постараться еще надо.

А сам думает: тридцать бочек-то я в полсилы выпью, зато будет чем на обратном пути потешиться.

Щелкнул перстами властелин земель мавританских, открылись двери резные высокие. Прикатили слуги Кабашоновы тридцать бочек огромных. Встал Горыня-богатырь в самый центр горницы сводчатой, велел ведро себе принести из лодьи и давай пить ведрами. Одно опрокинет, крикнет, дунет, и за другое берется. Выпил так все тридцать бочек и еще просит.

– Вижу, – говорит Кабашон, – Ты и правда богатырь сильнейший. Забирай еще тридцать бочек и езжай домой.

Погрузились купцы в лодьи обратно, попрощались с властелином мавританским, и в путь дорогу отправились. Горыня-богатырь весь путь обратный вино допивал с купцами, а потому весело ему было на душе отчего-то. Плыли они долго, и того не видели, что в небе летела за ними стая коршунов до самых границ Руси великой. А как достигли лодьи родной стороншки, повернули те коршуны назад, а Горыня вдруг заснул сном мертвецким и проспал весь остаток пути. Меж тем, на лодьях все купцы, что с Горыней пировали, враз померли от смерти неизвестной.

Когда подошел караван купеческий по реке широкой ближе всего к дому Горыни, стали слуги купеческие его будить. Толкали-толкали, кричали-кричали, все бесполезно оказалось. Горыня знай себе храпит и просыпаться не желает. Послали они тогда за людьми дворовыми его, положили на телегу огромную богатыря, и домой его отправили. А меж собой порешили, что вино то, видать, отравленное было и только здоровье богатырское Горыню спасло, да иконка, что на шее висела, раз он не помер совсем, а заснул только.

А Кабашон, злодей, рад был радешенек, что извел богатыря из сильнейших раньше срока, о чем ему поведали лазутчики волшебные – коршуны царя звериного Эрманарихома. Ибо замыслил недоброе для земли русской он, да только не ведал того, что на груди у Горыни амулет висел – иконка, матерью дареная. Не умер богатырь, а заснул лишь.

Стал властелин мавританский сзывать все народы черные, равно белые некрещенные, на Русь войной идти. Обещал им поживу богатую, злата-серебра горы высокие, девиц красных гаремы полные. На призыв его собралась вся нечисть людская, и через полгода стояла на берегах Африканских рать доселе невиданная. Готовились к отплытию тыщи кораблей мавританских.

Сведал про то князь Вячеслав, чрез людей верных в земле вражеской, да от птиц перелетных еще раз уверился, что растет за морем угроза великая. Стал сзывать в Солнцеград богатырей могучих, да дружины собирать боевые. А к Горыне князь послал своего сокола – птицу верную. Прилетел сокол, сквозь земли долгие, реки широкие, леса дремучие, сел над постелью богатырской и клювом своим его клюнул в темя.

Очнулся тут Горыня. Увидал сокола и понял, что князь его к себе зовет. Стал в дорогу дальнюю собираться. Ибо, когда земля родная в опасности, не пристало богатырям на печи лежать. Одел на себя Горыня бронь тяжелую, шелом крепкий, взял щит обширный, да палицу-колотушку, что память всем врагам отбивала, ибо заколдована была. Меч богатырский на пояс повесил, на коня верного сел и отправился в дорогу дальнюю.

Как спустился богатырь с гор высоких, оставив позади себя снега вечные, до тех мест, где зачиналась дорога уторенная, остановил коня вороного. Повернулся в седле Горыня, посмотрел на вершины скалистые и сказал молчальникам снежным:

– Вы прощайте, горы великие, до поры до времени. Призывает меня в себе князь Вячеслав, сослужить ему службу великую. Отвадить ворогов от земли русской. Жив буду, ворочусь на родную сторонushку, к небесам голубым высоким, что лежат на плечах ваших сильных.

И сказавши это, пустил вскачь коня быстрого. В полдня домчал его конь до места, что лежало за холмами зелеными. Прозывалось оно полем каменным, от того, что повсюду на нем валялись валуны огромные. Словно чародей какой разбросал из во гневе сильном. Проехал Горыня дорогой, меж камней петлявшей и оказался на высоком холме. Стояли на том холме два высоких столетних дуба. А кроны их меж собой переплелись. Сказывали, будто встретились тут в стародавние времена два великана и один другому дорогу уступать не захотел. Порешили они силой меряться. Уперлись руками друг другу в плечи, стали толкаться – кто кого свалит. Да видно поровну им Бог силы отмерил. Десять лет не могли великаны с места сдвинуться, только зря пихались. А за время это оба в землю по колено ушли от натуги великой. Иссохли от обиды бесконечной, да вскоре в дубы оборотились, так велико их упрямство было.

Поглядел Горыня на деревья диковинные, но задерживаться не стал. Торопился на зов княжеский. Апосля холма двух дубов, дорога в поля спускалась и петляла среди них аж до самых болот русалочьих. Знал Горыня всю опасность великую, от сих мест исходившую, да не пристало богатырю кикимор с русалками бояться. Хоть дорога уторенная здесь в тропку худую обращалась, не стал Горыня коня в объезд поворачивать. Пустил его напрямиком через болота. Долго ехал он, коротко ли, вдруг видит конь его спотыкаться стал.

– Ты, родимый, держись, – подбодрил коня Горыня, – болотам скоро конец. Русалки видно спясть, нас не трогают. А на землю твердую выберемся, там и отдых будет.

Сказал так и голову поднял посмотреть скоро ли твердь появиться. И вдруг видит, сидит на огромном камне, мхом поросшем, девица красы невиданной. Тело белое, груди полные, станом прелестна, словно ивушка, глаза бирюзовые, а волосы и вовсе зеленые. Вода болотная до колен ей доходит. Глядит Горыня и глаз отвести не может. Чует – не чисто здесь, а не может. Словно зелья приворотного испил. И до того загляделся, что коня своего даже остановил. А девице только того и надо.

– Далеко ль путь держишь, добрый молодец? – спросила она голосом сладким. – Вижу, притомился ты, отдохнуть пора. Ты с коня сойди, да ко мне иди. Я тебя приголублю и беседой сладкой развлеку.

Улыбнулась она, да волосами тряхнула и назад их рукой отвела. Чует Горыня, неладное с ним творится. Он уж и ногу занес, чтоб на землю спрыгнуть. А сам думает: а может она и не русалка вовсе? Я ведь три года спал, ничего не знал. Может русалки уже все повымерли? Может это крестьянка какая местная, искупаться пришла. И уж совсем решил богатырь задержаться здесь ненадолго, да пригляделся: а на ногах у нее чешуя рыбья. Словно молотом его по голове ухнуло.

– Нет, – говорит, – ведьма проклятая. Не погубишь ты мою жизнь молодецкую. Я тебе живым не дамся.

– А зачем ты мне дохлый нужен, – отвечает ему русалка, – покойников тут и так пруд пруди. Почитай каждое утро всплывают. А через места эти уже год, как никто из людей живых и не ездит. Цельный год я живого человека не видала. Скучно мне здесь жить, поговорить и то не с кем. Появился наконец один, да и тот видно – дурень неотесанный!

– Ты потише там, кикимора лохматая! – говорит Горыня обидевшись, – не пристало нам богатырям с нечистью якшаться. Да и тороплюсь я. Дело у меня важное.

Натянул поводья Горыня и пустил коня вскачь. Проскакал сто шагов, да вдруг снова коня осадил. Поворотился в седле и назад поглядел. Русалка все так же сидела на камне, да смотрела на воду. Только слезы горькие текли из глаз ее бирюзовых. Жалко вдруг Горыне стало девицу, хоть и нечисть, а все ж не злобливая. Растворил он рот свой богатырский, да крикнул так, что эхо полетело над топиями:

– Как звать-то тебя, нечистая?

Встрепенулась русалка, вперед подалась и в ответ сладким голосом крикнула:

– Лазаруша я, дочка младшая Царя водяного. Как поедешь назад, загляни ко мне, я ждать тебя буду!

И рукой своей тонехонькой помахала Горыне. Забилось у богатыря отчего-то сердечко ретивое, да сдержал он его силой сильною. Поскакал прочь скорей из болота проклятого, чтоб не видеть его обитателей. Скоро въехал он в лес сухой, нашел поляну широкую, да на ночлег устроился. Коня богатырского пастись отпустил. Нарубил дров, костер развел, поужинал чем бог послал, да спать завалился.

Разбудила Горыню гроза сильнейшая. Высунул он свой богатырский нос из-под накидки алой, аккуратно капля дождевая ему по носу и попала. Встал богатырь, огляделся. В небе гром грохочет, дождь с такой силой по земле стучит, будто проткнуть ее силится. Деревья стоят листья поджавшие, куда деться от дождя не знают. Вымок весь Горыня скоро, да делать нечего, – надо в путь отправляться. Свистнул он коня вороного. Взял оружие острое, сел в седло крепкое, да поехал сквозь чащу лесную. Долго ли, коротко ли ехал Горыня, стал вдруг примечать, что лес вокруг него будто изменился. Стал он мрачным и темным, словно от печали великой. И не было в нем движения жизни, привычного для сего времени года. Ни зайца, ни белки не узрел богатырь за весь день. И чем далее он продвигался по пути своему, тем мрачнее и пустынное казался лес. К вечеру того дня, усталый и голодный, добрался Горыня до поляны великого камня, откуда начиналась тропка заветная, становившаяся далее дорогой, что вела путников аж до самого Солнцеграда сквозь леса муромские.

Дождь в ту пору совсем перестал. Переступая копытами по мокрой земле, вывез конь богатырский Горыню из леса на поляну, и остановился радуясь хоть и малому, но месту свободному от корней и веток колючих. Посреди поляны лежал камень тяжести немеряной, что десять молодцев взявшись за руки обхватить едва могли. Имя ему было – бирюза. Много легенд про сей камень знал Горыня. Старики говорили, что необыкновенное счастье дает он, вражду примиряет, мир творит во всем и гнев сильных отводит. Счастье бирюза приносит только добрым людям, тем кто заповеди чтит, а для всех других она – злейший враг. Особливо для людей злобных и злоречивых. Камень сей, как человек, и живет и умирает. Когда молод он, белесоватый цвет имеет, как станет зрелым – голубой цвет получит, а умрет – зеленым покажется. Если воздух непрозрачен бывает или грядет непогода какая, бирюза теряет свой блеск обычный. Акромя того, камень тот каждый вечер со светом уходящим прощается, от того непрозрачным бывает. Однако, в тумане бирюза светится сама собою, мягко и сильно, давая путникам заплутавшим знак.

Тот камень, что на поляне лежал, голубым показался Горыне, и коль скоро день долгий клонился к вечеру, валун сей огромный медленно терял свой свет. Под ним уставший богатырь и решил ночь провести. На завтра, даст Бог, до Муром доедет, а там и до Солнцеграда недалече. Сотворив молитву, и укрепившись духом святым, поскольку никакой живности в округе Горыня не обнаружил, лег почивать богатырь на своей накидке. Коня же опять пастись пустил.

Как минуло полночи длинной, поднялся вдруг над лесом ветер сильнейший. Зашумели, закачались сосны вековые, поляну великокаменную окружавшие. Очнулся Горыня от шума в природе происходившего, и в небо звездное глянул. Померещилось ему, будто звезды на небосводе ночном замерцали вдруг, словно свечи в горнице на ветру. Пригляделся Горыня и

почудилось ему, будто кружат над поляной птицы огромные с глазами горящими.

Сел богатырь на накидке и за ухо себя ущипнул, убедиться хотел, что не сон сие действо небесное, ибо птиц столь огромных на Руси отродясь не водилось. И только он сотворил сие, как с диким воем с небес на поляну стая коршунов обрушилась. Едва успел Горыня свой меч выхватить, да на ноги вскочить, как птицы ужасные устремились на него прямо, растопырив когти вострые.

Ударом первым богатырь рассек коршуна страшного, что быстрее всех на него бросился. и столь силен был замах богатырский, что меч, пройдя сквозь тело птицы по рукоять в землю ушел. Едва успел Горыня его выдернуть, чтоб второго коршуна приголубить, отрубил ему голову великую с клювом крови алчущим. С той минуты разгорелся на поляне камня бирюзового бой великий богатыря русского с тварями бесовскими, неведь откуда явившимися в самом сердце земли славянской. Едва успевал Горыня рубить мечом направо и налево, став спиной к камню, чтобы тыл оборонить, а коршунов в небе над поляной все прибывало. Совсем уже свет звезд затмили они крыльями своими черными. Кому голову узкую, кому крыло жесткое или когти острые отсекал Горыня. Кого сразу насмерть разил его меч богатырский, а кого лишь калечил. Уже много птиц дьявольских устлали телами своими поляну, а кои пораненные ворочались в крови собственной, перья же их летали повсюду. Воздух лесной чистый вонью и смрадом пропитался. Тяжко Горыне дышать стало.

Уже и силы его иссякать стали, как вдруг оставшиеся в живых коршуны в небо поднялись и стали кружить в вышине не пытаясь Горыню жизни лишить более. Опустил меч богатырь, дух перевел, и уж решил, что отвадил он гостей непрошенных, как вдруг упал камнем с неба коршун такой огромный, что вдвое более прежних богатырю показавшийся. Был он один-одинешенек. Опускаясь, крылом своим могучим сосну перешибила птица сия. Подивился Горыня силе дьявольской, и меч свой, кровью замаранный, поднял для защиты. А коршун тот со всего маху о землю ударился, да оборотился черным воином. Лицо его зверское смутно Горыня разглядел, ночь была, лишь заметил богатырь нос горбатый с клювом схожий, да глаза горящие огнем диким, а на волосах его черных – корону, мерцающую, словно уголья костра.

– Силен ты, богатырь, – прорычал сей истукан, – да только я сильнее. Не ведаешь ты, против кого пошел, человечина. Много воинов моих погубил мечом своим, да только меня им не возьмешь.

Сказавши так, протянул он вперед руки свои с пальцами, более на когти походившими, и ударила из них молния ветвистая. Почудилось Горыне, будто тысячи копий вражеских в тело его вонзились. Выронил он меч свой из рук, и пошатнулся. Поплыло все перед глазами, свет белый померк, и рухнул Горыня словно дуб, подкошенный силой дьявольской, перед камнем великим бирюзовым.

Уж долго лежал он то в бреду, то в беспмятстве. Казалось, будто в голове били колокола пудовые. Тело богатырское ныло нещадно, а руки и ноги не слушались. Богатырским усилием растворил глаза свои Горыня, да в небо посмотрел. Где-то там, далеко, висели тяжелые серые тучи. «Где же я, – подумал богатырь, – али помер уже?

Он поднатужился, и сел, обхватив руками окровавленную головушку. Оглядевшись вокруг, узрел Горыня тысячи мертвых коршунов, от коих дух смрадный уже поднимался в небо, и вспомнил все. «Как же жив я остался, – удивился богатырь, – ведь одним сапогом уже в могиле топтался. Видно, не пришел еще мой час». А сказавши так, встал на ноги Горыня, поднял голову, да тут же чуть обратно и не сел от удивленья. Увидел богатырь, что камень бирюзовый, пол поляны занимавший, ярким светом горел голубым, затмевая свет дневной.

– Так вот, значит, кто мне жизнь спас, беду из тела моего вывел, – воскликнул Горыня с радостью, и на колени перед камнем повалился, – спасибо тебе, бирюза-заступница, век тебя помнить буду.

Подошед к камню, отбил Горыня от него кусочек махонький и в мешок к себе положил. А сам подумал: «послужит мне камень сей оберегом от напастей всяческих, кои встречу еще». Кликнул коня своего Горыня. Сел в седло и далее в путь двинулся в Солнцеград великий, но сперва через Муром проехать было надобно.

К вечеру спустился богатырь с холмов лесистых на поле перед городом лежащее. И только конь его ступил на дорогу, к воротам ведущую, открылся богатырю вид ужасный. На сколько глаз хватало, всё поле усыпано было мертвыми русичами, что еще сжимали в руках своих оружие теперь ненужное. Стаи воронов вились над городом Муромом, а сам он, недавно красивый столь, в руинах лежал и в дыму.

Въехал Горыня в город в том месте, где ранее ворота стояли, и не узнал он Мурома. Ни одного дома не оставили целым злодеи неизвестные. Все дотла выжгли. Медленно переступал конь богатырский по головешкам дымившимся, боясь наступить на мертвых русичей. И вдруг среди моря смерти, услышал Горыня плач по матушке, над развалинами зазвучавший. И увидел Горыня красну девицу, чудом смерти избежавшую, что склонилась над своею матушкой, растерзанной врагами проклятыми. И при виде их налилось сердечко богатырское лютой ненавистью к поганым извергам. Вздвинул коня своего Горыня богатырь, повернул его на восток и погнал напрямик в Солнцеград.

Дни и ночи скакал богатырь по лесам и полям, и везде видел только смерть царившую. И росла в нем ненависть великая, горы сокрушить готовая. «Не бывать мне счастливу, покуда не изведу всех тварей поганых, на землю мою явившихся», – думал богатырь коня погоняя.

К рассвету дня нового, скачки без сна и отдыха, взлетел Горыня на вершину холма высокого, что в десяти верстах от Солнцеграда находился. Взглянул богатырь на город златоглавый, что в дали виднелся, и узрел он полчища несметные вражеские, полукольцом его охватившие. Словно тучи черные, парили в небе коршуны, в них узнал Горыня друзей своих, давешних и осклабился довольно: будет случай счеты свести.

Спрыгнул богатырь с коня и воткнул в землю меч свой великий. Рукоять его была в виде креста изготовлена. Ибо богатыри русские, подобно князю своему верили отныне в Бога единого. Пал на колени Горыня и молитву сотворил. Апосля нее, достал богатырь из сумки своей оберег бирюзовый, сел на траву, лицом к Солнцеграду, сжал камешек в ладони, и молвил тихо:

– Встану я рано, утренней зарей, умоюсь холодной водой, утрюсь сырой землей, завалюсь за каменной стеной. Ты, стена бей врагов супостатов, а был бы я цел и невредим. Иду я в кровавую рать, бью врагов супостатов; а был бы я цел и невредим. Вы, раны тяжелые, не болите; вы, мечи бойцов, меня не губите, вы, стрелы, меня не разите, а был бы я цел и невредим. Заговариваю я раба божьего Горыню ратного человека, идущего на войну, сим моим крепким наговором. Чур, слову конец, моему делу венец!

Встал Горыня во весь рост, плечи расправил широкие, и почуял будто силы в нем поприбавилось. Вскочил богатырь на коня, выдернул меч из земли сырой и над головой его вскинул. Блеснул меч богатырский на солнце, будто среди бела дня звезда на небе вспыхнула. И пустил коня своего Горыня с холма вскачь.

Глава 8. Предсказание Зувейле

В рассветный час дня первого, месяца, что в народе травным зовется, пробудилась в своем логове волчица серая от земли содрогания. Пробудилась она, щенят оглядела, и наружу подалась, сведать отчего земля не спокойна стала. А жила волчица далеко от стаи, на обрыве высоком, и нора ее смотрела прямо в море черноводное. Как взглянула серая на берег морской, то предстало пред ней диво дивное, доселе невиданное. Много тысяч судов чернотелых заполонили море широкое и воды не видать стало до того места, где небо с нею сходится. Развевались на кораблях стяги черно-серебристые, а носы венчали головы резные. И почуял зверь, что беда пришла. То достигли берегов моря черного корабли первые

Кабашоновы, что несли в себе отряды дужарские во главе со жрецом их Ражханом. И как только ударился о дно песчаное первый корабль, прыгнул вниз Рыжхан, облаченный в шкуру тигриную, и звериный крик раскатился по всему берегу широкому. Сорвались с веток птицы сидевшие, всполошились в лесах звери дремавшие. Показалось им, что зашло солнце раннее, не успев на небо взойти еще.

Вслед за первыми кораблями, вторые о землю ударились. И посыпалось с них на берега широкие воинство мавританское. Среди первых были здесь югорды, выше всех почитавшие царицу змей Гаджу, были и саршары-лучники, человечье мясо поедавшие. Многие тысячи их разбежались тотчас по берегу в поисках поживы легкой, держа наготове луки страшные, из коих стреляли они без промаха. Вслед за саршарами, остальное воинство мавританское начало смерть дарить всему встречному. И спустя полдня на десятки верст окрест не осталось ни одной души живой человеческой и звериной даже. Не щадя ни старых, ни малых, убивали всех мавританские изверги, предавая огню селения, пашни и леса плодовые. Затянуло дымом черным прибрежные земли, мертвыми усыпанные. И тогда с небес, на падаль многочисленную, на тела человечьи, в коих жизнь недавно теплилась, обрушилась лавина черных коршунов звериного царя Эрманарихома, терзая все, что надежду еще имело.

Растеклось скоро по земле прибрежной черное воинство, расплзлось, словно тучи саранчи. А к закату дня первого, месяца, что в народе травным зовется, приняла в себя земля обгоревшая, корабли последние, в коих плыл сам Кабашон со свитой сарацинскою. Как ступил он на землю кровь впитавшую – возликовало сердце его злобливое. Смерти вид глаза обрадовал. Окинул Кабашон взглядом горы прибрежные, из-за коих дым от селений горящих подымался, подозвал сына своего и молвил: «Смотри сын мой и радуйся – так умрут скоро все народы, мне непокорные.»

Но не весел был сын его Арсен, хоть и напросился сам в поход далекий воинский. Не о том, чтобы врага умертвить думал он, а совсем другую думу – тайную и заветную. Вспоминал Арсен те годы недавние, когда пришлось ему побывать вместе с сарацинами по приказу отцовскому в сердце пустыни бескрайней, провести дни долгие в поисках сокровищ богатейшего султана Бендина. Город султана меж хребтами горными лежал, восточным Эргом и западным, там, где простиралась пустыня великая африканская, что нет шире во всем мусульманском свете и даже за священной горой Каф. Затерялся город в самом сердце пустыни и неведом был никому из чужаков, ибо заколдован и всегда в мираж превращался, едва лишь караван или войско иноземное появлялось в песках пограничных. Назывался он Золотым городом. Но узнал Кабашон хитрый от людей Бендина, пойманных во время похода дужарского, где стоит сей сказочный город, несметными богатствами и чудесами разными полный. Рассказали под пытками пленники, как идти туда и самому живому вернуться. А потом велел Кабашон отрубить им головы и стервятникам бросить на съедение, чтоб вовек не узнал никто, как нашел Кабашон дорогу тайную, сквозь нагорье Ахаггар прямо к Золотому городу султана Бендина.

Много месяцев шли воины Кабашоновы, мавры верные, чтобы злата добыть, камней и чудес невиданных для властелина своего. Вел их предводитель сарацин великий воин Иорнанд из рода Алабесов, и с ним был Арсен. По приказу Кабашона должен был видеть Арсен смерть врагов отца своего и твердеть сердцем. И вот, на тридцатый день, увидели они, солнцем и горячими ветрами измученные, город с башнями белыми, что вырос перед ними на рассвете. Окружен был город высокими стенами зубчатыми, минареты его резные, полумесяцами увенчанные, прямо в небо упирались, купола обширные над стенами высились, а ворота городские широкие казались из чистого золота. За стенами виделось множество зданий богатых и прекрасных, с крышами тускло-блестящими. Увидав сие, посланники кабашоновы почуяли поживу великую.

Только лишь взошло солнце на небосвод – засверкал Золотой город жаром крыш своих, ибо сделаны были они из чистого золота, как и говорили предания. А еще говорили предания, что живут в этом городе затерянном лишь мастера-ремесленники и нет у них подмастерьев, ибо все они творят только лучшие творения, что не может повторить ни один

человек во всех землях арабских и африканских. Собрал их тут силою сто лет назад со всей Африки султан Бендин, водивший дружбу с джиннами, и построил для них город великий тайно, для того, чтоб они трудом своими умножали богатство его ежечасно. А чтобы врагов не боялись, велел султан Бендин джиннам заколдовать Золотой город заклятьем сильным, так чтобы людям встречным город миражом виделся и не могли они дороги к нему найти ни днем, ни ночью, сколь не старались бы. С тех пор затерялся Золотой город в пустыне обширной, хранимый джиннами, и не знал забот и напастей.

Лишь только раз в году, на рассвете, теряло заклятие силу свою на один день. В тот день позволял султан Бендин своим мастерам увидаться с детьми и женами. Снимали заклятие джинны послушные и возникала тотчас дорога каменная прямо от домов родни сквозь всю пустыню к городу Золотому ведущая. То не простая была дорога. Лишь ступит на нее человек и, где бы он ни был, принесут его джинны прямо к Золотому городу за мгновение малое. А как истечет день единственный, тем же путем унесут его великие джинны обратно. Так и не узнает никто и никогда, где стоит город сей несказанно богатый.

Приходят в тот день по дороге каменной дети и жены мастеров и остаются с ними до утра следующего, пока не выйдет срок. Весь день, что мастера с женами проводят, джинны спят и заклятие не висит над городом. А как истечет время, Бендином отпущенное, исчезает дорога и умирают те, кто уйти из города не успел, убивает их заклятье тяжелое, снова в силу вступившее с первым лучом солнца.

В одном из походов дальних Кабашон, водивший дружбу с джиннами-вероотступниками, захватил много жен и детей мастеров, пытал их и правду выведал, а затем убил. И теперь слуги его точно знали, что утром исчезнет заклятье джиннов и останется беззащитным город Золотой ровно на один день. Так и случилось. Лишь только воссияло солнце африканское белое над песками пустыни бескрайней, увидали мавры кабашоновы, на холмах окрестных находившиеся, чудо, объяснимое лишь повелением джиннов – появилась вдруг из воздуха дорога каменная из дали поднебесной прямо к воротам городским, которые тотчас отворились бесшумно. Множество женщин и детей на дороге той показалось и возникло скоро у ворот городских великое столпотворение. Безмолвная, до той поры, пустыня наполнилась криками радости искренней.

Но недолгой была та радость. Увидав, что заклятие потеряло силу, Иорнанд, предводитель Алабесов, велел войску своему умертвить всех женщин и детей, а затем разграбить Золотой город. Словно стаи шакалов голодных выскочили сарацины из своего укрытия и набросились на людей у городских ворот. Крики радости сменились воплями о пощаде, но сарацины не знают пощады. Засверкали клинки-полумесяцы на солнце, покатались головы, полилась кровь на дорогу каменную и песок, не успевший еще раскалиться от лучей солнечных. Впереди всех скакал Иорнанд на горячем коне, рядом с ним был Арсен в одеждах белых, но клинка не вынимал он, не желая крови в душе своей. Лишь едва научившись сидеть в седле, смотрел Арсен молодой на все глазами ужаса полными, но отца послушаться он не смел.

– Смотри как гибнут эти собаки, Арсен, – кричал ему Иорнанд чернобородый, указывая мечом окровавленным на трупы женщин убитых. – Твой отец будет доволен нашим походом!

Умертвив всех женщин и детей, ворвались сарацины в город. От увиденного засверкали глаза у них и наполнила сердца жадность бесконечная. Все дома были в городе из камней дорогих монолитных построены, решетки искусные на окнах и крыши золотом убраны, фонтаны из мрамора и других камней пестрых сделанные источали прохладу. По улицам узким, коврами устланным, ступали плавно павлины важные, хвосты распутив. Бросились сарацины грабить Золотой город и убивать мастеров, что встречались им на порогах жилищ своих в ожидании жен и детей. Велел Иорнанд привести в захваченный город караван из двух сотен верблюдов, что стоял за холмом, и грузить их мешки седельные золотой утварью и камнями драгоценными, на радость Кабашону. Растеклось мавританское воинство по узким улицам, смерть неся на остриях клинков своих изогнутых.

Меж тем Арсен отстал от Иорнанда, и ехал медленно на коне своем по опустевшим узким улицам Золотого города в одиночестве, хоть отец его и велел Иорнанду ни на шаг не отходить от сына. Но уж больно сильна была власть золота над душой предводителя сарацинского, еще сильнее чем страх смерти. Так выехал Арсен на площадь центральную города, трупам мастеров уже усеянную, и остановился у мечети с куполом голубым огромным и минаретами такими высокими, что терялись в небе. Залюбовался он стенами резными и орнаментом красоты невиданной, захотелось ему внутрь войти. Спешился Арсен, коня, что по первому свисту являлся, оставил не привязанного, и вошел в мечеть. Надеялся он, что хоть здесь найдет место от смерти свободное, потому что сарацины пощадили лишь мечеть, дом Аллаха, во всем славном городе Золотом. Войдя под своды высокие никого не увидел Арсен внутри, тихо и пустынно было здесь после города, криками наполненного. Казалось, что время бесконечное, одному Аллаху подвластное, остановило здесь свой беспокойный бег. Осмотрелся Арсен по сторонам, постоял в тишине тягучей и прочь пошел. Но едва ступил он снова на каменные плиты городской площади, как услышал за спиной женский голос:

– Здравствуй, Арсен, отважный.

Обернулся Арсен на голос и увидел стоявшую в трех шагах женщину, чье лицо скрывала паранджа черная. Изящна станом была женщина незнакомая, и этого паранджа скрыть не могла. Но как прошел мимо Арсен молодой и не заметил ее, ведь на площади перед мечетью не было никого, кроме нескольких убитых мастеров, что плавали в крови собственной. Да и откуда она здесь, посреди битвы кровавой?

– Кто ты и откуда знаешь мое имя? – спросил Арсен, оробевший от встречи нечаянной, позабыв, что весь город поверженный сейчас ему принадлежит и он здесь хозяин.

– Меня зовут Зувейле, я дочь султана Бендина, чей город захватили твои кровожадные и алчные воины.

– И ты не боишься меня, Зувейле? – спросил Арсен, взявшись за рукоять меча сарацинского.

– Нет, Арсен, я тебя не боюсь. Мой отец, султан Бендин, дружен с джиннами могучими и способен разбросать по свету все твое воинство, стоит ему лишь пожелать. А я сама знаю толк в колдовстве и могу оборотить вас всех в стаю шакалов, а затем отправить скитаться в пустыню.

– Мои воины залили кровью Золотой город и к закату предадут его огню. Если хочешь помешать нам, что же ты медлишь, Зувейле? – спросил Арсен удивленный столь смелыми речами.

– Я медлю, потому, что знаю о своей судьбе и силе. А вот ты не ведаешь ничего. Потому я и позволила отцу впустить тебя в этот город. Пришел день и час, когда я должна поведать тебе твою судьбу. Следуй за мной, Арсен-завоеватель.

Не успел Арсен ответить на столь смелые речи дочери султана Бендина, которой надлежало просить о пощаде, а не приказывать и угрожать, как напротив мечети возник из ниоткуда дворец роскошный, затмивший свои богатством все дома золотокаменные в городе мастеров. Отворились пред Зувейле и Арсеном ворота резные из чистого золота и вступили они на ковры мягкие, шаги заглушавшие. Лишь только закрылись ворота за ним, наступила вокруг тишина великая, ни криков ни стонов от резни, что творилась в городе не долетало во дворец султана.

Как только оказались они за воротами, провела Зувейле, дочь султана Бендина, сквозь залы роскошные Арсена во внутренний двор широкий к фонтану из чистого золота, и усадила на скамью удобную. Сама же взмахнула рукой, и тотчас за ней возникла другая скамья, на которую опустилась Зувейле. А меж ними появился ковер, укрытый яствами многими, фруктами свежайшими и сладостями со всех африканских стран. Удивился Арсен такому гостеприимству в городе захваченном его слугами, кровью залитом, и спросил Зувейле.

– За что же ты меня угощаешь так, словно я друг твой, а не враг злейший? Ведь воины

мои почти всех жителей Золотого города отправили к Аллаху, и сейчас, когда ты меня улаждаешь яствами, лишают жизни последних из мастеров.

– Со злодеев довольно содеянного, – сказала Зувейле, – И наказаны они будут вскорости Аллахом за деяния свои. Но, не то беспокоит тебя Арсен молодой. Читаю я в глазах твоих вопрос. Хочет знать Арсен, где же отец мой, великий султан Бендин?

– Ничто не укроется от тебя, сладкоголосая Зувейле. Если верить речам твоим, то пришел я сюда против воли своей и отца своего, властелина земель обширных африканских, Кабашона. Где же тогда отец твой, султан Бендин? Почему не защитит он силой Золтой город от воинов моих кровожадных.

– Это по его воле ты здесь, Арсен. Это он велел мне открыть тебе твою судьбу, потому что ему это велел сам Аллах. Но ты не увидишь отца моего Бендина, ибо он, по велению Аллаха невидим, как и джинны, которые ему служат. А что до воинов твоих, то не смогли они убить ни одного мастера из Золотого города, ибо все это мираж. Истинный город спрятан надежно джиннами и его никто и никогда не найдет. Все мастера, что убитыми кажутся, на самом деле духи бестелесные, коих отец мой прислал для отвлечения воинства твоего и утоления жажды смерти, что живет в сердцах сарацинских. Но твое сердце, Арсен, еще чисто. Потому и говорю с тобой.

При словах этих Зувейле скинула паранджу и открыла Арсену свое лицо. Красива была дочь султана Бендина. Длинные черные волосы ниспадали на плечи, обрамляя лицо юное с глазами серны, смуглое от бесконечного солнца. Никогда в жизни своей не видал еще Арсен подобной красоты.

– Не гори огнем Арсен, а то сгоришь, – сказала Зувейле, взгляд горячий поймав, – не я тебе предначертана. Очень скоро, не пройдет и трех лет с нашей встречи, вспыхнет сердце отца твоего Кабашона лютой ненавистью ко всем людям, кто власти его не ведает под солнцем африканским. И тогда начнет он войну бесконечную со всеми народами и поработит многих, ибо силен силой злой и черен душой отец твой. Многие духи, ифриты и джинны, что землей, водой и стихиями управляют, ему подчиняются. Но не упоится сердце его содеянным. Скоро снова мало ему станет земли африканской и пойдет он войной на народы заморские и возьмет в рабство все народы, кроме последнего. И в походе последнем увидишь ты много крови и смерти, но встретишь и ту, чье сердце для тебя одного в мире поднебесном предназначено. Встреча та принесет вам много горя и страданий, но подарит и любовь сильную. Очень многое случится с вами потом, чего вперед не расскажешь, но в конце всего настанет час выбирать.

Прекратила тут свою речь прекрасная Зувейле, дочь невидимого султана Бендина. Молчал и Арсен, не зная верить или нет предсказанию. Наконец нарушил он тишину:

– А что же будет потом, отчего говоришь ты со мной загадками, Зувейле?

– То, что будет потом, зависит только от вас, Арсен. Этого не знает даже сам Аллах, ибо дальше судьба твоя не написана.

– Аллах знает все.

– Да, но влюбленные об этом не ведают.

Призадумался молодой Арсен о судьбе своей не зная, верить или нет дочери султана Бендина, прекрасноокой Зувейле. Никогда раньше в жизни его недолгой не слышал он таких предсказаний, только лишь в ожидании битв, отцом задуманных и жил Арсен, на коне боевом подрастая. Хоть и должен был он воином великим стать, но в душе ему смерти вид был не радостен. Не любил он умерщвлять тысячами по одному лишь желанию, как делал это отец его Кабашон сильный, которому смерти вид приятен был, а мучения людские желанны, словно сладости. Вздохнул Арсен молодой, стяхнул мысли глубокие, и спросил наконец:

– Но что же мне делать теперь, прекрасная Зувейле?

– Идти на встречу судьбе своей, Арсен, и да поможет тебе Аллах в том, что не сказано!

– И ты не сердись за то, что я хотел сделать с городом твоего отца?

– То не ты хотел Арсен, то была воля Кабашона Черного, как зовут его меж собой

джинны могучие. Ты же, хоть и плоть от плоти его, но родился в день священного праздника, и отмечен путь твой с малых лет светлой звездой, потому и не захватила твое сердце еще злоба, как стало с Кабашоном много лет назад.

– А что было с отцом моим?

– Про то сведает, Арсен, когда час придет. А сейчас уходи отсюда, ибо время на беседу отпущенное истекает. Собери воинов своих, чей разум сейчас захвачен жадностью бесконечной и предаются они грабежу и насилию, и веди их на север, а светить тебе будет звезда путеводная. Лишь только выйдешь ты из ворот моего дворца Арсен, пропадет мираж и окажитесь вы посреди пустыни бескрайней без пищи и воды, а лишь с золотом, что велю я насыпать во множестве своим слугам невидимым в мешки верблюдов ваших. Я даю тебе золота, чтобы отец твой доволен был и не смел мешать предсказанию. Будет думать он, что нашли его сарацины верные Золотой город султана Бендина, разграбили и огню жестокому предали.

Подивился еще раз Арсен тем словам и всему, что было с ним, на сон похожее. Встал он, попрощался с Зуейле, гостеприимной колдуньей из Золотого города, и покинул роскошный дворец невидимого султана Бендина. Лишь только ступил он за ворота резные золоченые, как сгустилась ночь черная над песками пустыни. Конь Арсена стоял тут же, ожидая хозяина. Вскочил в седло Арсен и поехал на огни, что горели повсюду вокруг. То металось по пескам окрестным сарацинское воинство, в поисках исчезнувшего вдруг Золотого города. Когда поравнялся он с огнями первыми, что факелами были в руках рыцарей сарацинских, и был узан, велел крикнуть Иорнанада чернородого. А когда узрел его перед собою, не было конца удивлению предводителя сарацинского, и рассказал он Арсену историю об исчезновении Золотого города. Узнал Арсен, что уж больше месяца тому, как внезапно, посреди поживы великой, когда воины сарацинские наполняли мешки верблюжьими золотом, пропал вдруг Золотой город и оказались сарацины с караваном своим посреди песков бескрайних в пустыне бесконечной. Было у них много золота, но не было еды и звезды им не показывались, а потому плутают они по пустыне уже больше месяца и не могут найти дорогу, что ведет сквозь нагорье Ахаггар прямо в земли Кабашона Великого. А всего более были они опечалены тем, что пропал в то мгновение вместе с Золотым городом и сын Кабашона Великого Арсен храбрый. И вот теперь Иорнанда снова счастлив, потому что может показаться перед властелином мавританским и славит Аллаха за спасение его сына.

Удивился Арсен рассказу сему рассказу, а более всего тому, что расстояние, которое проскакал он на коне быстром, показалось ему малым, а на самом деле то был месяц пути. Значит не обманула его Зуейле сладкоголосая и силен был в колдовстве невидимый султан Бендин. А раз сбылось одно предсказание, сбудется и другое. Посмотрел на небо черное ночное Арсен и увидел звезду единственную, что зажглась в то мгновение путеводным светом над песками бескрайними. Возликовали сарацины и пустились в путь за Арсеном храбрым, которому звезды открывались. И теперь уже Иорнанда чернородый ехал рядом не зная дороги и во всем ему был преданным слугою. Очень скоро выехал отряд сарацинский с караваном к нагорью Ахаггар, а оттуда уже десять дней пути оставалось сквозь пески раскаленные до хребта горного, что прозывался Западный Эрг. А оттуда уже совсем близок был путь до Грандахарга, столицы Кабашона, властителя земель мавританских и многих других. Потому в конце концов вернулись они домой с поживой великой, хоть и умерла половина войска в пути от жажды неминуемой. Но смерти той Кабашон не заметил вовсе, ибо дух ее был приятен властелину, а за золото и храбрость он был доволен Арсеном и велел устроить в честь того праздник шумный. О встрече своей с Зуейле и предсказании странном не сказал Арсен ничего.

С той поры не успело минуть и трех лет, как задумал Кабашон хитрый новый поход в земли славянские, в которых видел он угрозу растущую от князей русских и богатырей многих, что не боялись сарацин его верных. Много золота скопилось уже в землях тех, но не столько золота жаждал Кабашон, сколь хотел умертвить он страну обширную, что жила по своим законам и его знать не желала, как хозяина. Кликнул клич Кабашон и скоро собралось

великое воинство разноплеменное на берегах моря среди земель лежащего. И настал час, когда отправил в поход бесконечный славный воинство свое Кабашон и сам вместе с ним отправился, взяв с собой Арсена храброго.

И вот ступили они уже на земли прибрежные, из коих путь лежал дальше в земли славянские посуху и по рекам полноводным, растеклось по берегам воинство мавританское, расплзлось, словно тучи саранчи. И стоял Кабашон на берегу, впериw взор в дали туманные, за которыми враги его жили пока ни о чем не ведая, и билось от того сильно в предвкушении смертей многих сердце его злобой полное. И смотрел в даль с тревогой Арсен храбрый, стоя рядом, ибо помнил он о предсказании.

Насладившись видом первых земель захваченных, снова сел Кабашон на корабли чернотелые и пустились они дальше вверх по рекам с половиной войска сарацинского к самому сердцу земель славянских, предавая огню и мечу все селения встречные. Были в том войске сарацины из рода Сегри с Лавритасом во главе, Алабесы с Иорнандом в предводителях, и Альморади под началом Гаруса. А вторая половина воинства огромного под началом Отера, предводителя рода Гомелов, и Абенсеррахи с Рамом во главе, двинулась путем пешим покоряя все страны, что на пути ее лежали, устилая путь тот трупами многочисленными.

В тот самый день и час появились в землях князя киевского Вельямира посланники Кабашоновы – звероголовые рыцари из темного рода. И велели ему идти немедленно к князю новгородскому Юрию Дориановичу и стать в ополчение Новагорода, что последней крепостью будет на пути мавританского воинства к Солнцеграду. И пошли воины подлые Вельямира и принял их Юрий Дорианович в войско свое и доверил защищать тылы Новгородские.

Глава 9. Совет у Великого князя

С той поры, как отряд богатырский покинул леса колдовские потеряв одного Алексия только, минуло много дней. Лешие, в схватке жаркой побитые, на глаза боле не показывались, разбежавшись кто куда по закоулкам лесным, потому богатыри русские спокойно путь свой дальний совершали. Ехали они через поле высокотравное. А погода в ту пору стояла теплая, солнцем богатая.

– Сколь ехать-то нам еще, брат Усыня? – спросил богатыря-предводителя один из ратников, вглядываясь в даль синюю, где дорога петляла меж полей и исчезала в лесу широком.

– Да недалече уж, – отвечал Усыня, – верст шестьдесят с гаком, да как еще в половину того, ну а там, глядишь, и с князем Солнцеградским попируем.

При словах этих небо над головами всадников потемнело вдруг, словно ночь наступила в одно мгновение. На солнце, высоко в небе висевшее, напозла огромная туча, на медведя похожая.

– Никак опять дождь будет, дяденька? – спросил Дубыню ехавший сзади ратник Михайло. Дубыня-богатырь поднял голову и посмотрел на небо.

– Может и будет, – ответил он, подумав, – А может и нет.

Вдруг черногривый конь его заржал громко и встал, как вкопанный. Конь Усыни тоже словно врос в землю рядом. Подивившись немало и осмотревшись, богатыри увидели то, что даже коней богатырских, к шуму сечи приученных, испугать сумело. Посреди дороги стоял огромный волк. Шкура его мохнатая бурым цветом отливала, словно и не волк это был вовсе, а медведь. Из пасти оскаленной торчали клыки огромные, крови алчущие. А глаза свирепые на людей смотрели выжидаючи.

– Гляди-ка, – удивился даже издавший виды Усыня, – вот это Тварь! Этот и быка повалить сможет.

Волк, словно расслышав слова богатырские, зарычал негромко. И едва услышав это, ратники, позади Горыни с Усыней находившиеся, стали в бой рваться.

– А ну я его сейчас палицей! – воскликнул Михайло и уже хотел было броситься на волка, но Усыня осадил горячего воина.

– Обожди, боец. Что-то не нравится мне зверюга сия. Может и не волк это вовсе.

– Да ну?! – удивился Михайло, но палицу опустил. – А кто же это, дяденька, коли не волк?

– Не все то волк, что волком кажется, – пробормотал Усыня себе в усы богатырские, – сдается мне, – оборотень это лесной.

Волк ослабился и поднял на Михайло злые желтые глаза. Из открытой клыкастой пасти снова послышалось рычание. Кони богатырские, хоть и были ко всему приучены, чуть прочь не бросились. Еле-еле ратники их утихомирили, и стоять заставили.

– И точно дьявол какой-то, – сплюнул Михайло сквозь зубы, – враз коней взбаламутил. Дяденька, дозволю я его на тот свет отправлю!

– Гляди, как бы он тебя туда вперед себя не впустил, – молвил мудрый Дубыня-богатырь. – Дайте-ка мне стрелу каленую.

Взял Дубыня стрелу, натянул лук тугой, да прицелился. Волк же не шелохнется, все стоит и смотрит на Дубыню, словно нарочно смерти просит. Да в глазах его насмешка бродит. Запела тетива каленая, засвистела стрела быстрая и вошла в сырую землю, аккурат в том месте, где волк стоял. Только его и след простыл к тому времени, будто и не было никого на пустынной дороге, акромья богатырей странствующих. Приумолкли ратники, очи в землю потупили. Что сказать не знают. На Усыню с Дубыней глядят, ответа ждут. Первым тишину Михайло нарушил:

– Прав ты был дяденька, оборотень был зверюга сей. Недаром смеялся он над нами.

И как сказал это, стемнело вокруг пуще прежнего, словно ночь непроглядная наступила. А в деревьях придорожных родился смех великий, кроны их сотрясавший.

– Что за дьявол над нами куражится, – молвил Усыня мудрый оглядевшись. – Мне не ведомо. Одно чую: не к добру это. Уж ежели он среди бела дня на Руси добрым людям на дороге кажется, – видать беда стряслась в земле нашей. Большая беда, коли нечисть ликует и места своего знать не хочет. Поспешать надо к князю нашему в Солнцеград на подмогу.

Сказавши это перекрестился Усыня. В тот же час все как было сделалось: небо чистое, солнце ясное, да поле широкое высокотравное. И погнали воины коней своих прямо в Солнцеград, и были у ворот его к утру следующему.

Аккурат в то утро Вячеслав совет держал воинский с боярами верхними, да военачальниками, прибывшими на зов его, а заодно и трапезничал. Как расположились все в палатах великокняжеских, за столами длины немеряной, велел князь кушанья подавать. Поскольку до недавних пор в государстве наблюдалась благодать великая, то и на столах явилось несчетное количество кушаний. Были там почки моченые, окорока крученые, яблоками, грибами, перцем да вином заморским сдобренные. «Гусь в яблоках» горделиво посреди стола возвышался, потому как почитали его за главное блюдо. Осетры, икрой полный, на подносах из чистого золота лоснились. А уж румяным поросячьим тушкам и счету не было. Вино любили здесь просвещенное – из Византии. Хотя, по правде говоря, вином тем Патриарху больше угодить хотели. Остальным князьям удельным русским медовуха да квас боле по сердцу приходились. В них на столе недостатка тоже не было. Как наполнили кубки золотые великие перво-наперво вином просвещенным, поднялся Вячеслав-князь и молвил:

– За тебя пьем, Патриарх Викентий, опора веры нашей младой!

– За тебя! – сказали князья удельные и кубки дружно подняли. Не успели на стол поставить, как слуги быстрые их сызнова до краев наполнили. Поднялся тогда патриарх Викентий с ответным словом.

– Храни тебя Боже, князь! Помоги тебе в делах ратных, кои грядут скоро.

Сказал так и осушил свой кубок Викентий. За ним великий князь Солнцеградский. Следом и все князья удельные. Закусив почками мочеными, молвил Вячеслав подданным своим:

– Теперь, братья, совет держать будем.

Поднялся тут князь Новгородский Юрий Дорианович.

– Дозволь сказать князь Великий. Думаю я, обождать денек надо. Не прибыли еще богатыри твои Усыня с Дубыней, да Горыня-молодец. Без них и совет не совет.

На что ответил ему Вячеслав:

– Не могу я ждать более. Уже много дней прошло с тех пор, как разослал я гонцов во все края земли моей. Известил всех, что беда идет великая на землю русскую. Вы уже давно явились, а богатырей моих все нет. Решил я без них совет держать. Коль скоро приедут, выслушаем их слово мудрое. А нет, – я здесь великий князь, – как скажу, так и будет!

Согласились все с ним, только Юрий Дорианович сел недоволен на место свое.

– Будем думу думать, други мои, – продолжал Вячеслав, – где нам встретить проклятого врага. То ли в поле широкое выйти навстречу ему, то ли в граде моем сидючи оборону держать, покуда не подспеют богатыри. Каждый слово свое молвить должен. Начинай ты, Северин Святославович.

Поднялся с места своего Северин, князь Владимирский:

– Слышал я князь от людей верных, что полчища Кабашоновы уже близко. Появились они из земель далеких галльских, пронеслись огненным вихрем сквозь славянские земли, что граничат на западе с государством нашим, оставив повсюду пепелище и вторглись теперь в родные пределы, потоптав уже конями земли Кривичей, Родимичей да Древлян, в лесах дремучих обитающих. Много русичей полегло уже от мечей поганого воинства. Доколе же мы будем сиднями сидеть на полатах, князь? Дозволять народ свой умерщвлять чернотелым разбойникам? Нужно сей же час собирать наши дружины в одно войско, и в поход выступать против Кабашона. Таким будет мое слово.

Сказал так и сел Северин Святославович, князь Владимирский: кулаки сжимая во гневе великом. Следом встал боярин Серапион:

– Дозволь слово молвить, князь. Храбр и горяч князь Владимирский, а дружина его сильна, словно вепрей стая, и быстра как ветер. Хочет он, чтобы мы сей же час в поход выступили. Но подумай, князь. Там лишь поле чистое, да небо голубое заступники, здесь же – стены крепкие да высокие. Акромя того богатыри твои еще не прибыли. А без них кто же битву начнет с Кабашоном?

– Не нужны воинам русским заступники, – молвил тут Северин Святославович, – не пристало им за стенами прятаться, покуда силушка в руках имеется. А на поединок с маврами у нас и без того найдутся охотники.

– Говори теперь ты, Мал Олегович, – приказал Вячеслав князю Рязанскому.

Поднялся со скамьи Мал Олегович, почесал свою бороду долгую, оправил платье богатое и молвил:

– Слышал я, княже, что мавры кабашоновы вторым войском идут по рекам нашим на лодьях своих крутобоких, паля по пути все селения встречные. Очень скоро быть они должны под стенами града моего, от того беспокоен я в ожидании этом и хотел дозволения просить в путь обратный отправится, богатырей не дождавшись. Ибо нужен я в Рязани для защиты стен ее.

Призадумался Великий князь Вячеслав. С двух сторон шли враги на его родину великую. Как оборониться ото всех сразу? Как сохранить силу сильную войска, разделив его на части отдельные? Не единожды бился князь на войне, не единожды сам в походы ходил в земли чужие, но супротив воинства столь великого не приходилось биться еще на своей земле. Обмыслил Вячеслав дело сие и решение свое высказал:

– Так мы сделаем, други мои верные. Уж коль скоро Псков и Новгород с запада первыми на пути кабашоновых извергов стоят, отошлем мы дружину среднюю Черня Неулыбы на подмогу Юрию Дориановичу, князю Новгородскому. Пусть сколь может, собирает мужиков и ополчения любые на подмогу, и держит врагов покуда достанет силы. А затем отойдет с войском своим к Солнцеграду. Ты, Мал Олегович, поступишь также, коль скоро град твой с юга первой крепостью сильной на пути сарацин встанет. Дадим мы тебе в

подмогу дружину малую Ермила Мечиславича. Держать будешь град свой до последнего, ну а там, как обернется. Жив будешь – приведешь войско свое к Солнцеграду. Здесь и дадим собаке Кабашону, в сраженьях уже помятому, битву последнюю.

Встал князь великий и окну резному подошел, в даль далекую взгляд бросил. Но, не простоял и мгновенья малого, как раздался вдруг грохот великий от ворот городских исходивший. Переглянулись князья меж собой: отчего сей шум случиться мог? Али вороги злые уже под стены подошли? Ведь были ж они еще далеко, как доносили лазутчики. Но не вороги то были проклятые. Шум сей произвел Усыня-богатырь, что с отрядом своим и Дубыней, добрался, наконец, до столицы великокняжеской. А добравшись, так возрадовался сему, что, узрев ворота городские запертыми по случаю трапезы и совета княжеского, возвестил о своем прибытии тройным ударом по ним палицей. Но видно не рассчитал Усыня силушки, или радость его была так сильна, что ворота городские, сто лет стоявшие незыблемо, рухнули после третьего удара. Как рассеялась пыль великая, осмотрел Усыня дело рук своих и слегка опечалился. Теперь в Солнцеград мог любой войти никого не спросясь и днем и ночью черною, а лихого народу в округе хватало. Но делать нечего, пора было и к князю на поклон идти. «Вячеслав ведь еще не ведает, что прибыли его богатыри верные, – думал Усыня. Но ошибался.

Доложили уже Вячеславу слуги верные о прибытии отряда богатырского. Ждал он их с кубком в руке. Отворились двери дубовые, поднялся полог парчовый и вступили в зал великие воины Дубыня с Усыней, как были в дорожном платье. Остальные ратники на дворе княжеском коней сторожить остались, мало ли, что теперь без ворот случиться могло.

– Заходите скорее, други мои великие! – Вячеслав их приветствовал, – Рад вас видеть я в добром здравии. Где ж вы ездили столь долго времени? По каким таким лесам-полям носило вас? Не спешили вы ко мне на зов великий.

Поклонились богатыри князю в ноженьки и молвили:

– Не брани ты нас, Великий князь. Помним мы, где были и что делали, все сейчас расскажем без утайки. Находились мы в пути уж боле месяца. Аж из славного из города Чернигова, через местные чащобы колдовские, где последняя травинка одурманена, добирались мы сюда на зов твой княжеский, во великий город Солнцеград. Повидали многого в пути своем утуренном. Довелось нам в лесу глухом силушкою с лешими померяться, на дороге полевой извилистой повстречались с оборотнем хитрым мы. Оборотень тот привиделся нам страшным волком. Сколь стреляли мы в него из луков наших стрелами калеными, – не попали, сколько мы не тужились. И решили мы тогда, что дело худо на Руси, коль не знает себе места нечисть. Поспешили поскорее в стольный град твой, чтоб помочь родную землю защитить от проклятых ворогов. А тебе в подарок мы добыли Сардера, что главою был нечистой братии, лешакам да кикиморам Черниговским начальником. Прикажи, князь, нам его пустить на ложки-табуретки, аль другие действия полезные.

Помолчал с минуту Вячеслав. Стыдно ему стало, что бранил он богатырей своих за опозданье, а они столь много разных подвигов свершили в пути своем долгом. И сказал тогда Великий Князь:

– Вижу я, что долог был и труден путь ваш. Много нечисти извели вы в том пути и гостинец даже князю привезли на забаву. За то благодарю. Только видать, так торопились вы, что ворот городских в спешке не заметили вовсе. И теперь мне подумать надобно о том, чем их на ночь запереть. Не могу я град обширный оставить без ворот главных. Пусть Сардер ваш мне засовом теперь послужит. Как мастера ворота новые дубовые сколотят, начнет он отрабатывать грехи свои. Ну, а если в скорой битве с Кабашоном, мне таран понадобится крепкий, разрушать высоки укрепления, лучшего тарана не найти. Нечисть будет бить другу нечисть.

– мудро, князь, решил ты. – отвечал ему Усыня.

– А теперь, други мои великие, садитесь за стол мой княжеский, да отведайте вина просвещенного, а ли медовухи, что боле по сердцу придется. А потом продолжим наш совет.

Князь Великий Всея Руси, Вячеслав, был женат на Настасье Фаддеевне, патриарха Викентия дочери любимой. Жил он с ней душа в душу уже двадцать лет, не имея большей радости в жизни, кроме жены своей. И росла у них дочь Ксения, коей минул уже осьмнадцатый годок. Хоть и не велика была царица ростом, но статна и красотою весьма богата. Цвела, словно маков цвет. С младых ногтей научилась она повадкам княжеским, да ухваткам девичьим, так что вокруг нее женихи и местные и заморские давно уж стаями кружили, в надежде хозяйкой сделать в землях своих. Но сердца княжеской дочки сии женихи докучливые не трогали, ждала она любовь свою великую. По целым дням сидела у окошка в тереме высоком, да глядела в поля далекие: вдруг появится мил человек, что желанным станет.

Дни шли за днями, а его все не было. А Ксения все ждала своего суженного. В тот день, что держал совет воинский Вячеслав, а дечь его по обычаю своему сидела в высоком тереме у окна, и слушала как девки внизу у реки, поют песни, да гадают. Погода стояла теплая и безветренная, потому до нее все слова песенные долетали отчетливо, хоть и высоко она сидела.

– Летит сокол из улицы, слава! Голубушка, из другой. Слетались, целовались, сизыми крыльями обнимались.

Девки пели и смеялись на берегу, а Ксения только вздыхала при каждом раскате смеха. Грустно было на душе у нее.

– Медведь-пыхтун, слава! По реке плывет, – слава! Кому пыхнет во двор, – слава! Тому зять в терем, – слава!

Услышав сие, вскочила она и заметалась по светлице, места себе не находя. С вопросом к нянюшке своей подбежала:

– Ты скажи мне, нянюшка моя милая, Аграфена Ильинишна, скоро ль суженый мой появится? Истомила я в ожидании. Никого Господь мне не хочет слать.

– Ты не плачь, мое дитятко родное, – отвечала ей Аграфена Ильинишна мудрая, – Бог даст, скоро твой милый появится. Ты сходи поди к своему отцу на пир. Там собрались все мужи видные, да и богатыри среди них появились. Может кто и придется по сердцу.

Послушалась Ксения няню мудрую, пошла к отцу в палаты. А там совет уж воинский скончался и гуляние идет широкое по случаю прибытия добрых молодцев. Вошла царица в зал, и все вдруг стихло. Гости приумолкли, красотою царицы пораженные. Усыня же с Дубыней, оба разом, лишились дара речи говорить.

– Смотрите все на дочь мою любимую! – с великой гордостью сказал им Вячеслав. – Видали ль вы такой красы в какой-нибудь земле?

– Нет, не видали, – был ответ всеобщий.

– Ну так смотрите же и радуйтесь, друзья! – продолжил Вячеслав. – Вот кто княгиней будет вам ко мне вослед.

– С великой радостью мы ей все подчинимся, – промолвил Мал Олегович, – Ну а покуда, – хочу я выпить за здоровье ее!

– Да будет так! – ответил Вячеслав.

Все выпили, дочь княжескую восхваляя. Она же, все то время, что с отцом стояла рядом, гостей его оглядывала смело, во всех глазах огонь рождая страстный. Но ничьего ей сердца не открылось.

– Спасибо, гости дорогие, что хвалите без устали меня, но мне пора идти, – сказавши так, с отцом она простилась и ушла.

Войдя в светлицу, бросилась Ксения на постель и тихо проглотила две слезинки, что вдруг скатились из бирюзовых глаз. И только няня рядом с ней сидела утешая младое, неразумное дите.

Скончался скоро пир великий, и Вячеслав за дело принялся. Велел он тот же час Горыне и Усыне ударную дружину собирать, что станет войску русскому основой. Отдал им полномочия верховодить и брать оружие у любых купцов. Богатыри отправились на двор, нашли людей своих, велели им немедля все закоулки града обойти, оповестить народ, чтобы

к полудню весь люд на поле был лодейном. В означенное время явилось туда несчетное количество народу, парней молодых и крепких, что желали поскорее в дружину богатырскую попасть.

Посреди поля, на лодке перевернутой, сидели Усыня с Дубыней, а позади них разместились ратники, что прибыли в отряде богатырском.

– Здоровы будьте, богатыри великие! – приветствовал народ своих богатырей.

– И вам, крестьяне, здоровья желаем, – ответствовал Усыня, а Дубыня молвил:

– Созвали мы вас всех на скоп великий, зачем и сами знаете уже. А потому, немедля расскажу я, о том, что будет тут происходить. Я каждому из вас задам загадку, и, коли отгадает тот, возьму его в дружину нашу, а коль не угадает, – извини. Усыня, богатырь великий, своею колотушкой приголубит за то, что не смекалист был боец.

И как сказал он это, показалось, что туча на небе явилась огромна: так погрустнели лица мужиков. Да шутка ли: «огреет колотушкой»? Ведь знали все, что эта колотушка навеки отшибает память всем, кого коснется, поскольку заколдована была.

Приметив перемену настроения, Усыня успокоил мужиков:

– Не бойтесь, мужики, ведь я тихонько стукну. Поменьше думок будет – только и всего. Однако, мужики меж, тем молчали.

– Ну, надо начинать, давай по одному! – Дубыня приказал.

Первым вышел из народа, желая голову свою подвергнуть испытаньям, известный всей округе шкурник Геронтий Автоном – большой специалист по медведям.

– Ходи сюда, Геронтий, – Дубыня подозвал его поближе, – и слушай первую мою загадку. Сидит птичка на кусту, молится она Христу: «Батюшка Христос, надо всем ты дал мне волю, только не дал ты мне воли надо всею рыбой в море». Что сие означает? Даю тебе чуток на размышленья.

Обхватил Геронтий голову руками и думать стал. Так напряг он мысль свою, что аж вспотел весь и лицом красный стал. Только ничего на ум не шло. Уж совсем было Геронтий собрался памяти лишиться, как вдруг осенило его.

– Комар! – заорал Геронтий, – как есть комар это!

Улыбнулся Дубыня и молвил:

– Смекалистый ты, шкурник, оказался. поступай к нам в дружину. Иди и оружие себе выбирай лучшее.

Вызывает Дубыня следующего. Им Поздей Смирнов оказался, – один из кузнецов местных.

– Слухай, кузнец, мою загадку следующую. Я в лесу ее нашел, и чем дальше я ее искал, тем дальше она уходила, и, не найдя, принес ее домой в руке!

Думал Поздей, думал, и вдруг вспомнил, как пошел он в лес за дровами. А когда рубить стал, то засадил себе в палец занозу великую. Таковую что еле вынул, а палец еще неделю о себе напоминал. И ответил Поздей Дубыне:

– Ты меня прости, богатырь, хоть и хитер ты, да и я не лыком шит. Разумею я, – заноза это!

– Правда твоя, Поздей, – заноза сие. Поди в любую лавку за оружием.

Тут Усыня шепнул что-то Дубыне с недовольным видом, да палицу-колотушку свою потрогал. Ничего не ответил ему Дубыня, только следующего мужика подозвал. И хитро так ему говорит:

– Диво варило пиво, слепой увидал, безногий за ковшом побежал, безрукий сливал, ты пил, да не растолковал? Что сие значит?

А мужик, что Лобаном прозывался, очи в землю опустил, и говорит:

– Не может того быть, чтобы слепой увидал, а безногий бегал, словно конь. А значит, что все это – чистая ложь!

– Тьфу-ты, – сплюнул с досады Усыня. – Прав ты, мужик, вали в лавку за оружием! А ты, вон тот, в рубахе белой и головой с арбуз величиной, отвечай:

– Крикун на крикуне, Сапун на сапуне, Глядун на глядуне, Над глядуном роща, в роще

дикие звери бегают. Что сие означает?

Озадачился так сильно Доня Сафонович, мужика того так прозывали, что сел даже на землю под тяжестью мыслей, его обуявших. Думал он, думал, и так и сяк прикидывал: медведь не медведь, лес не лес, петух не петух. Но за время малое так ничего и не измыслил. Встал тут Усыня богатырь, осклабился довольно, колотушкой шипастой поигрывая.

– Ну, поди сюда, Доня. Коли не смог ты отгадать, что голова твоя так прозывается, то и думать тебе не о чем. И как шарнет Доню по голове его, с арбузом схожей. Аж треск раздался великий. Мужики подумали: все, нет больше Дони. Но Усыня, как и обещал, слегка только пристукнул. Памяти Доня не лишился, однако ж с тех пор стал ко всем приставать с вопросом одним: не видал ли кто Крикуна с Сапуном, и где дикие звери бегают?

Опробовав тем самым силу слова и колотушки волшебной на людях, набрали Дубыня с Усыней себе дружину ударную в пятьсот душ. Все подобрались мужики здоровые да головастые, в плечах сажень косая. В руках силушка поигрывает. Кровушка молодецкая в жилах бурлит. Нарядили их богатыри в платья лучшие, да дали им оружие вострое, так что к вечеру того дня была уж дружина ударная сформирована. Определили ей место до указа княжеского на том самом поле, возле становища лодейного и стоять. Раскинулись шатры высокие, взметнулись в небо стяги золотые да алые, заблестели шеломы на солнце, и возликовали сердца богатырские при виде сего могучего воинства, что за день всего было собрано.

Глава 10. Битва за Новгород

Как и сказывалось о том на совете княжеском, спустя время малое отъехал Юрий Дорианович, князь Новгородский, к себе в земли северные готовить для отпора врагу град и собирать ополчения. А вместе с ним отправил Вячеслав дружину среднюю во главе с воеводой сильным Черняем Неулыбою. Собрались они в один день и в поход дальний отправились, запомнив строго настрого наказ княжеский держать Новгород до тех пор, покуда не закончатся стрелы каленые и мечи булатные не затупятся, пока не сгинет в сечи буйной последний русский воин.

В дружине Черняя Неулыбы было тогда почитай пять тысяч ратников пеших и пятьсот конных воинов. Все как на подбор – кровь с молоком. На каждом кольчуга крепкая чешуйчатая, на груди зеркало твердое. На голове шелом крепкий. Из новгородцев, что с князем своим Юрием Дориановичем, гостили в Солнцеграде, находилось здесь триста конных витязей – то была дружина отборная из самых верных воинов, что всегда при князе состояли в любых походах. Попировали ратники Черняя Неулыбы да новгородцы напоследок в Солнцеграде-городе, попили медовухи от пуза, князем Великим пожалованной, да дело их ратное, пора было и в поход выступать. Построились воины пешие и конные на дворе княжеском и на рассвете дня следующего, с напутствием горячим князя Великого и благословением патриарха Викентия, в поход дальний отправились.

Третий день путь их лежал вдоль извилистого берега речки Светлой, что несла свои воды на юг от Солнцеграда, а ратники многочисленные стремились в земли северные. Лес на пути их все глуше становился раздаваясь вширь и дорога утуренная, по которой купцы иноземные в Солнцеград добирались из земель северных, к вечеру в тропку худую оборотилась. Растянулись по ней воины на целую версту. Князь Новгородский Юрий Дорианович с воеводой дружины средней Черняем Неулыбою, как и положено, впереди всех ехали и беседу вели неспешную.

Долго пусть свой войско совершало, коротко ли, но к заходу солнца пришли они аккуратно к тому месту, где мосток крепкий деревянный через речку Светлую находился, что разливалась здесь до ширины немереной и глубока была основательно. Около того моста застава была воинская и должен был стоять дозор княжеский, чтобы брать со всех купцов, в земли солнцеградские проезжающих, подати для казны великокняжеской. Как приблизилась дружина Юрия Дориановича к заставе, стемнело совсем почти. Едва подъехали они поближе,

и изба дозорная, на берегу речки стоявшая, уже вот-вот показаться должна была из-за деревьев густых, как услышали они крики страшные, что оттуда раздавались. Остановил князь дружину, прислушался. Не могли же купцы запоздалые такой крик из-за подати поднять, да и не великие подати брал с гостей приезжих Вячеслав. Показалось князю Новгородскому, что лязг мечей раздается с заставы, вопли и стоны слышатся. Неладное заподозрил Юрий Дорианович. До Кабашона еще далеко, но на Руси и без него лихих людей хватает. Приказал князь воинам своим к бою изготавится, но шуму не поднимать. Черня с ратниками позади оставил, да велел берега речные с двух сторон от моста полукольцом охватить, чтоб не ушел никто. Вынули мечи новгородские витязи и поскакали рысью к мосту.

Вылетели они из тьмы лесной прямо к заставе, что факелами освещалась, и увидели сечу буйную. Почитай двадцать пеших ратников княжеских схватились с сотней лихих разбойников вида страшного. Ратники хоть и в кольчугах, да при мечях были, только мало приходилось их супротив людишек разбойных. Ну а те с дубинами, саблями, да топорами, да вдсятером на одного прут. Так кровушка и льется по мосту деревянному. Не успел доскакать до места ратного Юрий Дорианович с дружиною, почитай всех уж жизни лишили разбойники лихие, только пятеро в кольчугах разодранных еще бьются у моста самого, да теснят их со всех сторон. Налетел Юрий Дорианович с дружиною вихрем на разбойничье войско, враз опрокинул всех в реку Светлую, замутив ее кровушкой душегубской. Порубили половину разбойников его ратники мечами острыми на куски кровавые, чтобы знали собаки, как на казну великокняжескую зариться. Другая половина душегубов лихих разбежалась в разные стороны, да только не далеко они убежали, прямо в руки к ратникам Черня Неулыбы и попались, а те их на копья насадили быстрехонько. Кто жив еще остался из разбойничков – в воду сиганул, те и спаслись от кары неминуемой.

Только один разбойник на мосту остался и не бежал никуда, а бил ратников княжеских одного за другим. Уже троих витязей на тот свет отправил саблей своей, а как выбили у него саблю из рук крепких, дубину схватил огромную. Да как развернется, как даст коню ратника следующего, что с мечем поднятым на него устремился, по ребрам прямо, так вместе с конем они в воду с моста и сверзнулись. Когда дубину у него выбили, – стал кулаками махать. Как кто к нему подступится, так в разные стороны и разлетаются. С одного удара наземь валит любого ратника. Подивился Юрий Дорианович силе душегуба этого, и, как свалили его все-таки всемером, да с спеленали бечевкой крепкой, велел жизни его не лишать пока. Подняли того душегуба, да к нему подвели. Стоит перед князем новгородским мужик здоровенный, кудри русые от пота и крови мокрые, рубаха разорвана, рожа вусмерть разбита, а в глазах страха нет.

– Ты кто такой, душегуб поганый? – строго князь его спрашивает. – По што на казну позарился?

– Я Васька с горки, вольный разбойник! А ты кто такой? Небось холоп княжеский?

Осерчал Юрий Дорианович, хотел было зарубить мужика, да только понравилась ему отвага бесшабашная сего разбойничка. А в бою грядущем такой воин ох как сгодился бы. Опустил он руку свою, рукоять меча уже сжимавшую. Убить душегуба этого с руками связанными дело не хитрое, а свободного только семеро спеленать смогли. Ну а почтения от лихих людей князьям ждать – не дожидаться до смерти, на то они и вольные, в лесах сами себе хозяева. Призадумался Юрий Дорианович, и говорит:

– По совести, должен я отсечь твою буйную голову, за то что ты на добро княжеское позарился, да много воинов князя Солнцеградского смерти предал. Да только ждет меня впереди сеча великая, ибо на Русь нашу свободную идет войной огромное войско иноземное, числом несметным воинов сильных. Если пойдешь со мной по своей воле и кровью грехи перед Великим князем искупишь – не буду тебя казнить и прощу, коли жив останешься. Если нет: мой меч – твоя голова с плеч! Выбирай, душегуб.

– Мне все одно где помирать, – отвечает разбойник, – хоть и люблю я жизнь молодецкую! Особливо, коли правду сказываешь, и враг наступает на землю нашу. Скажи

мне, только, кто ты есть такой, человек?

– Я князь Новгородский, Юрий Дорианович.

– А я Васька с горки, атаман людей вольных, промышляю на лесных дорогах купцов разных с товарами богатыми. Бывало и к тебе захаживал с ребятами своими.

– Может не всех твоих ребяток мои ратники здесь порубили, может у тебя еще кто остался по лесным чащобам? – князь его спрашивает, – Зови всех в поход. После сечи, кто жив будет, всех отпущу обратно на волю. Даю тебе в том слово княжеское.

– А ты меня сейчас отпусти. Там и посмотрим. Может я к тебе сам приду.

Призадумался опять Юрий Дорианович, как-никак душегубскому слову веры у него не было, но все же велел развязать атамана разбойничьего. Тот плечами развел, руки размял, и на князя смотрит, с места не сдвинется. Ратники новгородские поближе к нему придвинулись, кто его знает, что у него на уме. Юрий Дорианович рукой махнул и говорит:

– Иди, душегуб, на все четыре стороны. Жду тебя не позже третьего дня у себя в Новгороде с сотоварищами в ополчение. Не придешь – сам после сечи найду и на первом же суку повешу.

Ничего не сказал Васька с горки, зыркнул только на князя новгородского глазами лютыми, и в ночи растворился, словно его и не было здесь. Подъехал к Юрию Дориановичу тут воевода дружины средней Черный Неулыба, посмотрел в след душегубу и молвил:

– Зря ты князь его отпустил на волю. Не придет он. Лихой человек – хуже всякого врага. Ему бабу или дите жизни лишить – проще пареной репы.

Промолчал в ответ Юрий Дорианович. Велел только раны перевязать ратникам великокняжеским, что в живых остались, да на ночлег становиться. Так и сделали. На утро посчитали убитых разбойников, да ратников. Оказалось, что душегубов добрую сотню повывели, а людей княжеских убито было больше дюжины. Если бы вовремя не подоспели, то и всех порешили бы разбойники. Охотились они за казной великокняжеской, в которой к тому дню скопилось на заставе податей на деньги многие. Только откуда разбойные люди про то свести? Видать, кто из ратников с ними в доле был, да теперь поди разбери. Померли, почитай, все. Велел Юрий Дорианович похоронить мертвых людей княжеских как подобает христианам. Отослал гонца обратно в Солнцеград с известиями, а сам со своим войском дальше на север двинулся.

Переправилось войско на другой берег реки и ступило в земли соседние, что покрыты были лесами и болотами, и сквозь них лежал путь на Новгород. Шли они так еще один день и покрыли за это время расстояние немалое, углубившись в лес темный и замшелый. То была уже не солнцеградская земля, и еще не новгородская, хоть и велики были владения Новгорода в землях северных русских. Много озер полноводных, рек да лесов находилось во владениях Юрия Дориановича, но на сей лес никакое княжество удельное власть свою не имело, ибо считался он гиблым. Ничто здесь не росло, никакая живность не водилась. Многие путники жизнь свою здесь оставляли по причине неизвестной, а потому считался тот лес ничейным. Но лежала сквозь него дорога самая короткая до Новгорода, потому и решил Юрий Дорианович не в объезд, а напрямки. Ибо время поджимало. Не боялся он нечисти, а супротив лихого людю и врагов сила была с ним сильная.

Когда второй день пути скончался и солнце высокое стало опускаться за макушки елей замшелых, велел князь новгородский на ночлег становиться. Встало войско лагерем на поляне широкой, что посреди леса темного вдруг открылась глазам ратников. Черный из дружины своей дозоры вокруг выставил. Разожгли костры великие, поели чем Бог послал и уснули все вскорости. В то мгновение окутался весь лес туманом густым, да так, что ратники в дозоре рядом стоявшие друг друга увидеть не могли, а костры горевшие во тьме казались свечками тлеющими. Юрий Дорианович не спал в шатре своем, думу думал при лучине горящей, как ему город удержать в руках своих и врагов лютых остановить. Вдруг замерцало пламя несильное и вскоре вовсе потухло, повеяло ветерком свежим на князя новгородского и влетел к нему в шатер ворон с глазами сверкающими. О землю ударился и обратился в старика седовласого. Облачен был старик в балахон цвета ночи черной, до

самых пят ему доходивший, а руке держал посох деревянный с наконечником из головы вороньей. Лоб старца обручем тонким золотым был охвачен и блестел во тьме светом ярким. Не успел Юрий Дорианович слова молвить, как чародей сам к нему обратился:

– Не дивись князь и не бойся чар моих. Зовут меня Ставр. Прибыл я сюда из далеких краев, чтобы уберечь тебя от беды грядущей. Еле разыскал я тебя в пути, ибо сгущаются над тобою уже силы злые и кружат над шатрами войска твоего коршуны звериного царя Эрманарихома из далекой знойной земли. А потому слушай и не перебивай меня, князь. По приезду твоему в Новгород станешь ты дружину собирать и ополчение кликать. Прибудет к тебе из земель киневских князь тамошний Вельямир с дружиною на подмогу и в войско твое попросится. Ты гони его, как собаку. Если дашь себя уговорить, – черной бедой тебе это обернется. А не дашь – сам спасешься и людей убережешь.

Сказавши это ударился Ставр о землю с новой силою, обратно вороном сделался, и из шатра вылетел. Только его и видели. Юрий Дорианович в ту пору заснул сном крепким, как и все люди его. А туман густой до самого рассвета висел над становищем войска русского. Дозорные, что глаз не сомкнули, сказывали потом, будто с небес низких всю ночь крики злобные доносились, будто кричали там птицы невиданные, чьих голосов на Руси отродясь не слыхивали.

Ничего не сказал Юрий Дорианович воеводе Черняю о ночном госте, ибо сам думал, что привиделось ему все. Как развиднелось, велел он снаряжаться войску, и скоро ратники многочисленные снова в поход двинулись. Как оказалось, стояли они лагерем уже почти в землях родных, и, едва минула треть дня, как вышло войско русичей из леса замшелого на просторы зеленые, поля широкие, и было в Новгороде к закату солнца.

Господин Великий Новгород стоял на реке на Волхове, и известен был далеко за пределами земель своих обширных, ибо много в нем обитало люду пытливого и работающего. Все больше охотники, бортники, рыбаки, до мореходы. Много раз посылал Новгород купцов своих на лодьях в далекие земли товары торговать, других людей поглядеть и себя показать, разузнать как живут в тех краях, что делают. Много знали в Новгороде о соседях своих и близких и далеких, ибо был сей град из просвещенных. Каждый раз возвращались купцы из дальних стран с товарами богатыми и рассказами долгими, только вот в последний раз из похода в земли мавританские одни холопы воротились на лодьях, а купцы все померли по дороге от отравы, что в вине находилась. Поподчивал их вином властелин тамошний Кабашон. Новгородцы тотчас хотели караван воинский снарядить в дорогу идти Кабашона воевать, да не успели, – прошло время небольшое и сам он в землях русских объявился с войском огромным. А новгородцам только того и надо, будет случай за обиду свою посчитаться. Получили они весточку от князя своего Юрия Дориановича и стали к обороне готовить стены крепкие твердокаменные, ковать оружие вострое во множестве, да кольчуг бесчисленное количество. Скоро и сам князь явился в городе с дружиной сильною Черня Неулыбы.

Как прибыло войско в Новгород, тотчас вече собралось на главной площади. Запрудил народ все улочки окрестные так, что не продохнуть было живому человеку. Все знать хотели, что ждет их во времена наступающие. На месте самом видном сели люди главные – епископ Авксентий, посадник Ермил, что наместником князя был в Новгороде покуда тот в отлучке находился, и сам князь, Юрий Дорианович, от коего зависела вся сила воинская. Как собрались все бояре и жители Новгорода, встал Юрий Дорианович, подбоченился, и молвил громко:

– Ты послушай меня народ новгородский. Прибыл я от князя Великого Вячеслава из самого из Солнцеграда далекого с новостями черными. Идет на нас войной сила сильная некрещеная из земель заморских горячих. Верховодит ей властелин мавров чернотелых Кабашон, что потравил купцов наших во времена недавние.

При словах сиих гомон возник в рядах новгородцев. Стали кричать многие, что на кол его собаку посадить надобно. Успокоил людей Юрий Дорианович, руку свою подняв, и молвил далее:

– Идет Кабашон на землю нашу силой несметною, потому потребно нам сейчас подумать, как объединить нашу силу супротив него, град оборонить и войско остановить вражеское многочисленное. Я мыслю, что не обойтись нам без ополчения народного, а значит сей же час надобно выбрать тысяцкого, чтоб собирал народ, оружие ему давал и в сече предстоящей верховодил.

Загомонил народ, засомневался, меж собой засоветовался. Вышел скоро наперед всех боярин Прокл и сказал:

– Мы тут покумекали, думаю, что тысяцким надо купца Антипа сделать. Он головастый мужик и силушкой его Бог не обидел.

– Это не тот ли Антип, что в прошлом году три лодьи свои с товаром на мель посадил посреди Волхова, ибо пьян был сильно? – спросил вдруг епископ Авксентий, – И не тот ли Антип, что отказал в деньгах на храм христовый, когда у него просили в этом году? А не он ли к чужим женам по ночам шастает, как сказывают в народе, а свою бьет смертным боем?

– Так сейчас же не о бабах речь, а о битве, – посетовал Прокл, – В бою то он хорош будет.

– Может и так, да только гнев свой он сдержать не умеет, а значит и в ратный час может сотворить чего не надобно. Не быть ему тысяцким! – отвечал Авксентий.

Смолчал на сей раз Прокл и обратно отступил в толпу. А народ опять загомонил, засоветовался. Вышел в круг боярин Куприян и оборотясь к князю, сказал:

– Мы тут мыслим, так. Посередь купцов наших есть один, который много раз плавал на лодьях своих в страны далекие. При нем есть дружина малая дружек его, с коей он в тех землях не раз лихих людей и ворогов уму-разуму учил. Много с ним в тех краях приключилось, и всегда он победителем выходил. Может, и на сей раз выйдет. Думаем, что тысяцкий из него будет добрый. Народ снарядить и в бой повести он сможет не хуже тебя княже, если надобно. А звать его купец Вавила.

– Ну-ка покажите мне купца сего, – ответил Юрий Дорианович.

Расступились мужики, да бояре, и вышел в круг широкоплечий чернобородый мужик такого росту огромного, что его за глаза «верстой» прозывали. Подошел князь к нему и говорит:

– Ты купец Вавила и есть?

– Я и есть, княже.

– Сдержишь мой удар, будешь тысяцким, нет – другого поищем.

– Добро.

Размахнулся князь на всю ширь плеча своего широкого и ахнул кулаком богатырским Вавилу прямо в грудь. Закачался Вавила, назад откинулся, дыхание у него на миг прекратилось, но устоял на ногах, хоть и подкосились они в момент последний. Посмотрел на него Юрий Дорианович, в усы себе усмехнулся по-доброму, а затем повернулся к народу и говорит:

– Слухай меня народ новгородский! Вот ваш тысяцкий отныне на сечу грядущую, быть ему головой ополчения народного и помощником верным посадника!

Зашумел народ новгородский, загомонил одобрительно. Видать, по сердцу пришелся им новый тысяцкий. Но раздался вдруг на площади городской крик пронзительный:

– Гляди, душегубы пожаловали!

Расступился народ и видно стало, что прямо к площади движется сотни три лихих людей с саблями, а впереди всех идет здоровенный мужик с русыми кудрями и помятой рожей.

– Бей их! – крикнул кто-то из мужиков. – Бей разбойников! Это ж Васька с горки, атаман их, злодей и убийца!

– Пообожди чуток! – крикнул князь новгородский, Юрий Дорианович, – Этих душегубов я сам звал в гости, и не бойтесь их люди. Потому что нынче надо нам забыть на время обиды кровные и вместе супротив врага выступить. Знаю я, что душегубы они, но уже дал слов свое княжеское, что не трону их если встанут они на защиту Новгорода. А нам

сейчас воинов поболее надобно и слово мое крепко.

Подошли лихие люди поближе, а впереди всех Васька с горки с вострой сабелькой. Смотрит на князя и говорит:

– Ну вот и я, князь. Пришел к тебе по воле своей, как и сговорились.

Глянул Юрий Дорианович на него и злодеев, что за спиной у Васьки находились, взглядом обвел.

– Будешь ты, Васька, за свои грехи со товарищами биться в ополчении на защите града сего под началом Вавилы-тысяцкого. И во всем его слушать будешь. Уразумел?

– А то как же.

– Тогда ступай с ним.

Опосля того, как выбрали тысяцкого, стало вече решать, где биться в первом бою. Порешило, что будут биться ратники на поле широком что недалеко от града расстиралось. Там был лесок дубовый на холме, в коем мог целый полк засадный укрыться. Первая рать, под началом Юрия Дориановича, прямо на поле станет и будет держать удар конницы мавританской, в коей, как лазутчики верные доносили, одни сарацины были числом несчетным под предводительством любимца кабашонова, Отером прозывавшегося. Слева от рати будет ополчение, где народ новгородский будет и лихие люди для подмоги. Супротив людей Вавилы-тысяцкого, что пешие все, наверняка пустят мавры своих пеших, кои черны телом и страшны рожами, более про них ничего толком было неведомо. Знали только, что поклонялись они змеюкам мерзким и каким-то зверям страшным, на Руси невиданным. На правом краю станет дружина средняя, посланника великокняжеского Черня Неулыбы и держать будет удар сарацинский, охраняя дорогу в тыл и к воротам городским.

В ту пору как совет в самый разгар вошел, доложили Юрию Дориановичу, что прибыл к нему князь удельный киневский Вельямир со своею дружиною и просится в войско его вступить, чтобы Новгород защитит от ворогов. Призадумался князь новгородский, что-то смутное ему припомнилось при имени сием. Будто рассказывал ему про князя этого какой-то чародей, но быть это или небыль, Юрий Дорианович и не знал в точности. Порешил, что во сне привиделось. А Вельямир, меж тем, был с дружиною, что подмогой могла служить в битве предстоящей. Поразмыслив, отвел князь новгородский киневлянам место полка запасного, что стоит позади всех и тылы охраняет. А за тем полком только ворота городские, а в граде еще воины на стенах, но числом малые.

И вот настал час битвы. Построилось войско русичей на поле широком в ожидании мавританских воителей. А незадолго пред тем рассказал Вельямир, князь киневский, Юрию Дориановичу вести черные последние, что уж пол земли русской оборотили полчища Кабашоновы в дым и пепел. Несчетно людей погубили добрых, городов пожгли великих. Уже лежал в руинах его родной Кинев-град, а сам он в бою жарком с сарацинами десницу потерял. После сечи подался Вельямир с дружиною из тех кто в живых остался в Новгород, ибо знал, что здесь его помощь сгодится сможет. Свой город не уберег от силы мавританской, так хоть новгородцам подмогнет.

Сказывали также люди верные Юрию Дориановичу, что горел уже Чернигов. Ни одной души живой не осталось в Смоленске – всех погубили кабашоновы изверги. Много дней и ночей бился Псков, осажденный саршарами и югордами. Насмерть стояла дружина псковская, несчетно воинов сарацинских изничтожили храбрые русичи. Только не было им помощи от князя Великого, не успел он послать к ним войско. Кабашоновы же изверги взяли город сей в кольцо, расползлись по всем лесам окрестным, и было их несметное множество. К исходу дня пятого пал Псков. Не осталось в живых ни одного жителя, что оружие держать мог в руках. Ворвались саршары с югордами в город сей славный и добились всех жен и детей малых, кто еще жив был. Опосля сих дел черных подожгли они дома людские. И еще неделю пылал костер адский так, что зарево было видно аж за десять верст. Вслед за тем настал черед Ладоги, что в двух днях пути от Новгорода находилось, а потом и Новгорода, что последним был с запада в кольце крепостей мощных, Солнцеград от напастей оборонявших. Крепости те, первый удар вражеский на себя завсегда принимали. Опосля

Новгорода с этой стороны путь на столицу русичей открыт становился.

Князь Новгородский пожелал врагов встретить лицом к лицу и вывел рать свою в поле, что пред стенами крепостными лежало. Супротив тридцати тысяч русичей вышло войско дужаров, состоявшее из ста тысяч воинов лютых, тигриному богу поклонявшихся. А были там еще сарацины конные, числом в пять тысяч, предводителем коих был Отер, глава рода Гомелов. В поединке перед битвой схлестнулся он с Черняем Неулыбой и мечом сарацинским лишил головы его. А отрубив, привязал ее за волосы к седлу своему, чтобы русичей позлить более.

Увидев сие, бросил Юрий Дорианович все полки свои в атаку быструю на извергов. Завязалась сеча кровавая. Смешались знамена русичей с черными стягами кабашонских воинов. Бились русичи храбро. Насмерть стояли супротив втрое большего числа ворогов. Мечом рубили, покуда не зазубрится, копьем кололи, покуда не переломится, а коли оружия не было, зубами рвали поганых. Атаман разбойников Васька с горки, что в ополчении бился с тысяцким, пятьдесят дужар своей саблей жизни лишил, перед тем как его самого на куски изрубили мечами сарацинскими. Храбро держались русские полки, стояли насмерть, но случилось тут предательство страшное. Когда силы были уже на исходе, ударила в тыл русичам дружина князя киевского Вельямира, что в запасном полку находился и черен сердцем был. Вспомнил тут Юрий Дорианович о предсказании, да поздно было. Разорвалась цепь рядов русичей и хлынули срацины с дужарами в тылы войска новгородского, в кольцо захватив защитников города, да изрубили всех.

До захода солнца длилась битва сия. Пока не пал последний витязь от меча сарацинского. То был сам Юрий Дорианович, князь Новгорода, что последним оставался на бранном поле и на тот свет унес с собой не один десяток жизней лютых ворогов. Пал же он от меча Отера, Черняя также убившего. И когда вступило войско мавританское в светлые стены Новгорода, на седле у Отера болталось уже две головы отрезанных. И стоном великими огласилось небо над городом.

Глава 11. Рязань сожженная

Уже минула вторая неделя, как вторглись полчища кабашоновы на земли славянские и пошла гулять сила черная. На окраинах дальних у русичей не было воинства многочисленного, лишь починки малые, да займища одинокие, которые охранялись самими жителями. Потому не встретили мавры коварные на своем пути сопротивления сильного. Порешил Кабашон, что возьмет он Русь голыми руками, ибо обитатели ее окраин хилыми показались заморскому властителю, а богатырей он на своем пути не встречал пока. С ним же была сила сильная в пятьсот тысяч воинов злейших и смерти алчущих, из коих сарацины были искуснее всего. Были в том войске сарацины из рода Сегри с Лавритасом во главе, Алабесы с Иорнандом в предводителях, и Альморади под началом Гаруса. И двигалось войско пешее словно саранча по берегам рек полноводных, коих в те времена на Руси было бесчисленное количество, а по самим рекам под парусами черными плыли лодьи крутобокие с воинами, конями их и припасами. В небе же, солнца свет застилая своими черными крыльями, парили коршуны злые звериного царя Эрманарихома, добычу выглядывая глазами зоркими.

К исходу второй недели проникли воины мавританские от берега морского в глубь земель славянских на версты многие, вошли они во владения русские, словно меч острый в тело беззащитное, широко расползлись по всем окрестностям. Все встречные поселения предавал огню Кабашон, а людей пытал и умертвлял во множестве, никого не пленил. Желал он извести всех русичей до веку, и расширить владения свои африканские на весь мир подлунный.

Испепелили вороги так со всеми жителями и войском Чернигов, что на берегах Десны стоял, затем крепость Курскую пожгли и Белгородскую. У каждого городища или починка малого сходил Кабашон с лодьи, вслед за своими сарацинами верными, и смерти видом

улаждался. А налюбовавшись видом земель захваченных, сызнова садился властитель мавританский на корабли чернотелые и пускался дальше вверх по рекам к самому сердцу земель полунощных, Солнцеграду златоглавому, прибыть поскорее желая.

Но скоро на пути его Рязань встала, город русичей, укрепленный посильнее всех городов, до того повстречавшихся Кабашону. Стоял тот город-крепость на реке, что Окою прозывалась. Имел стены мощные дубовые, много башен сторожевых и крепкие ворота. А на стенах рязанские умельцы луки огромные приспособили для метания копий на расстояния дальние, и еще изделия хитроумные, что могли швырять ведра со смолой горячей во врага на полверсты от стен затаившегося.

Князь Рязанский, Мал Олегович, уже в городе своем находился вместе с дружиной Ермила Мечиславича, из самого Солнцеграда присланной для подмоги рязанцам. Ждали они Кабашона давно, запасы запасали, оружие точили и готовились к нападению. Едва подошли первые корабли с воинами мавританскими поближе к стенам города, как полетели в них ведра горящие со смолой и копья, паклей обмотанные, все в огне. Разливалась смола по лодьям, втыкались копья в борта их высокие. Занялись лодьи крутобокие в одно мгновение, всыхнули паруса черные, словно факелы смоляные. От страха кони сарацинские, борта ломая своими копытами, в воду бросались. А сам сарацины, огнем охваченные, прыгали в воду и плыли к берегу, где ждали их лучники рязанские. Со стен крепостных и с берегов посыпался на них град стрел так, что все они в воде и остались. Спалили рязанцы пять лодий мавританских, никто из врагов не вернулся назад к Кабашону. Но то были только лазутчики. Скоро подошло по реке лодий мавританских несчетное количество, а по суше войско саршаров и югордов придвинулось к стенам самым. Потому лучники рязанские, числом малые, поспешили за стенами городскими высокими укрыться.

Окружили мавры пешие и конные крепость рязанскую, со всех сторон обложили, ибо было их великое множество. Перекрыли все пути-дороги, что вели в Рязань, и пошли на приступ. Лишь только подступили саршары с югордами под стены дубовые, лестницы высокие приставили, снова полетели на них копья и камни, полилась смола горящая прямо на головы. Лучники рязанские стрел на них не жалели. Ратники топорами рубили лестницы и от стен отпихивали, так что бились насмерть о землю русскую мавры проклятые. Лодьи крутобокие, что снова с реки надвинулись, тоже смолы горячей не минули, — на сей раз десяток их пожгли рязанцы смелые. Так и кончился день первый, ночь наступила. На реке до утра светло казалось от зарева корабельного.

На следующий день мавры снова на приступ пошли. На сей раз нацелились они на ворота городские всей силой. Подтащили югорды орудье стенобитное величины огромной, которое везли на себе два зверя невиданных раньше русичами даже в самых страшных снах. С виду они на корову походили, только рог у этих идолищ были всего один, да и то на носу. Страшенные они, конечно были, да только страшнее смерти для рязанцев сейчас и так ничего не было, а ее повсюду и без того много наблюдалось. Потому, подивились они на зверюг диких, да стали луки да копья налаживать сызнова супротив врагов. Как начали стрелять лучники, скоро всех югордов побили, что при орудии стенобитном находились. Но тут подоспела подмога к ним многочисленная — пять сотен саршаров. Снарядили те свои луки огромномощные, коих на Руси не делали, и стали стрелы горящие пускать в русичей, что на стенах стояли. Били без промаха, да так сильно стрела ударяла длинная, что любой доспех пробивала со ста шагов. И огонь свое дело делал, — занялись стены крепости рязанской ясным пламенем. А саршары меж тем снова орудие подтащили и стали рушить ворота городские. Ворота же, хоть и крепки были, на совесть строены, но трещать стали вскорости под ударами тяжелыми.

Велел князь Рязанский, Мал Олегович, водой тушить пожары на стенах, чтоб не разгорелось, а сам спустился со стен высоких, кликнул дружину свою, вскочил на коня вороного и приказал ворота отпереть перед саршарами. Как отворили люди ворота дубовые, вылетел вихрем с дружиною князь и опрокинул саршарских лучников. Порубил почти всех на куски кровавые, а остальных отогнал от стен и в реку сбросил. Там они все и сгнули. А в

то время у него за спиной пешие рязанцы копьями своими закололи одно из чудищ рогатых, а второе само наутек бросилось. И, как побежало оно, случайно об стену ударилось, да так, что стена крепостная аж задрожала от сего столкновения. Потом чудище, видать, совсем обезумело и от страха в лес с диким ревом бежать пустилось. Закачались там сосны да ели высокие, а чудище пропало из виду. Видать, порешили рязанцы, то не шибко страшные были чудища. Едва вернулся князь с дружиною в град, как мавры с новой силой у стен показались.

Озлобился Кабашон от того, что князь рязанский Мал Олегович, столь стоек оказался и выслал конницу свою сарацинскую в поле перед градом, трупами многими усыпанное уже. Все больше лежали там югорды, да саршары убитые. Рязанцев погибло меньше, чем ворогов их, – один на пятерых. Предводителями сарацинов конных был Лавритас из рода Сегри и Гарус из рода древнего Альморади. Вызвали они князя рязанского на бой открытый на поле бранном. Хотя и было их числом втрое больше, чем ратников княжеских, не пристало русским князьям за стенами высокими долго открытого боя избегать. Открыл князь ворота городские и выехал на коне вороном с дружиною верною своею. А вместе с ним и дружина Ермила Мечиславича, посланника солнцеградского. Затрубили рога боевые и в атаку сарацины бросились, а княжеские витязи им на встречу устремились, копьё в грудь врагам направив.

Арсен храбрый, что находился неподалеку на лодье, рядом с царем Кабашоном, следил оттуда за битвой русичей с воинством мавританским. Видел, что числом они малы, но бьются храбро, не одолеть их веру и силу с наскока быстрого, как поначалу казалось. Но думал он сейчас больше о другом. Вспоминалось ему предсказание странное Зувейле, дочери невидимого султана Бендина, владетеля Золотого города мастеров. И вдруг так захотелось Арсену окинуть всю землю славянскую единым взглядом, узнать, права ли была Зувейле прекрасноокая, не шутку ли сыграла с ним легковверным. До того ум его молодой разыгрался, что битвы вид наскучил скоро, и решил он обратиться коршуном из воинства небесного звериною царя Эрманарихома и взлететь под небеса. Надумав, спросил он на то разрешение отца своего. Нахмурился при этом грозный Кабашон.

– Я слышу, хочешь ты, Арсен, меня покинуть в тот самый час, когда Рязань еще не пала? И смерть своих врагов увидеть не желаешь?

– Отец, я думаю, что быстро ворочусь из путешествия по небесам славянским и тлен Рязани потопчу ногой. А покорить ее, – то больше ты желаешь.

Нахмурился, еще мрачнее стал властитель африканский. Сказал:

– Ну что ж, лети, но только воротись не позже ночи этой. Лети обратно прямо на пожар, что я зажгу сейчас на месте этом. Пусть служит путеводною звездой тебе костер, что из костей рязанцев скоро тут запылает.

– Я буду ночью, – сказал Арсен.

Затем, привычный к магии восточной с младых ногтей и волшебству обученный немало, Арсен три раз произнес заклятье и обратился коршуном из самых быстрых. Взмахнул крылами и поднялся в небо. В от самый час открылся ему вид на все обширные окрестности Рязани и в даль далекую до горизонта. Сначала сделал круг Арсен над полем битвы, чтобы проверить твердость крыльев. И тут же просвистело мимо две стрелы, – то лучники рязанские, его приметив, решили умертвить. Узрев сие, Арсен проверив крылья, сложил их вместе, и рухнул камнем на врага. Вцепившись острыми когтями в грудь лучника, что первым выпустил стрелу, поднял его он в небеса высоко и бросил вниз на копьё острые дужар. Еще не умер первый лучник, а коршун бросился уж на второго, что прятался от стрел саршарских в башне городской. Схватил его и также предал смерти. А после поднялся совсем высоко, туда, куда не долетали стрелы, и полетел от солнца на восток.

Летел Арсен над землей славян и изумлялся ее размерам бесконечным. Она была не меньше Африки его родной, вот только рек широких и не очень здесь были тысячи, леса зеленые тянулись на расстоянья многие, перемежаясь болотами топкими, а пустынных земель и песков знойных не заметил Арсен совсем. По берегам рек и в лесах болотистых увидел он глазами коршуна зоркими множество злых духов лесных, что поджидали свои

жертвы на перепутьях нехоженных тропок. Чутьем колдовским почуял, что нечисть и вся сила черная, таившаяся до срока в этой земле, с появлением воинства мавританского перестала людей добрых на Руси бояться и, осмелев, вышла на охоту за душами их. И была день ото дня все удачнее та охота, ибо, повсюду, в починках малых и городах больших, с каждым днем приближения войск мавританских к Солнцеграду, становились люди местные злее и многие промеж них все более боялись за свою жизнь. Не все готовились воевать против сарацин на бранном поле, кто-то ждал их с радостью великой, потому что был черен в душе и не желал добра соседям своим. Все труднее становилось жить русичам, которые с темной силой дружбу не водили, повсюду их поджидали теперь козни и смерть. Кабашон мог ликовать, ибо помощь ему росла сама по себе в земле славянской. И смеялся Кабашон смехом диким руки потирая, ждал он победы скорой, ибо сумел пробудить в душах многих русичей страх великий, зависть и ненависть к себе подобным.

Все это почуял и Арсен пролетая над землями славянскими, от которых исходил дух тревоги и в небеса поднимался. Но видел он также, что росла и ненависть к врагу в сердцах русичей праведных, что готовы они были стоять за землю свою до самой смерти, не боялись ни духов лестных, ни нечисти, ни воинов мавританских. Только на них и держалась еще Русь, не сдавалась на милость победителей. А, меж тем, кони сарацинские уже топтали земли западные и южные славянские, уже пало множество городов мелких и крепостей крупных. Предав огню Новгород, самую сильную крепость и последнюю на пути к Солнцеграду с той стороны, двигалось к нему войско мавританское во главе с Отером. А за ними тянулся пепельный путь, следы пожарищ обширных и тысячи мертвых русичей лежать остались навечно в сырой земле. С юга все земли от самого моря теплого до стен Рязани были объаты пламенем, и смерти дух гулял там, не встречая на своем пути препятствий. Все ближе подходили воинства мавританские с запада и юга друг к другу и скоро должны были встретиться под стенами Солнцеграда, если чудо не спасет русичей. Все туже сжималась петля на шее народа русского. Все радостнее становилось на душе у Кбашона, ибо цель его заветная приближалась с каждым шагом. И все больше туман охватывал душу Арсена, ибо не мог понять, зачем он здесь. За годы прошедшие Арсен стал храбрым воином, но смерти дух его не радовал, как отца воинственного, он готов был убивать славян в бою, хотя не видел в них врагов своих, и более всего боялся того, что было предсказано дочерью султана Бендина.

Летел так полдня на восток и затем полдня на север Арсен под личиной коршуна черного из воинства звериноного царя Эрманарихома, а под ним простирались земли русские. Много городов и деревень русичей за время то увидал Арсен под собою, много людей с высоты полета своего разглядел, но ни в одном месте не попалась ему та, что была предсказана. А к заходу солнца повстречал Арсен чудо, невиданное в африканских землях никогда прежде. Прямо на пути его, в облаках высоких, возникла вдруг голова богатыря огромного в шлеме золотом, на гранях которого играли лучи солнечные. Ехал тот богатырь на коне белом высоты немеряной, держа в одной руке копье, которым звезды с небес цеплять можно было, а в другой щит крепкий, что мог от урагана любого целый город укрыть. Прямо сквозь леса густые и поля обширные ступал осторожно конь богатырский, горы высокие каменные, словно холмы незаметные, позади оставляя, неся седока своего куда неведомо. Был то Никанор-богатырь – великан огромный и древний, живший в далеких краях и границы северные Руси от ворогов охранявший. Мог он один целое войско перебить или змея многоглавого лютой смерти предать. Не было ему много веков на Руси супротивников.

Увидав воина столь сильного и огромного в этих краях удивился Арсен, ибо принял его сначала за джинна-вероотступника или ифрита из свиты отца своего Кабашона. Не мог подумать он, что в земле русской водятся такие богатыри-великаны. Удивился Арсен, но не стал пока препятствий чинить великану в пути его, а облетел стороной. Но не успел он разминуться с великаном, как увидел двух змеев шестиглавых, величины огромной, что летели по небосводу крылья перепончатые распластав, и огнем их пасти многозубые объаты были. Почуял Арсен, что не змеи это, а джинны черные, и посланы они отцом его

Кабашоном из отчизны всех темных сил для умертвления великана русского, ибо шел он в Солнцеград по своей воле на подмогу князю Вячеславу.

Как стали нагонять змеи шестиглавые Никанора, тот коня своего богатырского дернул за узду тяжеленную, что и десяти богатырям помельче всем миром не поднять, и повернул на встречу опасности. Прикрылся щитом крепким богатырь и копье длиннейшее острое рукой сильной поднял над собой в небеса. Налетел первый змей на него, огнем жарким дыхнул, – задымился щит Никанора. Но в ответ богатырь русский ударил копьем своим острым змея прямо в грудь чешуйчатую и пробил ее насквозь. Обвисли крылья перепончатые змеевы, свернулся тот вокруг древка, что толщиной с сосну столетнюю было, вспыхнул ясным пламенем и сгорел в одно мгновение, словно из огня был сделан, а не из плоти живой. Налетел сразу за ним второй змей, дыхнул огнем пуще прежнего, – раскалилась кольчуга и шлем на богатыре-великане. А тот в ответ снова копьем ударил и нанизал второго змея чешуйчатого на него. Извиваться стал змей на копье, но уж поздно было, смерть его пришла. Вспыхнул тот змей ярким огнем, как и первый, в пепел превратился и на землю далекую, что под облаками не видна была почти, просыпался. Подул тут ветер северный, развеял пепел ядовитый на многие версты и остудил доспехи богатырские. Оглядел небеса окрестные Никанор-богатырь, но не увидел больше опасностей летучих до самого края земли северной, только коршун черный парил неподалеку, но уж больно мелок он был для копья богатырского. Поворотил коня в сторону солнцеградскую, земли южные, Никанор-богатырь, опустил щит с копьем, и дальше в путь свой отправился. Предстояло исполнять ему впереди судьбу написанную.

Как стало солнце славянское за горизонт опускаться пропал Никанор-богатырь из виду совсем, только тень на небе вечернем передвигалась и по ней видел Арсен куда богатырь направляет коня своего. Облетел Арсен его стороной и ускорил полет свой, ибо обещал отцу быть в Рязани не позднее ночи. Но вдруг предстал перед ним город красоты невиданной даже на востоке, с куполами златоглавыми и стенами белокаменными высокими. Над стенами терема резные высились и палаты обширные, а за ними домов деревянных великое множество. Текла вокруг города сего река полноводная, а не ней находилось множество лодий разных с людьми и товарами. И стояло на поле лодейном перед воротами городскими войско многочисленное русичей шатры раскинув походные. Закружил Арсен над тем городом, красотой его залюбовавшись, и спустился по ниже, чтоб разглядеть все что видел доподлинно, хоть и опасно то было, – лучников на стенах града сего наблюдалось великое множество. Только сумерки опускавшиеся были Арсену прикрытием слабым.

Услышал вдруг в вечерней тишине Арсен девичье пение на языке далеком и непонятном. Но до того оно сладким было и пришлось ему по сердцу, что, сделав круг на теремом, опустился Арсен на башню его резную и прислушался. То пела девица русская. Красива была она, как показалось Арсену, красоты неземной. Не видал он таких красавиц ни в одной земле, отцом его завоеванной. Волосы длинные по плечам ее опускались, гибкий стан под одеждой не скрыть было, от лица глаз не отвести, а глаза показались Арсену озерами голубыми глубокими. До того очарован был Арсен чудным пением, что в тишине вечерней над рекой разносилось далеко, что совсем позабыл где он, и что в землях сих делает. Просвистела стрела каленая и воткнулась в крыло коршуна, прибив его к крыше древесной терема резного – то заметили его лучники со стен городских. Встрепенулся коршун сильный, рванулся изо всех сил, и взлетел в небо, часть крыла оторвав с диким криком звериным. Испугалась девица звука ночного, обернулась на крик и на миг встретились глаза ее с глазами коршуна черного, что светились в ночи огнями яркими. Закрылась девица руками и в полати бросилась, спасаясь. А лучники град стрел обрушили на коршуна раненного. Да только поздно было уже. Взлетел Арсен в небо ночное, среди звезд и тьмы затерялся.

Как избежал смерти от стрел каленых русских, направил он полет свой к Рязани осажденной. Болело крыло болью сильной, кровь с него капала, но летел Арсен без боязни, потому что рана его была не смертельной, а войске мавританском много врачей-врачевателей

находилось. Да и сам он колдовством раны излечивал. Прошептал Арсен заклинание, что крови бег останавливало, и в тот же миг затянулась рана рваная, срослось крыло поломанное. Только на крыше терема резного, в том месте где пробила крыло стрела каленая, осталось пятно кровавое, да ничем нельзя отмыть его было.

Скоро подлетел Арсен к Рязани и увидел из далека еще зарево великое, что полыхало в ночи на месте града укрепленного. Сдержал свое слово Кабашон грозный, сломил рязанцев непокорных. Не знал еще Арсен храбрый, а дело так было. После битвы сарацин и конных дружинников русичей, многих из самых лучших опять не досчитался властелин мавританский. Чуть не зарубил мечом Ермил Мечиславич Иорнанда, предводителя Алабесов, уязвил его в плечо глубоко. Князь рязанский Мал Олегович, силен в битве оказался, и десять сарацинов из рода Сегри на тот свет отправил, а самого Лавритаса лишил двух пальцев на правой деснице. Гарус из рода древнего Альморади в том бою получил стрелу каленую в бедро от русских лучников и теперь над раной его колдовали лучшие врачеватели востока.

Отступили сарацины после схватки жаркой, а войско югордов тотчас в одно время к крепости со всех сторон придвинулось и пошло на приступ стен Рязани. А саршары, предводителем которых был Ом, вдоль стен во всю длину их построились. Натянули они луки сильные и стали пускать стрелы огненные через стены на крыши городские соломенные. И скоро загорелась Рязань резная и рубленая, заволокло дымом едким небо над ней. Вспомнил тут князь рязанский о Боге-заступнике, и велел всем русичам читать молитву о спасении. Встали на колени все, кто не бился на стенах тогда, и помолились Богу единому. Едва витязи русские закончили молитву читать, – раздался гром великий в небе над Рязанью и пошел ливень сильнейший. И лил так весь день не переставая, залил улицы деревянные, и огонь почти затушил. Но поднялись тогда по приказу Кабашона в небо коршуны звериного царя Эрманарихома и, сомкнув крылья широкие, стали кружить над городом горящим, не давая дождю затушить огонь. Им самим жар был не страшен, ибо кружили они так высоко, что стрелы каленые русичей до них не долетали. Не смогла вода с небес залить огонь полыхающий на крышах соломенных, разгорелся он с новой силой страшной и Рязань проглотил в свое чрево огненное. Велел тогда Мал Олегович открыть ворота городские и всем кто жив еще был, пробиваться с дружиной его сквозь кольцо югордов и саршар на север к Солнцеграду. Опрокинул князь одним ударом мавританское воинство и ушел с остатками ратников Ермила Мечиславича в леса окрестные, где не смогли догнать их ни срацины быстрые, ни разыскать с небес коршуны злые.

Возликовал Кабашон кровавый при виде пепелища рязанского и хотел праздник устроить на костях русичей погибших. Но увидев Арсена вернувшегося и рану его недавнюю, вновь взыграла в нем жажда смерти и тотчас двинул он свое воинство в поход, искать жертвы новые. Расползлись по дорогам лесным саршары и югорды многочисленные. Двинулись по рекам лодьи крутобокие. Теперь до самого Солнцеграда не было крепостей сильных на пути. А до сердца земель русских всего семь дней пути для коней быстрых сарацинских оставалось.

Расспросил Кабашон о ране сына своего, где получил он ее и кто посмел руку поднять на сына властелина мавров заморских, который скоро станет владеть всем миром подлунным. Но Арсен поведал только, что поранил его лучник меткий из русичей, а о встрече своей нечаянной не обмолвился. Сам не знал он почему, но поселилась с тех пор в сердце его тоска тихая и гнетущая.

Глава 12. Под стенами Солнцеграда

С той поры как появились в пределах русских полчища мавританские и стали сеять смерть на пути своем, нарушился повсюду на Руси ход жизни привычный. Перестали звери полезные давать приплод, но зато хищников расплодилось тьма тьмущая, – не пройти, не проехать доброму человеку по лесу. Изменились течения воздушные и стал все чаще в земли

умеренные залетать ветер северный с холодных гор Йотунгейма, принося с собой тучи серые огромные, снегом и льдом наполненные. Летом в местах многих, как очевидцы сказывали, выпал снег и землю всю выстудил. Перестала земля плодородная в тот год дарить всходы быстрые и обильные, необходимые для прокормления, а стала давать всходы куцые и незаметные почти, для жизни их было недостаточно. Потому голод начался во многих областях, к которым уже близко подошло войско мавританское, что легче давало победу врагов над русичами. Оголодав сильно, стали люди вскоре замечать больше худого во нраве своем, чем хорошего. Больше злобы и нетерпимости к соседям да сродственникам появилось от жизни такой. Будто враз зима в душах людей русских наступила. Да и сам день, дарованный Господом человеку, стал с тех пор короче делаться, несмотря на лето стоявшее.

И вот наконец, в последний день червена месяца, подошли полчища кабашиновы под самый Солнцеград. Уже с юга и запада отрезан был город ото всех земель соседних. Опосля того, как отряды дужарские с Отером во главе вырезали Псков и Великий Новгород, да оборотили в пепел все окрестности, не стало русичам и пути на север. Уже оплакали товарищи Юрия Дориановича, князя Новгородского, вместе с Черняем Неулыбой, под стенами Новгорода павших. Уже глодали стервятники африканские, тысячами летавшие за войском мавров, кости Северина Святославича, князя Владимирского, вместе со своей дружиной павшего при защите города. Надвигалась на Солнцеград, сердце земли русской, черная сила. И, казалось, ничто не может остановить ее.

Окружил Солнцеград почти со всех сторон силой сильною Кабашон и станом встал всего в пяти верстах от города, поджидая воинов отставших, по всей Руси разбежавшихся в поисках наживы великой. Дал они им неделю на разграбление святынь русских и городов поработанных, – пускай отдохнут перед последним сражением. Грабили они все, что попадалось, и насильничали. Обозами свозили к Солнцеграду награбленное. Скоро, под холмом, где стоял шатер Кабашона, вырос целый курган из золота и другой добычи сарацинской, вровень с шатром.

Вышел из шатра своего черно-серебристого, на солнце горевшего, сам властелин мавров заморских Кабашон. И злое сердце его наполнилось радостью великой, при виде поживы, но более всего при виде стен зубчатых города близкого, в коем последний князь русский с дружиной прятался от него.

– Вижу я уже башни солнцеградские, – сказал Кабашон своим верным слугам сарацинским, – сверкают они золотом. Много золота и другого богатства за стенами высокими города этого. Все вашим будет, после того как уничтожу я последнего князя на Руси, – Вячеслава. Уже вся земля его почти под ногами моими, с пеплом и кровью перемешанная. Я сотру этот город златоглавый в пыль, так что и памяти не останется от славы его прошлой. Князю же своею рукою голову отсеку, и собаками отдам на съедение.

Так сказал, и сверкнули глаза его лютой злобою. Меж тем, Вячеслав, князь Великий, уже месяц целый ожидал богатыря своего самого сильного – Горыню. Не хотел без него в поход выступать, а пока град свой укреплял. Ворота новые дубовые, железом обитые, выстроил. Сардер для них засовом служил. Рвы глубокие, по приказу княжескому, под стенами вырыли. Еду да оружие вострое, мастерами кузнецами кованое, со всех концов Руси завозили купцы городские, да всяк, кто помочь хотел. Много его успели завезти, покуда не окружил Кабашон города и не отрезал пути-дороги к нему со всех сторон Руси ведущие. Не решался Вячеслав пока в сражение великое выступить, что судьбу Руси решить должно было. Ждал вестей с юга и запада о победах, а получал лишь недобрые вести. Войско кабашиново черной тучей прошлось по землям окраинным. Не осталось там ни одного града русского, ни одной души живой. Всех смерти предавали лютой. Печален сидел Вячеслав в палатах своих, а Дубыня с Усыней его уговаривали.

– Чего ждем, князь? – молвил Усыня, – войско же есть у нас! Дружины сильные, оружие вострое. Чего опасаемся?

– Хочу я Горыню дожидаться, – отвечивал печально Вячеслав. – С ним мы еще сильнее будем.

– Нельзя нам боле ждать, князь, – вторил другу своему Дубыня, – может и нет в живых Горыни нашего, хоть и не верю я в это. А Кабашон с воинством сарацинским уже тут как тут, почитай под стенами нашими теперь лагерем стоит. Куражится! – сказал так, и кулаком погрозил иноземному воинству.

– Прав был Северин Святославович, царствие ему небесное. – добавил Усыня, – давно уж надо было в поход выступать, куда Кабашон еще далече был. А теперь придется под стенами бой принимать.

– Стены у нас высокие, отобьемся, – подал голос боярин Серапион, что на лавке у окна сидел.

– Не сидеть в стенах, воевать врага надо, – сказал Усыня и сжал меча рукоять, – Кабашон сейчас дожидается всех сил своих, чтобы собрать их в один кулак и с нами одним ударом покончить. Потому надо нам его определить.

Смолчал тогда Вячеслав, в пол дубовый глядя. А теперь стоял Кабашон уже под стенами самыми Солнцеграда, но не шел на приступ пока, словно ждал, что Великий князь сам ключи от города принесет ему, на коленях приползет молить о пощаде. Не бывать тому!

Подошел к окну резному Вячеслав, бросил взгляд на полчища иноземные, что видать было даже из терема княжеского. Так близко подбирались кабашоновы конники, что можно было разглядеть их лица смуглые, наживы и крови алкавшие. Вдруг, из толпы сей конной, выпорхнула стрела черная и впилась в стену над головой князевой. Повернулся Вячеслав, и в гневе выдернул стрелу поганую пополам ее переломив. И уж собрался было ее наземь бросить, как узрел на кончике востром свиток махонький.

– Подойди ко мне, Викентий, – обратился к патриарху Вячеслав, – да прочти сие послание поганое, жизни меня едва не лишившее.

Подошел Викентий, языкам ученый в Византии далекой, и свиток вражеский в руки взял. Прочитав его, будто туча черная сделался старец. Но слегка помывшись, вымолвил Викентий:

– Побойсь я, князь, тебе передавать письмо сие в том самом выраженьи, коим писано оно. Осерчаешь ты весьма на меня.

– Мне ли вражеской брехни бояться, старец, – отвечал ему Великий князь, – говори мне все тем самым слогом, что писал собака Кабашон!

– Не взыщи потом великий княже, – молвил Патриарх и стал читать:

«Если ты, навозный червь, лягушки сын последний, князь болот и топей господин, мнишь себя еще Руси владельцем, знай же Вячеслав: ты более не властен в землях сих от моря и до моря. Все твои князья уже в могиле, скоро сам последуешь туда, если не отдашь мне на милость. Заперт ты, как жук навозный в короб, смерть стучится у ворот твоих. Коли выйдешь в поле завтра в полдень, предо мной колени преклонишь, ноги мне три раза поцелуешь, может и помилую тебя. Ну, а если вздумаешь брыкаться, – к смерти лютой приготовься лучше! Завтра в полдень я иду на приступ. Жизни не оставлю никому. А тебе я сердце из груди собственной рукой своею вырву и собакам брошу на съеденье, так же как и голову твою. Смерти жди, или проси пощады!

Всей земли владетель – Кабашон ».

Забурлила кровь, рассудок помутился, и родился гнев в душе у князя.

– Не намерен ни мгновенья боле, я терпеть от этой твари оскорбленья! – крикнул Вячеслав оборотившись, – Выводите все дружины в поле. Биться будем завтра по утру!

Встали все, кто был тогда у князя. Разошлись, указ его исполнить. Сам же Вячеслав ушел к себе в покои и уединился для молитвы. После он трапезничал с женою Настасьей Фаддеевной, размышлял о битве предстоящей с Кабашоном, извергом из земель далеких и жарких. Тут пришла к нему душа-девица, дочка любимая Ксения. Села рядом и поведала отцу о своем видении своем странном. Рассказала Ксения, как прошлым вечером стояла она на балконе терема резного и пела песню на речку Светлую глядя, на леса и поля за ней простиравшиеся. Грустно ей на душе было. Думалось Ксении не об играх с подружками, не о веселых забавах молодых, а все больше о смерти, что пришла на землю родную из

далеких заморских стран. Показалось ей на миг, что все родные и любимые люди сгинут в сечи предстоящей, и она сама вместе с ними, не побывав даже в замужестве. Грустно и боязно ей сделалось от раздумий таких, как не гнала их Ксения. Но тут вдруг увидала она черного коршуна с глазами золотыми блестящими, что сидел на башне терема княжеского и смотрел на нее. Показалось ей на миг, что не коршун это, а человек заколдованный. Оттого ей еще страшнее сделалось, закричала она и в палаты бросилась. А ратники стали в него со стен стрелы пускать и ранили. Улетел коршун, а на крыше терема от раны его пятно кровавое осталось, которое никто из людей дворовых не смог смыть, сколь ни тужился. Каждый раз оно снова возникало.

Призадумался тут Вячеслав, что-то смутное ему припомнилось, от волшебника Ставра в лесу услышанное. Да и коршун тот взаправду мог не коршуном быть, а нечистью какой пострашнее. Велел Вячеслав дочери любимой Ксении страхи свои оставить. Сказал, что будет битва великая скоро, но сгинут в ней все вороги, что на Русь пожаловали нежданно негаданно. В том он ей слово свое отцовское дал. Много сильных богатырей у него сейчас в войске собралось, не устоять супротив них никакому иноземному воинству, сколь огромно оно бы ни было. Ибо один русский богатырь десятерых стоит.

– А как прогонит русская рать врагов, выдадим тебя за муж за того, кто лучше всех себя покажет в деле ратном, – сказал Вячеслав и по голове погладил дочь свою любимую Ксению.

Позлатило солнце верхи сосен, – все умолкли птицы на земле. Ветер силу вдруг свою умерил и заснул в листве густой зеленой. Улыбнулся солнцу русский воин, крепче сжал десницею оружие, – время жить или умирать пришло.

На рассвете уж давно стояли ровной цепью русские полки. Встали все они на поле брани вдоль стены зубчатой городской. Пять отрядов стройными рядами врагу являли грозный вид. Славою в бою уже покрытый Мал Олегович, Рязани князь сожженной, стал главою первому отряду, что в себя удар весь принимал. Мал Олегович был опоясан бронью, что хранить его от стрел, мечей и копий предназначена была в бою суровом. На груди его зеркало блещет, словно солнце на небе высоком. Шлем крепчайший, золотом одетый, левою рукой княже держит, в правой – меч, гроза всем сарацинам! Кудри русые до плеч его спадают, алая накидка на плечах. Конь под ним кровей смоленских древних, Нервно бьет копытом, чуя битву. Рядом с ним оруженосец верный, Капитон Вешняк, державший знамя. Ало-золотой блистал на солнце стяг Руси, поднявшейся на сечу. Сорок тысяч конников отборных составляли воинство сие. Все в кольчугах, при мечах и копьях, щит высокий тело прикрывает.

Чуть поодаль, правый фланг у речки, держит Белозерский князь Андрей Мстиславич. Брат меньшей он князю Вячеславу. Так же в бронь одет могучий витязь, и накидку алую окутан. Меч на нем и золотистый шелом. Стяг в полку имеет свой он, Белозерский, – лебедь белый там плывет на фоне солнца. А дружина с ним, что великаны, пятьдесят их тысяч было счетом. Крепче в ней один другого воин, и за Русь стоять готов до самой смерти. Все любили родину и князя, умереть готовы за него. Смело шел Андрей Мстиславич в битву, не боялся диких сарацин.

Левый фланг вдоль леса приходился. Ведал им князь грозный – Остромир. Возвращен он с походов дальних, ранами и славою покрытый. Покорил он полземли Сибирской, сделал данниками тамошних людей. Вся его дружина беспрестанно в битвах и походах находилась и была числом почти сто тысяч. Все делили с князем: хлеб и воду, снег и солнце, злато и невест. Волчью голову на ярко-алом фоне, стяг его прославленный имел. Больше всех князей любил он битву. Ужас на окрестные народы Остромир Ипатьич наводил. Потрясая в схватке булавою, появлялся в тыщах мест нежданно. И за то, что скор был, смел, отважен, получил он имя – Волчий князь. А дружину звали волчьей стаей, за бесстрашие и преданность свою.

Позади отрядов этих сильных, почитай, у стен градских высоких, находился русичей резерв. Там стояло тридцать тысяч войска, им главою был отец Викентий, Патриарх Руси,

опора веры. Весь горел духовный пастырь златом: бронь на нем сверкала пуще солнца, сверху плащ парчовый, шелом крепкий. Не отговорил его от сечи Князь Великий, мудрый Вячеслав.

– Хоть волосы посеребрили годы, я мечом еще рубить могу, иноземных воинов поганых! – был ответ Викентия таков, – Ну, а если суждено сегодня в мир иной отправится навечно, нет милее смерти, чем в бою, за свободу родины прекрасной!

На холме, поросшем лесом крепко, что стоял от поля в стороне, хоронился полк ударный русский, что засадным также назывался. То была ударная дружина добрых молодцев всего в пять сотен души. Управляли ею Усыня и Дубыня, князевы друзья-богатыри. Оба изготовились на битву, биться на смерть молодцы желают. Об одном лишь сожалеют оба: где Горыня – третий богатырь? Чтобы мощь богатырей усилить, на подмогу Вячеслав прислал дружину киевского князя Вельямира, что пришел к нему совсем неожиданно из сожженного врагами Новаграда, своей смерти чудом избежав, и лишившись насовсем десницы.

Так стояли русичи с рассвета. Все полки томились, ожидая появления князя Вячеслава. Князь Великий в этот час молился, не жалея сил, поклоны клал. Господа просил он заступиться за святое воинство свое в битве тяжелой против Кабашона, отвести беду от деток малых, жен, девиц и старых стариков.

С высоты холма на все взирая, грея дланью сабли рукоять, вдохновляя видом грозным войско, пред шатром стоял властитель мавров. Ожидал он: Вячеслав не смеет выступить ему наперекор. И теперь, узрев с восходом солнца русские полки, что ждали битвы, брови сдвинул в гнев Кабашон. Перечел он взглядом рати русских. Бронями блещут, грозят мечами, все же много меньше там бойцов, чем в войсках могучих Кабашона, не считая даже остроклювых птиц.

– Что ж, – промолвил Кабашон, – Вы ждете смерти? Смеешь мне перечить, Вячеслав? Я прочту тебе посланье снова, перед тем, как сердца ты лишишься! Не бывать Руси вовек свободной, тлеть ей вечно под моей пятой!

Повинуясь пальца мановенью, ожили тут мавров сотни тысяч, огласив окрестность диким воем, двинулись войска в последний бой. Шли югорды под змеиным стягом, во главе Урман – жестокий воин. За поход сей, многих в русских землях смерти лютой предали они. Рядом шли, противны богу люди, – людоеды племени Саршар. Поклонялись те лишь богу смерти, всех других на свете позабыв. Шли дужары, богом чьим был тигр. И подобно богу своему, хуже тварей хищных зло плодили. Это их отравленные копыя, завершили Новгороду жизнь, вызвав тем у русией желанье уничтожить всех до одного, красно-черных извергов заморских. Вел их в бой жестокий вождь и сильный, жрец верховный именем Ражхан. Облаченный сверху в шкуру тигра, пел он песню, будто бы рычал. И от этих песен, радость битвы родилась в дужарах в тот же час. Становились все подобны тиграм, все хотели грызть и рвать на части русичей тела.

Центром войска были сарадины, их любил всех боле Кабашон. В бронь с земли испанской все одеты, светят полумесяцем мечи. Шлемы, латы, сабли – все блистает, у бойцов, чей род древней земли. Все храбры, как стая львов, отважны. Нет бойцов сильнее сарацин. Пять родов пришли за Кабашоном, Русь разграбить и предать огню. Первый род среди них – Абенсеррахи, мавры грозные, известные повсюду. Их влечет лишь поле брани новой, крови вид ласкает и пленит. Род второй среди мавров – Алабесы. Африка им отчая земля. Им в бою не страшен, хоть сам дьявол, всех готовы саблею рубить. Третий род – Сегри, что из Гранады, замков Андалусии владельцы. Род четвертый – это Альморади, рыцари, достойные легенды. Сотни христиан они убили в войнах с христианским королем. Гомелы – то пятый мавров род. Предводитель их уже увенчан черной славой ныне и до веку. Голову у князя Новаграда срезал он и приторочил к своему седлу, что златом блещет. И хвалился ей и похвалялся.

Вот настал последний час пред битвой. Мерным шагом тыщи сарацин въехали на поле

перед градом и остановились в ожидании. Русичи щиты к щиту примкнули.

Глава 13. Смерть за смерть

Ровно в полдень врата отворились, показался сам Великий князь, облаченный в брони боевые, в шеломе блестящем, со щитом, и мечом – для ворогов угрозой. Сидя на коне своем буланом, выехал на поле перед градом. Русичи возрадовались видя, сколь силен и статен Вячеслав. Повернув коня на встречу войску, молвил слово им Великий князь:

– Радуюсь я сердцем, видя сколько под знамена ратные собрал добрых молодцев со всей Руси великой. Не на пир вас звал, не на охоту. Время праздновать, покамест, не пришло. Надобно отвадить рать несчетну воинов заморских, возжелавших, Русью овладеть и уничтожить нас навеки вечные до корня. Пол земли они уж полонили, но дороги далее им нет! Вы одни Руси щитом остались. И я верю – не сломить сей силы! Пред собою вижу только храбрых, слабых нет, и трусов среди вас. Ни один в бою не дрогнет воин, если дрогнет – проклят он навеки! Биться насмерть! И назад – ни шагу! С нами Бог, а смерть за Бога свята! А покуда буду жив, то с вами братья, я мечом, копьем, или руками, буду истреблять все вражье племя, убивать, покамест не убью!

Повинуясь сердцу повеления выступил вперед рязанский князь.

– Ты води нас в бой, Великий княже! Мы в бою Руси не посраим!

И его словам дружины вторя, громким криком князю отвечали. Копьями все рати потрясали и стучали ими о щиты.

– Я до самой смерти с Вами буду! Время нам колени преклонить.

Смолкли сразу крики боевые. Спрыгнул наземь княже Вячеслав. И воткнувши в землю меч острейший, на колени стал, молитву молвил. Вдохновясь примером Вячеслава, все полки колени преклони ли, тыщи русичей на землю пали ниц. И сложив оружие боевое, к Господу молитву вознесли:

– Помоги ты нам, Великий Боже, в сем бою победу одержать! Прочь прогнать собаку Кабашона, воинов его огромну рать. Дай нам силы, укрепи нас духом, копыя направляя злодеям в грудь. А случится сгинуть в битве этой, – жен и деток наших не забудь!

Поднимались русичи безмолвно, подымали острые мечи, а в глазах светилась только ярость, слышно было сердце как стучит. Оставалось длиться лишь мгновенью, – жаркий бой завяжется сейчас. Но раздался княжий клич тут громко:

– По закону древнего обычья, – поединок zaczynaет бой! Если есть средь вас, поганых, воин, что сразиться с нашим молодцом, пусть выходит он и смерти просит!

Не прошло и краткого мгновенья, как на зов явился воин мавров. Весь в броне сверкающий как солнце, шлем высокий, шпоры как ножи. Сабля у него – как полумесяц. Стройный конь ходил под седоком. Черный плащ на круп коня спадая, спину прикрывал от всех ветров. Гарцевал спокойно мавр пред строем, саблею играя на руке.

– Выходите, если кто посмеет, мавру Раму смертью угрожать! Лучший воин я из всей Гранады, средь Абенсеррахов нет сильней!

– Не хвались, покуда не изведаль силы русичей, поганый сарацин!

Те слова так громко прозвучали с фланга правого дружины Белозерской, где Андрей Мстиславич был главой. Но не он слова те храбры молвил. Расступились русичи, и в поле, выехал на белом скакуне, статный воин, полный силы сильной. У него в плечах сажень косая, бронь на теле, стрелы в колчане, щит огромный, длинное копьё и булатный меч привешен сбоку. На груди кольцо скрепляло крепко две полы от алого плаща.

– Я, Иван из роду Белозерских кузнецов, мне имя – Громобой! Трепещи поганых мавров племя!

Воины разъехались вдоль строев войска русичей и полчищ сарацин. Опустив копьё наперевес, изготовив щит для отраженья, поминая имя бога, каждый, дали шпоры своему коню. Понеслись навстречу, будто вихри, что родились в разных сторонах. Был один горяч, как дух пустыни, северной стрелой летел другой. Сотни тысяч глаз следили молча за

сближением боевых коней.

Сшиблись оба на излете ветра, копытами ударив в грудь врагу. Щит Ивана, вдребезги разбитый, еле смог удар остановить, двух вершков копьё не долетело до груди могучей богатырской. Но его копьё, ударив точно, вышло из спины бойца Гранады, лучшим называвшегося долго. Кровь рекой полилась изо рта воина, чей род – Абенсеррахи. Свет потух в очах, и рухнул воин, мертвый воин, славу потерявший.

И возликовала Русь святая: первый враг убит, победа с нами!

Общему желанью подчиняясь, двинул Вячеслав вперед полки. На ходу меч выдернув из ножен, устремил коня великий князь, Отера заметив перед всеми. Крикнул он:

– Пойди ко мне, собака, князя Новгородского убийца, ты получишь все, что заслужил!

Отер был не робкого десятка, ведь недаром Гомелов главою прозывался он в Гранадских землях. Своего коня боец направил прямо к князю, страха не питая. Вынув саблю острую из ножен, занеся ее над головою, бросился на князя сарацин. И его удар пришелся точно в щит дубовый, с гербом Солнцеграда. Силы сильной был удар исполнен, княжий щит рассыпался на части, и достиг плеча клинок булатный, в левое плечо поранен князь. Но в ответ своим мечом разящим князь по шлему Отера ударил, раскроив на части сталь дамасцев. Обливаясь кровью мавр заморский, в грудь ударил князя острием, но спасло зеркало Вячеслава. Изловчившись, князь ударил снова, и лишил он Отера щита. Снова бьет злодей заморский метко, саблю острую зубрит о броню, левый бок едва спасен от раны. Князь, схвативши меч двумя руками, силу всю свою вложив в удар, метит в голову злодею сарацину.словно в масло раскаленной сталью, мягко в шею княжий меч вошел, отделяя голову от тела, приводя к концу дорогу дней. Рухнул наземь сарацин безглавый, ровно в полдень смерть пришла за ним. Голова коням в копыта пала.

Увидав сию победу князя, ратники, рубившиеся рядом, все ликуют, радуясь отмщению и теснят сильнее сарацин. В центре завязалась буйна сеча. Мал Олегович там с мавром Иорнандом насмерть бьются, копытами разя. Вот сломались как тростинки копыта, вынуты из ножен враз мечи. Алабесов гордый предводитель, Иорнанд был храбрый сарацин. Не видал себе он в сечи равных, но силен и князь Рязанский Мал. Хоть и ранен был в Рязанской сечи Иорнанд стрелой каленой в ногу, это только злости добавляло, рубит мавр бесстрашно и до смерти. Оба бьются в диком иступлении, искр снопы и молнии мечей. Вот удар, но князь его ослабил, алый плащ пробит, но грудь цела. Он в ответ наметил сердце мавра, но доспех прочнейший помешал. Обозленный мавр в плечо ударил и пробил броню на месте том. Мал Олегович, залившись кровью красной, в шлем ударил, но не раскроил. Видя, что боец теряет силы, мавр утроил натиск на него. Вот уже бедро пробито князя, ранен в грудь и нет щита прикрыться. Сарацину только это надо. Изловчившись, острой мощной саблей в лоб ударил мавр, и смерть настала. Вот упал с коня и в луже крови кончил жизнь недолгую свою Мал Олегович, храбрейший князь Рязани. Дикий крик, подобный рыку тигра, возвестил о сей победе мавров. Воодушевились сарацины, в бой вступили новые полки.

Левый фланг удар их принял скоро, Волчья стая против сарацин. Свежей силой род Сегри явился, их ведет Лавритас в бой бесстрашно. Потрясая острой саблей лихо, он врубился в русскую дружину. Русичей уж несколько десятков смерти он успел предать, пока не встретил, на пути своем их князя Волка. Остромир Ипатьич был озлоблен, – лишь урон пока несла его дружина от мечей и копий сарацин. Размахнувшись, с лета булавою он ссадил Лавритаса с коня. Тот упал, но вскоре вновь поднялся, сабля вновь в руке его сверкнула. И от нового удара увернувшись, Остромира поражает в бок предводитель Сегри, мавр Лавритас. Кровь течет по острию клинка. Ранен сильно Остромир Ипатьич, но не просит у врага пощады. Вновь поднял он булаву высоко, сарацину смерть желая дать. Но принял клинок его вдохе, прямо в грудь, и с жизнью кончен счет. Мавры взвыли от удачи дико, Волчий князь повержен, он убит! И запела смерть с клинков слетая в груди ратных воинов Руси. Полдружины мавры перебили и они уже у самых стен.

Правый фланг держался крепко-стойко против втрое больших войск врага. Здесь дужары шли в атаку строем, издавая громко рык тигриный. Сзади их саршаров пели луки,

осыпая русских градом стрел, унося десятки жизней разом. Белозерцы били также метко, поражая сотнями дужар. Но когда сошлись враги так близко, *что стрелой уже нельзя разить*, в ход пошли мечи и дело (бой) жарко закипело с правой стороны. Перед всеми князь Андрей Мстиславич воинам своим примером служит. Сыплет он направо и налево острого меча удары точны. Руки, ноги рубит, крошит шлемы, весь забрызган кровию дужарской, бьет врагов Андрей Мстиславич храбро, не берут его мечи презренных. Наступают русичи за князем, в воздухе теснятся стоны, крики, жарко стало от нагретой стали, аж клинки от сечи раскалились.

Рядом с князем, лучше всех воитель, бьет врагов Иван, что Рама победил. Меч его сверкает, мечет искры, рубит мавров, но на нем ни тени, ни пятна от крови, нет зазубрин. Подивился князь сему оружию.

– Где же взял сей меч? – спросил Ивана.

– Десять лет ковал его я, княже, – отвечал Иван Андрею князю, – Днем и ночью, сна совсем не зная. Но теперь с таким оружием сильным, мне не страшен более никто!

И сказав, рассек на половины он дужара дюжего ударом. Те из мавров, кто увидел это, разбежались в страхе от Ивана.

– Видишь, княже, – молвил Громобой, – Он находит сам врагов и метит, я же волю для того даю!

И ударом новым трех дужаров, росту и сложенья не последних, он рассек почти одновременно. Вслед за тем еще троих отправил по дороге, на тот свет ведущей.

Наступает белозерцев рать. Белый лебедь на златистом солнце, уж мелькает очень близко к стану, где стоит собака Кабашон. Увидав сие, бросает быстро мавров властелин на битву с Русью новые и новые войска. Уж в кольце Белоозерцев войско, но назад ни шагу не ступило. Только выше вал из тел поганных сарацин, саршаров и дужар, все растет вокруг знамен Андрея.

На подмогу смятой Волчьей стае выступил с дружиной Патриарх. На коне, с мечом, сверкая бронью, врезался он в месиво врагов, каждый взмах его – прощанье с жизнью для проклятых мавров означает. Не сдержали натиск сарацины, обратили тыл они врагу. Трупам усеяв поле брани, отступили сотни их назад. Патриарх Викентий пуще бьется, насаждает снова на врагов. Левый фланг уже переместился далеко в пределы сарацин. Сей атакой поддержал он князя, Вячеслав рубился среди врагов, окруженный лишь дружиной малой, пали все, кто был вначале с ним.

– Ты, отец, за Русь стоишь упрямо, – ободрил Викентия сам князь, увидав его в пылу сраженья, – подивиться можно только силе, что явил сегодня ты в бою. Многим молодым того бы надо!

Знамя мавров рядом развивалось, нес его Мансур, из сильных ратник. Патриарх в толпу врагов врубился и мечом свалил с коня Мансура, грудь пронзив и знамя растоптав. Но желая князю дать ответ, упустил из виду он Урима, лучника, саршарского бойца. Тот, стрелу приладив к луку точно, взвизгнув тетивой, пустил в полет смерти весть для старца Патриарха. Покачнувшись вдруг отец Викентий, то стрела прошла ему сквозь сердце и упал на Руки Вячеславу, заливая кровью князю бронь. Разъяренный князь, догнав Урима, пригвоздил его к земле копьём, полумертвым бросил извиваться, словно гада мерзкого останки.

День уже кончался. Солнце село. Опустилась ночь, но бой идет.

Ночь проходит, наступает утро. Выходит солнце над горами трупов. Смерть большую жатву собрала. Пал от сабли острой Иорнанда Мал Олегович, рязанский храбрый князь. Остромир Ипатьевич пронзенный у городской стены лежит в траве, среди сотен ратников убитых. Подлая стрела из рук саршаров сердце Патриарха отыскала, на руках у князя Вячеслава с миром попрощался он навеки. Кроме них, уж боле половины, нету войска русичей в живых. Как ковер, устлали поле люди, жуткий из кровавых тел ковер. И везде торчат обломки копий, грудь пронзивших, или острые мечи, пригвоздив к земле останки трупов, некогда цветущий вид являвших, добрых молодцев со всех концов Руси. Но и

маврам тут досталось крепко. Первым Рам убит на поединке, Громобой его сразил копьем. И рукой своею князь Великий Отера-злодея умертвил. Почитай, уже две трети мавров и саршар, с югордами, покрыли черными телами весь простор, поля необъятного пред градом, что навек в предания записан, имя сему граду – Солнцеград.

Но еще не завершилась битва. Вячеслав собрав бойцов покрепче, двинулся на выручку Андрея, брата своего, одной с ним крови, что врагами был обложен крепко, но сдаваться вовсе не желал. Далеко уже виднелся лебедь, что плывет вперед на фоне солнца, значит, жив еще Андрей Мстиславич. Но в ответ на это Кабашон тотчас бросил войско между братьев, чтобы им не дать соединиться. А полки повел вперед Лавритас, дикий мавр, убийца Остромира, что удар Викентия не принял, отступил, сразится не рискнув. Гневно Кабашон его за это отбранил и снова в бой бросает, чтобы славу возвратить былую. И поднявши острую сталь Лавритас, устремил коня на Вячеслава. Да и Вячеслав его приметил. И схлестнулись оба на мечах.

А второй отряд бесстрашных мавров в бой повел тот Гарусом завомай, предводитель рода Альморади, имя коих наводило ужас. Словно смерч, они ворвались в сечу и пробили брешь в рядах Андрея, уничтожив витязей немало. Сам же Гарус близко уж к знаменам, где Андрей Мстиславич находился, рвется он вперед, и смерти жаждет для главы бойцов Белоозерья. И узрел его Андрей Мстиславич, поднял тяжкий меч, коня пришпорил, принял вызов и вперед рванулся. Зазвенел, скрестившись, меч булатный с саблей вострой в близком поединке. Сходу бьет Андрей Мстиславич метко и пробит доспех, плечо прикрывший Гаруса, начало Альморади. Истекая кровью Гарус страшный, уязвил Андрея в грудь ударом и погнул зеркало самое. Разъярившись, князь своим ударом щит разнес на тысячи частей. Оказался без защиты Гарус и, схватив покрепче свою саблю, на шелом удар обрушил страшный, оглушил он князя Белозерцев. Покачнувшись, тот упал на землю, пал с коня на травы луговые.

Гарус ликовал неизмеримо и велел своим двум верным слугам князя бездыханного доставить Кабашону на потеху злую. И уже они взялись за дело и веревки крепкие достали, – вдруг как будто туча заслонила солнца свет над головами мавров. Но не туча то была огромна, то Иван, что прозван Громобоем, поспешил на выручку Андрею. И не солнце снова засияло маврам, – то огромный меч Иванов засверкал – обрушился – и обе головы одним ударом снес. Увидев сие убийство, Гарус подскочил к нему, и мощной саблей, сидя на коне его ударил, ибо пешим был Иван тогда. Но разбилось вдребезги оружие, лишь коснулось острия меча.

Подивился Гарус силе крепкой русского оружия, но не долго, Громобой с плеча ударом мощным голову коню его срубил. Рухнул оземь труп коня безглавый, Гаруса залив животной кровью, в стремени нога бойца застряла. Подступил Иван к нему поближе и в глазах его увидел ужас, смерти страх и жизни пожеланье. И сказал ему бесстрашный воин:

– Тех, кто пал, мечом я не увечу. Ты пойдешь в полон, рабом нам будешь, раз хотел увести Андрея князя, место себе сам измыслил ноне.

Повернул спиной к нему воитель, но не ведал подлости и страха, обуявших сердце сарацина. Для него полон был хуже смерти. Вынув нож, на поясе висевший, он метнул его Ивану в шею. Но хранил Ивана ангел с неба, он спиною острую сталь почуял и нагнувшись, избежал удара.

Обернулся Громобой мгновенно, молнии газа его метали.

– Если смерти хочешь, ты, собака, получай ее тогда немедля!

И занеся меч высоко в небо, голову отсек он сарацину. В то мгновение князь уже очнулся, и узрев сие сражение, молвил:

– Жизни я сейчас чуть не лишился, и за то, что спас меня ты, воин, после битвы этой жаркой вспомни: князь Андрей – должник тебе навеки!

В ту минуту в малом отдалении, бился Вячеслав, Руси владетель, с Сегри предводителем сильнейшим, имя что носил Лавритас дерзкий. Оба бились не на жизнь, а на смерть. Князь за Русь, а мавр поживы ради. Сабля острая свистела словно вихрь, нанося

удары Вячеславу в грудь, в плечо, бедро или по шлему. Уж доспех весь князя изувечен и помят от тех ударов сильно. Но и мавр не свеж уже далече. Грудь в крови его, плечо пробито, держит щит пораненной рукой. Но от ран он только распался, ярости своей давая ход. Следующий удар его по шлему Вячеслава был мощнейшим самым. И распалась надвое защита, что ковали десять кузнецов. И еще удар нанес Лавритас, уязвив в плечо Руси владельца. Князь в ответ его ударил в руку и проткнул ее, лишив щита. Взвыл Лавритас, кровью истекая. Князь собрал все силы вместе, меч подняв, занес над головой и ударил Сегри по шелому, раскрошив его на сто частей. И теперь уж оба без шоломов, ветру подставляя волосы, и в глазах живет упрямость сердца, страха нет, – его заменит ярость. С раненых коней спустились оба, нет щитов уже давно у них, и доспехи боле не спасают, все в крови жестокие бойцы. Крепче сжав мечи, друг против друга став, дышат тяжело, готовясь к смерти. Их уже никто не остановит.

Вдруг вдали раздались боевые крики, огласив окрестности холмов. то ударила засадная дружина, в бой вели ее богатыри. И они спешат на помощь князю. Но неожиданно войско Вельямира, что последним шло в полку засадном, вдруг напало сзади на бойцов и рубить их стало подло в спину. Многих умертвил их князь-предатель, но Дубыня и Усыня тоже, тут оборотились в тыл обратно и схлестнулись с войском киевлян. Начал бить Дубыня-богатырь всех предателей своею колотушкой, – десять в раз валил одним ударом. А Дубыня их косил мечом, словно травы, что свой век отжили. Понял Вельямир, что дело худо. Не побить ему себе на пользу, а Руси на смерть, вот это войско двух богатырей, любимцев князя. Огляделся он вокруг, да все без толку: справа лес, но перед ним стеною витязи стоят, Руси опора. Слева сеча, сеча впереди, к маврам не прорваться сколь ни бейся, сзади стены, а на них охрана. Взвыл, как волк, убийца и предатель. Понял, что конец его пришел. Не сидеть теперь уж на престоле, как хотел, не пить их злата кубка, не пытаться ему богатырей! Все напрасны смерти оказались!

Близко машет палицей страшенной, тот кого Усыней прозывали. Вот один упал перед ним воитель, вот второй из киевской дружины. Вот и Вельямир, Руси предатель. Размахнулся богатырь и, что есть мочи, угостил его по шлему крепко. Раскололся тот на многи части, голову снесло и размозжило Вельямиру, словно тыкву с гнилью. Рухнул он и умер, как собака, что мечтала съесть кусок хозяйский. Полк засадный снова вспрыгнул духом, и, покончив с киевской дружиной, ринулись они на сарацин.

Князь Великий бьется с сарацином, из породы Сегри мавританской. Повинуясь сердца повелению, что в груди со всею силой бьется, размахнулся Вячеслав, что было силы, и руки Лавритаса лишил. Полплеча удар тот страшный вырвал, и, казалось, – воину конец. Но последним страшным содроганьем, тела, что почти уж было мертвым, поражен был в голову Великий, князь Руси, поднявшейся на сечу. Пал он ранен, кровью истекая. Рядом умер сарацин Лавритас.

Увидав сие злодейство мавров, содрогнулось воинство Руси. Вячеслав, надежда и опора русичей на всей земле славянской, словно мертв лежит в траве высокой. Многие решили, что убит. И смеются вороги, бахвалясь. Хохот Кабашона всеми слышен. Всколыхнулось словно море войско, русичей, еще, что были живы. Вздрыгнул скакуна Андрей Мстиславич, меч над головой поднят высоко:

– Князь убит, так смерть же Кабашону!

Все сметая на пути движенья, атакуют русские полки, или горстка, что от них остались. Тут с холмов ударила дружина, что ведут на бой богатыри. И качнулся мавров строй блестящий, разлетелись словно воронье. То махнул Усыня колотушкой. Рядом меч Дубыни косит мавров, сотнями ложатся те под ноги.

– Бейте, братья, их за князя Вячеслава! – услышали вдруг богатыри, крик, что с поля брани раздавался, с дальнего его конца лесного.

– Чую я, знакомый это голос, – произнес Усыня-богатырь, сияясь разглядеть того, кто крикнул. И узрел он, как по полю битвы движется на мавров богатырь, занес над головою длинный, острый и разящий, меч булатный. Вот ворвался он в толпу югордов и одним

ударом сотню вывел, а вторым, оборотил их в бегство. И погнал всех прочь от града солнца.

– То ж – Горыня, третий богатырь!

Увидав такое прибавленье к силе русской, войско ликовало, и уже никто не мог победный ход его бойцов остановить. Видя из шатра сию победу, Кабашон призвал на помощь нечисть. Бросил в бой нечистой силы войско, стаи черных коршунов крылатых. Сразу изменилось поле битвы. Будто тучи небо заслонили и пропало солнце в темноте, то ведя войска свои на битву, в небо взмыл злодей породы лютой, Эрманарихом – звериный царь. И поднявшись в небо голубое, остроклювых птиц собравши в стаю, бросил вниз он рать свою всю разом, рвать, терзать и смерти предавать. Словно дождь она на войско пали. Лязгают о бронь стальные клювы, когти рвут доспехи будто ткани. Пали добрых русичей уж сотни, и убийству не видать конца.

Тут Усыня рать свою построил и велел им луки снарядить. Встали в ряд стрелков две сотни лучших, паклей стрелы быстро обмотали, запалили все сии орудья и послали коршунам ответ. Загорелось небо в Солнцеграде, коршунов объял огонь великий. И они спасаясь в диком страхе, сей огонь на крыльях унесли в лагерь свой, и запылали станы. Но еще парил над полем грозно, крылья распластав по ветру смело, самый сильный коршунов воитель, сам злодей – царь Эрманарихом. Голову его венец венчает и блесит на солнце как огонь. Для него совсем не страшны стрелы. Он в ответ метает словно копья, молнии, ветвистые как древо. Тыщи их с небес на войско пали, умертвляя лишь прикосновеньем. Увидал царя Горыня смелый и кричит ему что было мочи:

– Опускайся, злая тварь, на землю, я хочу с тобою расквитаться! Видишь, жив еще Горыня-воин!

Эрманарихом бойца заметил, подивился мощной силе жизни, что в Руси бойцах имелось много. Молнией в ответ ударил с неба, поразить насмерть его желая. Но Горыня увернулся ловко и поднявши меч, кричит злодею:

– Слаб ты, я смотрю, меня боишься! Наземь опуститься ты не сможешь!

Разъярился царь зверей крылатых и на землю камнем с неба рухнул, став, чернее ночи черной, обратившись воином ужасным. Меч в руке когтистой лишь сверкает.

– Вот настало время нам сквитаться, – молвил богатырь и вдруг ударил Эрманарихома он с размаху. Но не знал Горыня, сколь тот страшен.

Как скрестил боец свой меч булатный с саблею сверкающей царевой, то оборотился сразу в камень, не спасла на сей раз бирюза. И раздался хохот над землею, расколовший небо звуком сильным.

– Мы теперь с тобою расквитались на века, прощай, Горыня-воин!

Увидав сие злодейство мага, воины Усыня и Дубыня, подскочили к месту битвы быстро, и мечи подъяв, остолбенели. Ибо, пораженные злодеем, так же как Горыня, стали камнем. И все пуще хохот раздается, рушатся деревья, корнем кверху. То ликует черный царь звериный, радуясь победе над врагами.

– Не спеши, собака, похваться, русичей не всех еще повывел!

Обернувшись, царь увидел рядом молодца из русичей дружины. Тот стоял, уткнув оружие в землю. И когда глаза из повстречались, молвил воин:

– На-ка вот, отведай, этого гостинца для поганных! Сорок лет он ждал с тобою встречи!

И сверкнул на солнце меч разящий. Вспомнил царь, покуда резал ветер, меч ему на голову наметаясь, колдуна последнее сказанье: «От руки умрешь ты богатырской, от меча, что сорок лет ковали. Против этого не властны будут чары». Прекратился хохот над полями, ветер стих, и дрогнула земля. Умер царь, а с ним и сотни тысяч остроклювых чернотелых птиц.

Князь Андрей, собравши под знамена, русичей остатки войск, направил тотчас всех на лагерь Кабашона, чтоб скорей предать собаку смерти. Русичи ударили всем миром, разметав заслоны сарацин. Смяли мавров, вместе всех югордов, и саршар презренных, и дужар. И уже узрел Андрей Мстиславич холм высокий и шатер на холме. У шатра стоит и сам воитель, рядом с ним моложе виден воин. Кабашон воздел уж руки к небу и кричит ему ужасным

криком.

И случилось в мире наважденье. Раздался страшный грохот в поле, ветер взвыл, и тучи понеслись. Солнце скрылось, мгла накрыла город. Из тумана вдруг на свет явились девять змеев, змеев-исполинов. Каждый был двенадцатоголовый, чешуей из брони весь покрыт. Закружили змеи те над градом и огня пускали мощны струи прямо в крыши домов Солнцеграда. Был из древа град построен русский, кроме стен от ворогов хранивших, и запылал он в миг короткий, улицы объял пожар великий. Языки огня лизали дома, кузницы, конюшни с жеребцами, погреба с едой, купцовы лавки, церковь, и на холме – княжий терем. На резном балконе наблюдали, как отец и муж их бьется смело, Ксения и мать ее родная. Охватил огонь весь княжий терем и сгореть они готовы были. Лишь молитва им была утехой.

Повернули русичи полки, бросились спасать родимый город. Стали стрелы тыщами метать в змеев, многоглавых исполинов, копыя в них летели, но без толку. Те, в ответ дыхнув огнем пожарче, витязей сжигали многи сотни. Тут явился из пучины воин, великан, величины огромной. Никанор – зовут его преданья. Сквозь огонь и дым он шел бесстрашно. Голова его в шеломе крепком упирался прямо в сине небо, за копьё его цеплялись звезды. Конь чрез лес ступал, как через травы. Закружились змеи, заматались. Завязалась битва в небе жарком.

Вдруг из дыма взвился в небо коршун и стремглав понесся в терем князя. Подлетевши, он схватил царевну и поднял ее на небеса. Сколь стреляли вслед ему, все мимо, – стрелы не летают так высоко. Лишь заметить русичи успели, что понес ее проклятый коршун в сторону запретную от веку. Та страна далека и ужасна, и лежит за самым краем мира, имя ей известно – Йотунгейм.

Часть вторая. Восток и Запад

Глава 1. Снежные горы

Высоко в горах, где лежат не тая вековые снега и рушатся вниз никогда незамерзающие потоки, где снежный барс – хозяин, а человек – нежданный гость, соприкасаются краями два разных мира, образуя невидимую глазом границу. Воздух в том месте над горами становится упругим и сгущается до невиданной густоты, так, что ни одна птица, сколь бы сильна она не была, и сколь высоко не поднималась бы в небо, не может перелететь через эти горы, что зовутся Снежными. Над горами стоят стеной облака, но ни один порыв ветра не сможет сдвинуть их с места, ни один ураган не заставит их разорваться и расползтись по бесконечному небу мелкими стайками, потому что облака те сделаны из разного времени и неподвластны никому. Здесь, на невидимой границе, кончается мир людей из земель полунощных, и начинается совсем другой мир, в котором никто из них никогда не бывал, если его не забросила судьба сюда чудом и повелением великой Неизвестности. Здесь кончаются дороги одной жизни, и начинаются дороги другой. Здесь смерть и жизнь часто меняются местами и невозможно разобрать что за чем следует и откуда истекает. Здесь пристанище тех, кто не знает куда идет и все дороги для них начинаются за Снежными горами, а где они кончаются – узнать невозможно. Здесь начало начал, здесь грань, здесь вечная середина пути, здесь – Йотунгейм.

Снежные горы велики. Они тянутся с далекого юга мира, пересекают насквозь его середину и исчезают во льдах севера. Никто не знает, где их начало и есть ли у них конец. Никто не смог пройти вдоль них или обойти, ибо они бесконечны, никто не смог их преодолеть, ибо они неприступны. Никто не знает, что за ними укрыто, и потому предполагает то, что желает видеть. Обитатели земель полунощных видят там отчизну ужасов и чародейства злого, жители земель знойных – пристанище бессмертных ифритов. И то, и другое – правда. И те и другие знают, что за снежными горами спрятаны несметные

сокровища и клады, блеск которых помрачает умы, но никто и никогда еще не смог туда проникнуть и оттуда вернуться, сколь не пытался.

Снежные горы не пускают к себе тех, кто в них не нуждается. Когда кто-то из людей пытается к ним приблизиться, – они начинают извергать в небо огонь и пепел, засыпая дорогу идущему раскаленными камнями, вздыбливая на его пути неприступные преграды, разламывая трещинами землю, так, что никто еще не смог приблизиться к ним ближе десяти дней пути. В окрестностях снежных гор растут сонные травы и целые рощи сонных деревьев, в которых многие сотни странников и охотников за невиданными сокровищами нашли свой последний приют и вечный покой дурмана. Из-за преград таких близко от снежных гор не живет никто и нет там никаких зверей, кроме земляных червей и змей, сну неподвластных. Лишь изредка наведываются сюда голодные стервятники с южных окраин земель полунощных, поглотить кости алчных путников и, наевшись досыта человеческой падалью, улетают к себе в гнезда до следующего раза. Но так было не всегда.

Последний раз приходил с южной стороны к Снежным горам караван купца Али ад-Дауда, жителя земель знойных и отдаленных. Много в нем было смелых и сильных воинов, много бесстрашных и ловких купцов, все были готовы найти путь через Снежные горы в заповедные земли. Всеми, в караване том, владела жажда сокровищ невиданных, но сто крат умноженных в мечтах воспаленных. Готовы были путники не есть и не спать по много дней в пути своем, лишь бы отыскать тайную тропку через высокие хребты. Но лишь только приблизились они к Снежным горам на двадцать дней пути, как вдруг задрожала земля под копытами лошадей и верблюдов, покрылась трещинами огромными и стали те трещины расти на глазах, превращаясь в пропасти глубины неизведанной. А из трещин тех огонь вырвался языками жаркими. Оказался караван словно посреди пожара подземного. Многие путники, среди которых был купец из Дамаска Ахмед Гули и воины его верные, попадали в трещины вместе с конями своими, оружием и товарами. Даже пепла от них не осталось. Также погиб и купец Бедр Аль-Бустани из города Басры, со своими людьми. Остальные путники чудом спаслись, успев проскакать меж трещин и языков огненных вперед, и скакали они от страха еще два дня без остановки. На второй день скачки снова разыгралась земля предгорная и трещинами разверзлась, поглотив людей купца Хикмета, а затем вдруг с небес высоких посыпались раскаленные камни на головы путникам, скачущим в страхе великом. Оставляя в небе следы черные от дыма и копоти, обрушились те камни на головы несчастные воинов купца Заура, а с ним и купца Хакима, умертвив их на веки вечные.

На третий день скачки без сна и отдыха прекратили падать с неба раскаленные камни и земля предгорная успокоилась. Остановились лагерем люди из каравана Али ад-Дауда около леса красоты невиданной, за которым уже виднелись невдалеке Снежные горы, и пересчитали тех, кто в живых остался. Не много их было. По счастливому случаю выжили только лишь несколько человек из людей купца Назира, да сам Али ад-Дауд со своими охранниками верными. Решил хитрый Али, что позади уже все невзгоды и, раз Аллах послал ему спасение, то за лесом непременно должна быть тропа в горы заповедные, где ждут его сокровища, которых даже султан не видывал. А зачем делить сокровища с ближним? Когда настала ночь темная, напали воины коварного Али ад-Дауда на горстку людей купца Назира и всех их лишили жизни. Обрадовался купец Али, уже руки потирал в ожидании золота, что ему одному достанется, но не успел он на рассвете дня следующего вступить в лес с людьми своими, как упал на землю и заснул Али ад-Дауд и воины его сном глубоким, от которого не было пробуждения. Так проспали они до тех пор, пока не истлели тела их и не почуяли дух тот стервятники, слетевшиеся на пир скоро.

А с окраин земель полунощных много лет тому назад шел в Снежные горы за поживой отряд пермяков. Вел их купец Севастьян Широкий с дружкой своим Аретемием Кургузым. Оба мужики здоровые и головастые, до земель новых неизведанных, кои присвоить можно, да до богатства сильно жадные. Людишки с ними подобались похожие, все больше лихие, к странствиям и скитаниям по большой дороге привычные. Таким, что соседа жизни лишить, что в Северные горы сходить, все едино. В дали далекие идти хоть и страшнее во много раз,

но зато страсть как интересно. А по лесам безвылазно сидеть, купцов поджидаячи, скучно. Охота, она как говаривают, пуще неволи. Вот и подрядилось народу лихого немало к Севастьяну с Артемием в подможники и охранники от напастей всяких. А те хоть и купцы вроде, да сами пограбить кого не дураки, а иначе на Руси жить трудновато получается.

Снарядили Севастьян с Артемием множество коней добрых, запасли еды, да оружия. Народу пермяцкому сказали, что идут де искать пути торговые в далекие горы Снежные. Посмотрел народ на них, как на покойников, и пожелал пути доброго. Наслышаны были пермяки о Снежных горах. Сказывали, что есть за ними богатства и клады драгоценные, только путей туда отродясь никто не знал и живым из походов таких не возвернулся, ибо нечисти водилось там не меньше, чем злата и камней драгоценных. Но Севастьяна с Артемием это не отвало, ибо отчаянные мужики они были, да жадные, хоть и жить хотели не меньше других.

Шел отряд купеческий так через поля широкие и леса дремучие дни многие, через зиму прошел и через лето знойное, много рек глубоких позади оставил с берегами скалистыми и пришел, наконец, почти к горам, что в небо упирались своими вершинами заснеженными. По пути им немало хищников повстречалось, да только ничего такого, что раньше не видали они и сейчас не встретили, а волки клыкастые, да тигры полосаты – то нечисть знакомая, от нее и отбиться можно. Вышли пермяки из леса последнего, на берег реки темноводной, что отделяла их от хребтов горных и порешили, что видать это и есть горы Снежные, потому как выше они в своей жизни ничего не видавали.

Устали они сильно в походе этом и надумали в тот день отдых дать ногами своим стоптавшимся и коням исхудавшим, коих едва не съели по дороге. Повалились пермяки на землю и заснули от усталости сном крепким, так и проспали до самой ночи. А как наступила ночь темная, повылазили из реки той на берег здоровенные рыбыны с чешуей блестящей о шести лапах когтистых и набросились на людей спящих. Вонзали они в шею человечьи свои клыки острые и тащили на дно глубокое в воду темную. А самая малая из тех рыб была с коня пермяцкого величиной, потому и коней поели всех рыбыны ужасные. Севастьян с Артемием проснулись от криков диких в ночи, запалили факелы, схватились за топоры, и отбиваться стали от нечисти доселе невиданной. Одну рыбу десять раз топором ударили, да только чешуя у нее словно из брони была, топоры все отскакивали. Спасло их только чудо нежданное. Увидав огонь, рыбыны, жившие в глубине темной и по ночам на землю выходившие, в воду все бросились, ибо не переносили света яркого.

Так спаслись от них Севастьян с Артемием, да только не в радость им это было. Ибо поутру осмотрели они место ночевки своей и никого из людей своих не нашли, только двое их осталось на берегу окровавленном, где руки и ноги человечьи валялись повсюду, да оторванные конские головы. Еды у них не было никакой, да и коней теперь не стало. Но порешили Севастьян с Артемием дальше идти и, чтоб ни случилось с ними, найти проход в горы Снежные, или сложить здесь свои буйны головы. Назад идти они не пожелали.

Стали купцы искать обход той реки темноводной, где рыбыны водились кровожадные шестилапые, и еще пять дней без сна шли на север в верх по течению. На шестой день вышли купцы к мосту каменному, который показался им делом рук человеческих, ибо вырублен был из камня. За мостом сразу лес начинался, сквозь кроны деревьев кряжистых которого ни один луч солнечный пробиться не мог, отчего темным лес казался. Странно было все это, но делать нечего, – вдруг людей каких незлобливых в том лесу отыскать можно будет – чем леший не тешится.

Первым на мост Севастьян ступил и перешел на берег другой без приключений, но на всякий случай топор держал в руке крепко. Следом за ним Артемий пошел и вдруг подломился под ним мост каменный, рассыпался на глазах на мелкие камешки, и в реку темную рухнул. Еще не успел заглухнуть крик Артемия несчастного, как показались над водой плавники серебристые и замутилась вода кровью русской. Тут услышал Севастьян за своей спиной рык громкий и обернувшись от страха обмер – выскочил на него из леса медведь бурый, с трех обычных медведей ростом. Глаза лютой злобой сверкаю, лапы с

когтями-саблями поднял вверх, да как ударит ими Севастьяна – топор в щепки разлетелся, а сам купец на спину упал и кровью залился. Схватил его медведь-людоед и разорвал на части мелкие. Обглодал зубами острыми кости и бросил ошметки рыбам в реку. Так что стервятникам и не досталось ничего на том пиру кровавом. Здесь и закончился поход пермяков в горы Снежные.

Хранили те горы тайны свои крепко от любого человека, кто бы ни был он и откуда бы не пытался в них дорогу найти. Упрямых карали жестоко. Умирили охотники до соковок многими тыщами по всем окрестностям Снежных гор от знойных земель до северных, плодя славу их страшную. И было так заведено от веку. Но вот однажды показался со стороны земель полуночных огромный коршун, что нес в когтях своих сильных ношу странную. Пролетел он через все земли славянские и ничейные, приблизился уже к горам Снежным. Всех, кто достигал того места считали уж мертвыми, но никто не преградил ему путь, никто не напал на него в то мгновение. Достиг скоро коршун черный с ношей своей гор высоких и летел уже в облаках огромных, что состояли из времен разных. И вдруг расползлись те облака, что не может сдвинуть с места ни ветер сильный, ни ураган жестокий, пропустили коршуна в глубь земель неизведанных, и сомкнулись за ним плотной белой стеной. Для всех, кто жил с этой стороны снежных гор ничего в течении жизни не переменялось. Но по иному пути потекла жизнь для того, кто преодолел горный хребет.

Парил коршун черный над горами заснеженными распластав по ветру свои мощные крылья. Поворачивал голову свою с острым клювом и глазами зоркими в разные стороны. А как перемахнул он через хребет первый, открылась взгляду его невиданная страна, укрытая облаками. В разрывах тех облаков, за границей высоких скал, виднелись далекие пологие земли с бескрайними лесами. Но силы коршуна были уже на исходе из-за ноши, тянувшей вниз. Стал искать он глазами зоркими место безопасное и увидел его скоро на склоне горы, редко поросшей короткими кряжистыми деревцами. Там, на краю небольшого водопада, находилась широкая расщелина, укрытая от ветра. Устилавшие ее дно плоские камни поросли мхом, который нагрет был солнечными лучами. Сюда и опустил бережно свою ношу коршун.

Непростая то была ноша, не лань – добыча охотника, не птица меньшая, то была девица молодая красы невиданной. Лежала она без чувств на камнях замшелых, волосы свои разметав, и казалась мертвой. Лишь грудь ее слабо вздымалась под сарафаном, выдавая теплившиеся в измученном теле остатки жизни слабой. Коршун же, едва коснулся камней своими когтями, вдруг оборотился юношей с лицом смуглым и станом крепким, окутанным одеждами, что носят в землях знойных. То были Арсен и Ксения.

Встал Арсен на краю водопада, что уносил свои воды холодные вниз в долину, сложил руки на груди, взгляд в воду бегущую впери, призадумался. Сам еще не понял Арсен, что случилось с ним за последние дни. Казалось, еще мгновение назад был он в пылу битвы с русичами, рядом с отцом стоял, жаждал сам сразиться с витязями, и вдруг словно затмение случилось с разумом его острым, будто ифрит помутил его своим колдовством. Увидел он терем князя русского, пламенем объятый, а в нем девицу, что песню пела ночью памятной и без слов та песня понятна была. И случилось с ним в тот миг наваждение – обернулся он коршуном быстрым и бросился в терем русичей спасти девицу. А как вытащил ее из пламени, вдруг понял, что проклят отцом своим навеки будет за поступок этот. Только смерти всем русичам жаждал Кабашон, а сын его Арсен спас девицу русскую от смерти неминуемой. И теперь мог отец убить его самого по закону земель знойных и своему желанию. Но сам Арсен того не желал. Бросился он куда глаза глядят, в ту сторону, откуда никто из воинства мавританского не мог происходить родом и летел не переставая много дней и ночей, так много, что сбился со счета. А на исходе одного из дней вдруг почувствовал Арсен, что не сам выбирает дорогу он, будто кто-то из духов бестелесных направляет полет его крыльев мощных. И не знает Арсен куда летит, но кажется ему, что другого пути все равно у него не осталось и не противится, будто чувствует сердцем все наперед. Так принесли его крылья к самым Снежным горам. А что дальше будет – никому неизвестно.

Поглядел Арсен на девицу, что лежала на камнях замшелых, словно бездыханная, и защемило сердце его. С тех пор как впервые увидал ее Арсен на балконе терема резного, не стихала в нем тоска глухая природы неизведанной. Вспомнил Арсен предсказание Зувейле, дочери невидимого султана Бендина из Золотого города мастеров. И почудилось ему, что сбылось предсказание.

Тут очнулась Ксения из забытья и глаза раскрыла. Видит небо синее над собой с облаками высокими. Смотрит на него и понять не может, где очутилась она и что с ней приключилось. Помнит только, что умереть уж готова была в жарком пламени рядом с матушкой, да только вдруг налетела на нее птица черная, схватила когтями своими и в небо унесла. Так жутко Ксении тогда сделалось на душе, что лишилась она чувств от страха великого. Только, где же теперь она и где птица та огромная, что унесла ее несчастную?

Подняла голову Ксения, отодвинула рукой волосы длинные со лба и присела на краю камня замшелого. Нелегко ей это вышло, тело словно задеревенело все и почти не слушалось. Обвела она взглядом расщелину каменную, повернула голову на шум воды низвергавшейся и от страха чуть не вскрикнула – стоял на краю пропасти спиной к ней воин смуглый в одеждах кабашиновых извергов. Испугалась Ксения, бежать хотела, видно в плен ее унесли лютые враги, но силы последние ее вдруг покинули и снова провалилась в забытье она. А как очнулась, то и делать что не знала. Воин тот по прежнему на краю пропасти стоял и смотрел вниз на воду, скрестив руки на груди. Видать, измышлял что сотворить со своей невольницей. Пошевелила Ксения осторожно руками, понемногу к телу изможденному чутье возвращалось, и вокруг осмотрелась сызнова. Акромя одного воина в лощине каменной более никого не виделось из кабашиновых слуг. И решила вдруг Ксения в отчаянии, что бежать сможет от них, – все равно ей в неволе не жить! Шум воды падающей шаги заглушит, а сарацин единственный на самом краю стоит, в трех шагах от нее, и от толчка несильного сорвется в пропасть бездонную.

Ксения сейчас хоть и слаба была, но ярость в ней к убийцам людей русских уже народилась немалая. Собралась она с силами, вскочила, и бросилась к сарацину, руки вперед вытянув. Но услышал тот звериным чутьем движение за спиной своей, обернулся мгновенно, поймал руки Ксении своими, сжал их словно когтями железными, и отбросил в сторону. Упала девица к ногам его, но встретились пред тем на мгновение глаза их, и вдруг, будто вспышка огненная перед Ксенией полыхнула – показалось ей, что стоит пред ней оборотень, тот самый коршун, что унес ее из дома родного. Отпрянула назад она, а сарацин стоит не шелохнется, только смотрит на нее взглядом пронзительным, от которого мурашки по коже бегают. Не выдержала Ксения, закричала истошным голосом:

– Все равно не стану жить у вас в неволе, смерть приму, но не стану!

Усмехнулся сарацин и вдруг молвил на ее родном наречии:

– Не в неволе ты, несчастная. Никто тебя не пленил и я тебе не хозяин.

Удивилась Ксения не словам сиим, а всего более тому, что молвил их сарацин неизвестный на наречии русичей, словно сам из них происходил родом. Но недолго дивилась она тому, страх снова окутал мысли. Порешила Ксения, что духи злые украли ее и унесли к себе в царство. И пред ней один из них.

– Кто ты? – спросила она наконец едва слышным голосом, – и откуда знаешь язык наш?

Шагнул вперед сарацин, а Ксения попятилась еще дальше к камням замшелым.

– Не походи ко мне, – молвила она шепотом и перекрестилась, как учил ее патриарх Викентий – И если ты – дух злой, убирайся к себе восвояси, оставь меня!

Остановился воин мавританский, но от знамения крестного не исчез из глаз. Тогда Ксения схватила камень острый, что под рукой оказался, и швырнула его в голову сарацину, ибо думала, что убить ее хочет злой воин. Увернулся сарацин от камня летящего, но не кинулся на нее и не зарезал в ярости саблей своей, что на боку висела. Даже не дотронулся до нее, только крикнул, словно в отчаянии:

– За что ты убить меня хочешь, ведь не сделал я тебе недоброго!

Вскочила Ксения и в ответ ему крикнула:

– Если не дух ты, то сарацин поганый! А пришли вы на нашу землю чтобы убивать народ мой от злобы великой! И убили многих уже.

Опустил голову сарацин и сказал тихо:

– Правда твоя. Из далеких земель пришел я на вашу землю по приказу отца моего. И убил я в бою многих русичей, но не столь многих, как хотел отец мой. А твоей смерти и неволи я не хочу. Иначе не спас бы тебя из терема горящего, сделавшись коршуном черным.

Снова подивилась Ксения словам сарацина молодого. Вспомнился ей вечер тот давний, когда пела она песню от грусти великой на балконе терема резного и вдруг увидала на крыше соседней черного коршуна с глазами блестящими. Испугалась она сильно вида его, закричала. Ранили коршуна тогда ратники княжеские в крыло стрелой каленой, но улетел он, вырвавшись. Только пятно кровавое и осталось. Посмотрела Ксения сызнова на сарацина и ярость ее притупилась малость самую, хоть и стоял пред ней враг из лютых самых для русичей. А он, меж тем, говорил ей далее:

– Не страшись ты меня от того, что могу обращаться в коршуна, – не дух я, хоть и обучен магии с лет молодых. А зовут меня Арсен-храбрый. Языка русичей никогда раньше я не слышал в жизни своей, говорю с тобой на родном наречии пустыни знойной. Я не знаю, почему понимаешь ты слова мои все. Может быть духи этой земли хотят, чтобы мы смогли говорить с тобой на одном языке.

Осмотрелась Ксения по сторонам снова, но узрела лишь горы высокие кругом, коих отродясь не видывала в своей стране, и молвила со страхом и болью:

– Где моя матушка с батюшкой, в какой стороне? Живы ли? Что с народом моим. Где сама я сейчас, куда ты унес меня, оборотень проклятый!?

Поднял голову Арсен к вершинам снежным и ответил с грустью:

– То и сам я не знаю. Отныне, жизнь моя мне не ведома.

Глава 2. Скит волшебника

Так сидели Арсен и Ксения время немалое в тишине наступившей меж ними, лишь вода низвергалась на дно теснины горной, нарушая молчание. И казалось им, что остановилось время в мире окрестном. Вдруг спросила Ксения голосом тихим, но твердым, будто сама с собою говоря:

– Если мы сейчас где неведомо, что же делать мне горюшечке на чужой стороне. Как дойти до дому родимого, да и где он, узнать надобно. Зачем ты здесь со мной, сарацин? На погибель и позор мой послан ты. Кто же примет меня теперь на родной сторонке, что матушка с батюшкой скажут...

Посмотрел на нее Арсен взглядом пристальным и ответил:

– Я унес тебя из родимых мест, потому что преданы огню они были. Вместо дома твоего сейчас лежит уж пепелище одно. Никого из сородичей твоих в живых не осталось. Не пощадил их отец мой. Да и мне теперь нет назад возвращения, потому что пошел против воли его. Потому унес я тебя куда глаза глядят. Но привела меня сила неведомая в эти горы дальние и неизведанные. Не спроста все это случилось. Обратился я здесь из коршуна в человека, а обратно в коршуна больше нету мощи и силы превратится. Колдовство мое здесь пропало – не могу я тебя отнести обратно. Да и если смог бы, то не сделал бы того по своей воле, потому что ты мне была предсказана.

Взглянула на него Ксения глазами испуганными и заплакала слезами горькими. Украл ее из дому родного сарацин, убийца русичей, и унес в далекую сторону. Нету здесь ни отца с матушкой, ни богатырей русских, и некому защитить ее несчастную. Оказалась она одна одинешенька на чужбине и никого из людей живых рядом нет, кроме сарацина иноземного, что с колдунами дружбу водит. Выпала, видать, ей судьба черная – помереть в неволе на чужой стороне.

– Ты не плачь слезами долгими, красавица. – сказал ей Арсен, – Я недоброго тебе не

сделаю. Я и сам здесь на чужой стороне и не знаю, что будет со мной впереди. Но одно мне ведомо и сердце радуется – я с тобой не хочу расстаться, ибо тебя мне послал сам Аллах великий. О тебе я думал время долгое под небесами чернотой звездными и ждал с тобою встречи.

Услышав слова такие Ксения не знала что и думать ей, чего больше бояться теперь. Но тут вдруг загрохотало небо над ними и полил дождь сильнейший. За мгновения короткие шум капель огромных слился с грохотом водопада, в пропасти исчезавшего. Народились потоки многочисленные, что по скалам потекли вниз, и русло ручья горного, из которого водопад начало имел, стало больше на речку походить и росло еще более. Увидел все это Арсен и понял, что не жить им, если сей же час не покинут они место это на краю пропасти глубокой. Приблизился он к девице и сказал:

– Послушай меня, красавица, надо нам уходить отсюда немедленно, иначе оба жизни лишимся в потоках бурливых. Ненавидишь ты меня, знаю. Но, хочешь того, или нет, уведу я тебя отсюда в места спокойные. А там – будь, что будет!

Сказал так, схватил Ксению за руку и потянул за собой наверх по ложбинке, что петляла рядом с ручьем полноводным и вела в сторону дальнюю от водопада. Ксения сначала закричала, упираться стала и руками бить Арсена по спине широкой, да только напрасно. Он на крики ее не отвечал, словно и не слышал, знай тащил ее за собой, словно железный обручем руку зажав. Покричала Ксения, побесновалась, да когда вода холодная стала ей до пояса доходить, успокоилась на время. Дождь все сильнее лил и вода поднималась все выше, закручиваясь бурлящими водоворотами, еще немного и утянет их обратно к водопаду, что уже в дальнем конце лощины виднелся. Но тут выбрался Арсен на место высокое и Ксению за собой вытянул. Открылся им вид оттуда на горную страну. До того места, где земля с небом сходится, висела серая пелена дождя, застилая все вокруг. Передохнули они чуток на камне. Вода снизу все прибывала, грозя перехлестнуть через гребень каменный, сверху хлестал дождь нещадно тяжелыми струями. Одежды на них было не много, да и та вся уж давно вымокла.

– Надо нам идти дальше отсюда. – сказал Арсен, – Иначе утонем. Если дождь не утихнет, вода скоро прорвется и смоем нас. Когда летел сюда коршуном, я видел внизу лес, может быть там укрыться сможем от дождя и зверя найдем для пищи.

Взглянула Ксения на него исподлобья, да делать было нечего. Хоть и страшно ей было рядом с сарацином и мутно на душе, но умирать все равно не хотелось. Цепей на нее он пока не надел, значит и сбежать по дороге можно будет. Вдруг улыбнется ей счастье потом и вернется она на родную сторонку. А пока надо от смерти бежать и пусть он помогает, если хочет. Притворилась Ксения, что согласна.

– Ладно, пойдем вниз, – сказала она, – только ты не держи меня на привязи. Я сама идти буду.

– Хорошо, – сказал Арсен, – тогда иди следом за мной. Видно плохо вокруг. Аллах знает, где мы и кого здесь можно встретить.

Встал Арсен, поправил саблю на боку, и пошел небыстрым шагом вниз по склону. Ксения пошла за ним, осторожно опуская стопы свои в обувь легкой на камни мокрые. Горы снежные высились над ними молчаливой громадой, теряясь в небе низком и туманной мгле, что висела над склоном. Хоть и высоко они были в горах, но от чувств сильных и переживаний душевных, холод не брал тела их мокрые. Только теперь Ксения почувствовала, что озябла совсем, но согреться нигде было. Не видать кругом ничего, ни зверей, ни птиц, ни жилья человеческого. Да и откуда ему здесь взяться. В каком конце света горы эти, неизвестно было.

Так шли они время долгое и вдруг замечать стали, что идут уже по тропе, петлявшей по склону словно змея размеров невиданных. Еще погода немного, вывела их эта тропа к мосточку хлипкому из трех досочек, что в самом коротком месте ущелье перехватывал, а под ним терялась в тумане пропасть глубокая. Первым Арсен ступил на тот мосток и, едва перешел его, вдруг со скалы метнулся к нему дикий зверь. То была кошка горная, видом

своим на барса похожая. Вцепилась она когтями острыми в грудь Арсена так, что кровь брызнула во все стороны. Разинула пасть с зубами страшными и захотела в шею впитаться добычей своей, но перехватил Арсен руками пасть ее и раздвинул так, что с пальцев кровь закапала. Зарычала кошка, забилась, заскребла по груди его когтистыми лапами, раздирая ее. Но Арсен еще сильнее рванул и совсем разорвал ей пасть. Упала тварь хищная на землю и издохла, издав хрип предсмертный.

Не успела Ксения опомниться от вида этой схватки кровавой, как с другой скалы еще одна кошка на Арсена кинулась. Только он уж готов был с ней встретиться. Выхватил сарацин за мгновение саблю острую, да как махнет ей со свистом, так что до земли голова и тело порознь долетели. Укатилась голова ее в пропасть и пропала в тумане. Но и это было еще не последнее испытание. Услыхал Арсен, кровью истекающий, рык на тропе впереди себя, и вышло ему на встречу еще три кошки ужасные. Шерсть пятнистая светлая с туманом и дождем сливалась почти, но глаза светились во мгле светом злобы. Ростом они по более первым были и клыки подлиннее виделись, словно сабли короткие.

Покачнулся сарацин израненный, бросил взгляд быстрый чрез плечо на Ксению, от страха обмершую на тропе. Вырвался из глотки его крик устрашающий и кинулся он сам на зверей диких. Засверкала во мгле его сабля изогнутая. Со всех сторон нападали на него кошки дикие, да только вертелся он как меж них словно вихрь и наносил саблей удары точные, разил на смерть. Вмиг все было кончено. Зарубил он зверей диких, сколь ни старались они разорвать его на части. А сам на колени опустился, выскользнула сабля из руки его, а потом и вовсе на земь повалился, ибо истощен был схваткой кровавой и ранен сильно. Текла из груди, разорванной когтями острыми зверей диких, кровь так сильно, что остатки одежды на нем вмиг отяжелели и красными стали. Увидала это Ксения, опомнилась от страха великого, перешла по мостку пропасть и к сарацину приблизилась. Увидала раны его глубокие и сжалилось на миг ее сердечко молодое. Хоть и вражина иноземная, а спас ее от напасти зверей диких, собой заслонил. Поискала Ксения вокруг себя траву заветную, что крови ток остановить могла. Научили ее сызмальства самого бабки-ведуньи, что при князе жили, различать травы всякие, что пригодиться могли при заговорах, при лечении ран, при ворожбе незлобивой. Да только травы здесь вдоль тропы горной росли чахлые и нерусские. Очень мало их меж камней находилось и не было среди них той, что пригодилась бы. Тогда Ксения села рядом с сарацином и произнесла заговор тихим голосом:

«На море-окияне, на острове на Буяне, лежит бел, горючъ камень Алатырь. На том камне Алатырь, сидит красная девица, швея-мастерица, держит иглу булатную, вдевает нитку шелковую, зашивает раны кровавые. Заговариваю я сарацина сего от порезу и крови течения. Булат прочь отстань, а ты, кровь, течь перестань!».

После того как сотворила она заговор сей, кровь вмиг течь прекратила. Да только наперед ее немало вытекло из ран глубоких, потому сарацин едва различал вокруг себя все, а взгляд его затуманился. Озаботилась Ксения как бы не помер совсем на тропе горной. Хоть и свободной она станет сразу, да только одна-одинешенька в горах сих опасных останется. Осмотрелась она кругом, – все также мгла белесая висела над горами, да дождь беспросветной стеной, хоть и ослабел уже. Потихоньку надвигалась темень ночная. Добраться бы до жилья какого, да где там. Посмотрела она на сарацина с мольбой и говорит:

– Ты не помирай пока, иноземец. Если б смог ты по тропе пройти чуток, может и повстречали бы кого. Может, жилище чье-нибудь нам дальше повстречается?

Услыхав слова сии, очнулся Арсен от боли великой, собрался с силой последней и поднялся на ноги. Постоял так, покачнулся, но тут Ксения его поддержала, чтоб не упал он опять в беспамятстве. Побрели они вдвоем медленно по тропе горной вниз. И были они теперь для зверей диких добычей легкой, случись кому их повстречать на тропе этой узкой. Да, видать, уничтожил Арсен своей саблей всех кошек злобных, а более никого к счастью великому здесь не жило. Так передвигались они еле-еле, но прошли с полверсты все же, по тропе меж гор петлявшей. И вдруг, за следующим изгибом скалы, тропы поворотом, увидала Ксения во мгле вечерней огонек блеснувший. Остановились они. Присмотрелась Ксения,

сначала думала, что померещилось. Но нет, горел лучиной тусклой огонек махонький в каком-то скиту, притулившимся под горой. Подивилась Ксения тому немало, но долго не раздумывала, ибо кто бы здесь ни жил – колдун какой, али старец богомольный, ей все одно дальше пути не было. Потому, приходилось на ночлег проситься. Подошли они к лачуге той, когда Арсен уж последний остаток сил потерять готов был, а, едва дверь открыли, упал он на землю, ступив за порог, и силы его совсем оставили.

Осмотрелась Ксения вокруг, как только глаза ее пообвыкли к свету, попав из мглы темной в место яркое. Увидала, что в лачуге сей углой стоит стол дубовый посредине, рядом с ним скамья из ствола древесного, в углу дальнем топчан рубленый, а в ближнем углу хворост лежит и утварь всякая непонятная. В стенах лучины торчат и горят огнем ясным. Одна же стена была каменной, потому как скит этот прирублен был прямо к скале. Но никого в том скиту не было, ни одной души живой. Смутилась Ксения, ибо странно и боязно было это. Если горел огонь, то хозяин где-то поблизости обретается, только кто же он есть? Может здесь живет людоед богопротивный или колдун злой? Но ни костей человеческих обглоданных, ни черепов, ни зелий колдовских в лачуге той не видать было. А может охотник какой?

Устала гадать Ксения. Да и сарацин, что лежал на полу без памяти о себе напомнил стоном громким. Поднатужилась Ксения, и подтащила его к топчану рубленному, помогла лечь. Саблю отцепив, что на поясе у него болталась, рядом с топчаном ее бросила. Провалился опять в забытие сарацин, а Ксения осмотрелась и вдруг видит, что лежит на столе книга в переплете из кожи воловьей с уголками золотыми. Такие книги только у отца она видела и патриарха Викентия. Сказывал он, что привозили их в земли русские люди просвещенные из Византии далекой, а здесь их монахи переписывали, множа для людей ищущих, что грамоте разумели.

Приблизилась она к столу дубовому и оглядела книгу диковинную, а затем раскрыть захотела, не утерпев. Да только книга та с места не сдвинулась, словно весила пуда три, и не раскрылась ей даже. Подивилась она сему и подумала «Не иначе здесь волшебник какой обитает и творит по книге сей привороты и наговоры всякие». И только подумала об этом, как растворилась в темноту ночную дверь со скрипом и влетел в скит ворон черный.

Ударилась оземь птица и старцем седовласым сделалась. Облачен был старик до самых пят в балахон цвета ночи черной, а в руке держал посох деревянный с наконечником будто из головы вороньей. Лоб старца обвивал обруч тонкий золотой, что блестел в тусклом свете лучины. Увидел он чужаков в своем жилище, но, похоже, не сильно удивился тому. Шагнул старец на середину клетки и остановился, взглянув на Ксению. Та назад подалась.

– Не бойся ты меня, Ксения, – сказал старец, – я давно вас здесь дожидаюсь.

Ксения, еще от страха не отошла, но, имя свое услышав, удивилась сильно. Старец, меж тем, подался в угол ближний, где утварь всякая хранилась и очаг висел. Стукнул он посохом своим диковинным о камень, брызнули искры от него и тотчас очаг занялся. А в котле, что висел над огнем забурлила и запенилась жижа зеленая. Тут Ксения и уверилась, что перед нею колдун неизвестной породы и от страха слова у нее застряли в горле. Но, пересилив себя, молвила все же девица:

– Прости, мил человек, что нарушили покой жилища твоего, но иначе – помереть бы нам от холода али зверей диких в горах. Расскажи, кто ты есть и как звать тебя? Отчего живешь ты в местах сих безлюдных и откуда имя мое ведаешь, ведь не видала я тебя никогда?

Поворотился к ней старец и говорит:

– Звать меня Ставр, девица. Я колдун, что живет в горах Северных, на границе у самых стран полунощных, из коих ты родом произошла. И знаю о тебе и спутнике твоём все, а вы обо мне знать не можете, ибо родились в ту пору, когда мне минуло уж триста лет. Но колдовства моего ты не бойся, ибо только против людей худых оно силу злую имеет, а добрым оно в подмогу.

Еще более подивилась Ксения и спросила старца:

– Если знаешь ты все, то поведай – зачем я здесь оказалась, зачем украл меня сарацин проклятый из родного дому и скоро ли увижу я отца с матушкой?

– Не торопись, девица, – ответил ей колдун, – садись на скамью, в ногах правды нет. Расскажу я тебе твою историю и судьбу поведаю. Только, сначала глянуть надобно раны твоего спасителя от зверей диких.

Сказавши это, подошел Ставр к сарацину без памяти лежавшему на топчане лицом вниз, наклонился и перевернул его на спину. Открылась его взору грудь истерзанная когтями острыми, апосля которых остаются раны глубокие, что не зарастают долго. Но из ран сих кровь уже не текла, запекшись по краям. Посмотрел Ставр на Ксению и молвил:

– Это ты ему заговор на крови останов сотворила, девица? Кто ж учил тебя сему действию?

– Ведуньи-бабушки, что у отца в тереме жили. Я у них и научилась немного.

– Похвально сие умение, только сейчас мы ему подсобим еще.

Простер старец руку над Арсеном и забормотал что-то непонятное на языке неслыханном, так что Ксения только смотрела молча и понять не могла, – не то старец молитву читает, не заговор творит. Арсен при сих действиях распрямылся в забытии и руки с топчана свесил. Раны на груди его вдруг затягиваться стали сами собою. И вдруг, смотрит Ксения и глазам не верит – исчезли следы когтей глубоких совсем. А еще через мгновение открыл глаза Арсен и сел на топчане, словно и не при смерти находился он, а очнулся ото сна глубокого. Окинул он взором клеть и разглядел в углу ее Ксению, а рядом старца седовласого. Родилось в глазах его непонимание великое. Но тут сказал старец:

– Встань Арсен, подойди к столу дубовому и сядь на лавку супротив Ксении, ибо настало время вам узнать свою историю.

Подчинился сарацин гласу старческому, встал неспешно, собрался с силами после забытия глубокого и в несколько шагов оказался у стола, присел на лавку низкую. Ксения же глаз от старца не отрывала. Когда вышел Ставр на середину кельи, замерцал на голове его обруч ярким блеском, словно солнце в нем вдруг отразилось и заиграло на гранях. Закипела пуще прежнего жижа в котле, испуская запах болот замшелых. Загорелись на посохе волшебном глаза вороньи. Стукнул колдун тем посохом о камень и, вскинув руки, молвил:

– Было это в стародавние времена. Триста лет назад, в одно из схождения своих в эти места, поведал мне Перун историю двух людей из рода человеческого, богами рожденных. То были мужчина и женщина, из народов разных, что населяли тогда земли отдаленные друг от друга. Один из них был рожден при заходе солнца на границе песка и воды соленой и был дитем любви бога воды и богини песков знойных. Получил от них он дар божественный власти над стихиями водными и земными в краях прибрежных. Подчинились ему при рождении звери, птицы и рыбы свободные. Мог он превращаться, во что пожелает по одному своему пожеланию, мог летать и плавать, куда захочет без крыльев и кораблей. И вот, однажды, залетел он в края далекие, за самый карай земли, земным богам известной. И увидал он там Небесный Город, что стоял на вершине семи гор скалистых и затерян был в облаках белоснежных. Ворота в него открывались только тому, кому предначертано. Не мог в него войти ни один грешник земной, не искупив вину свою имевшуюся. Ибо в городе том открывалось каждому жизнь его прошлая и будущая, с которой они встречались здесь прежде, чем на земле. Многих из рода людского со всех концов земли тянуло в те горы испытать себя и узнать судьбу свою, многие жаждали знать зачем они? Ибо, обитая в низу, этого не понять. Приходили их тысячи по тропам горным к воротам небесного града. Но, если, не готов был человек к тому, то становился для него воздух отравой, а небо камнем, и умирал он тут же, пред золотыми воротами, раздавленный тяжестью грехов своих. Но чист был еще сын бога воды и богини песков знойных, хотел знать свое будущее, и попал он в небесный город, что населен был богами старшими и людьми очистившимися. А люди те, пожив среди богов, кто сколько захочет, возвращались обратно вниз и были людьми добрыми в землях своих до самой смерти, а после нее селились в окрестностях небесного города. Долго бродил гость среди дворцов высоких и изящных, в которых жили боги и

верующие в них. Встречал на улицах многих и принят был, как подобает доброму путнику из рода богов. И велено ему было ждать и проводить дни в покое, ибо будущее случится с ним без предупреждения. Он ждал, и дни шли в беседах. Но вот однажды, на прогулке вечерней, когда солнце спускалось с небес в долину за далеким морем, а облака бесконечные постепенно темнели, он решил, что пересеклось его прошлое с будущим. Повстречал он на лестнице каменной небесного города образ красоты невиданной даже здесь, где все были красивы, словно солнце молодое на рассвете. Улыбнулась лишь раз ему девица, и поразил его сердце огонь пламенный, загорелось оно любовью великой. И в ней огонь ответный запылал. А была та девица земной, из людей очистившихся от грехов своих недавно. Скоро ей покидать небесный город было надобно. И решил тогда сын бога воды и богини песков знойных связать с ней жизнь и судьбу свою, но сказали боги старшие, что ошибся он, не свою судьбу встретил и еще ждать велели. Обезумел от горя гость небесного города, охватили его сердце страсти сильнейшие и решил он украсть девицу ту, что стала ему дороже жизни. Унести в края далекие наперекор воле старших богов, ибо не мог совладать с чувством своим и не видел иной судьбы для себя. Превратился он в вихрь сильнейший и в тот же день на закате дня унес девицу. Укрылись они в диких землях, где нет ничьей власти. Но открылось старшим богам его деяние, и послали за ними в погоню десять небесных всадников. Приказали им поймать беглецов, что решили избегнуть судьбы своей. Долго скитались и прятались беглецы, что полюбили друг друга, жили в лесах и пещерах они, но было для них то время самым счастливым, и родился от их любви мальчик. Однако, не достиг он и года, как отыскиали их убежище небесные всадники. Увидев их, спрятал мальчика в пещере глубокой сын бога воды и богини песков знойных и вступил в бой с небесными всадниками, но был повержен. Изгнали его старшие боги на край земель, вместе с ребенком, чьей судьбы они не знали. Проклят был сын бога воды и богини песков знойных. А девица та земная, что любовь его вызвала, и сама к нему чувством запылала, осталась навеки в небесном городе, ибо прежде ей другая судьба была предначертана. Велели ей искупать теперь свой грех до самой смерти. А что бы никто более не смог бежать из небесного города от судьбы своей и приблизиться к нему вопреки желанию богов, возникли вокруг того места неприступные Снежные горы. И иссяк поток ищущих себя в Небесный Город. Ожесточился в разлуке с любовью своей сын бога воды и богини песков знойных, и поклялся уничтожить всех, кто стоит на пути меж ними и прийти в небесный город даже против воли старших богов. Но боги оказались сильнее, и не может он даже приблизиться к Снежным горам. С тех пор беснуется на просторах земли бескрайней и гнев его не проходит.

Приумолк на мгновение Ставр, чуть притих огонь в глазах его. Опустил он голову и встретился взгляд его тогда со взглядом Арсена. Молчал воин сарацинский, пытаясь понять, что услышал от старца неизвестного. Вспомнил он предсказание Зуейле прекрасноокой, вспомнил слова ее об отце своем, о злобе бесконечной, сердце его наполнившей. И стал понятен ему путь отца в тот миг, но свой путь еще более темным сделался от того прозрения. Взглянул он на девицу русскую, что напротив его сидела и слушала старца с замиранием сердца, и она в ответ ему глянула в очи. Не было сейчас во взгляде ее лютой ненависти, словно потеплела она сердцем, и Арсен от того возрадовался, но виду не подал. Ставр, меж тем, снова тишину нарушил.

— Оказался ты здесь, Арсен, для того чтобы судьбу свою трудную совершить, ибо она переплелась со многими, и до конца еще не написана. Должен ты дойти до небесного города и увидеть там мать свою. Много опасностей предстоит тебе в пути том, много дорог будет перед тобой, много испытаний случится, ибо боги против твоей судьбы. Сам отец твой, чья душа сейчас попала во власть сил черных злобы и ненависти, будет мешать тебе, ибо не хотят силы те отдать его обратно. Но, если выдержишь ты все это и дойдешь до конца — тем спасешь и мать свою и отца, и еще людей многих, что должны умереть, если не встретятся они вовсе. Но без Ксении, не будет тебе удачи в пути этом трудном. Переплелись судьбы ваши навечно, хоть вы того и не ведали, и теперь выйти из пределов гор Снежных и вернуться сможете только вместе вы. По одиночке пути назад нет.

Так услышали Арсен и Ксения в первый раз имена свои в горах Снежных и узнали, как звать их и что с ними быть должно в скорости. Нелегкая им судьба, видать, выпала – идти вместе в края далекие и смертью полные. Взглянули они друг на друга по новому, ведь были до сей поры они детьми народов враждующих, а теперь объединила их судьба по своему тайному пожеланию. Непросто было это принять Ксении, да и Арсен не верил своим ушам до конца. Но чувства, что родились в душе после слов старца были твердыми, а только им и верил Арсен.

Протянул вперед руки Ставр и увидали Арсен и Ксения на одной ладони его камушек фиолетовый, сквозь который продета была нитка из кожи, а на другой ладони лежало в горсти ожерелье того же камня. Подал старец камень Арсену, а ожерелье Ксении со словами:

– Наденьте их на себя и будут они служить вам оберегами от напастей и звездой путеводной в ночи темной, ибо сделаны из аметиста, что в окрестностях небесного города был рожден и всегда вернутся туда хочет. А идти туда ровно семь верст придется, только версты то не простые, а волшебные, и каждому свое расстояние выпадает. Если движитесь вы дорогой верной, то светится аметист будет ровным светом, если сбились с пути, а ли худое что впереди поджидает, – замерцает камень сей блеском сильным и прерывистым. Остальное вам само откроется.

Надела Ксения на себя ожерелье красивое и Арсен нитку кожаную с камнем ало-фиолетовым на шею надел, как старец советовал. И тотчас загорелись камни на них теплым ровным светом, словно к месту пришли. Посмотрел тогда старец на Арсена и Ксению взглядом долгим и молвил:

– А теперь настала нам пора проститься, ибо утром вам в путь дальний отправляться надобно.

Стукнул посохом своим старец о землю и пропал вовсе, а Арсена и Ксению сковал сон глубокий, что длился до самого утра.

Глава 3. Путь водопадов

На утро оказались они одни одинешеньки в скиту пустынном, лишь только на столе перед ними узелок с едой и еще один поболее находились, видать подарки от Ставра. Встал Арсен из-за стола, ибо где на них сон волшебный опустился, там они и заснули, расправил плечи и подивился тому, что раны его глубокие исчезли совсем, будто и не был он окровавлен когтями кошек горных. Силы в нем прибавилось после сна этого. Взял он саблю свою острую на случай встречи со зверем и вышел из скита умыться водой горной из ручья, что рядом шумел. Дождь вчерашний великий прекратился. Над Снежными горами светило солнце.

Отдохнула и Ксения, а пробудившись, вышла на свет Божий. Смотрела она на Арсена взглядом задумчивым и понять не могла, как быть ей теперь. Старец сказал, что без нее ему путь предстоящий не осилить, без нее не спасти ему мать свою с отцом, а потому нужна она ему в этом пути всего более. А кто же отец его тогда, как не Кабашон лютый, что пришел с полчищами своими на землю русичей и убил уже сотни тысяч ни в чем не повинных людей из рода ее? Пригорюнилась Ксения сизнова, но затем вспомнила она слова старца о том, что если спасти душу злодея Кабашона, которая злобой наполнилась от разлуки с любимой своей, прекратится война на Руси тотчас и мир повсюду наступит. Значит, от нее горюшечки теперь жизнь ее отца собственного с матерью зависит и еще многих русичей, а потому надобно ей идти в этот путь дальний от которого душа в пятки уходит. Но делать нечего, видать выпала ей такая судьба. Погоревала Ксения и порешила смириться с судьбой своей покудова, ибо словам старца поверила.

Вернулась она в скит пустынный и решила посмотреть, что в узелке втором находилось. Развязала его, а там обувь, да одежда для них оказалась из такни грубой и крепкой, для путей дальних более подходящей. Затворила Ксения вход, одежду свою потрепанную в горах быстро скинула с себя, и облачилась в платье новое. Подвязалась

пояском крепким. Платье ей в самый раз пришлось. Хоть она его только надела, почудилось Ксении сразу, что и удобно в нем, и в жару не жарко, и в холод не холодно, и по лесу ходить можно – не порвется быстро. Видать платье волшебное было, раз все наперед казалось. Нашла девица в том узелке еще башмачки легкие, но сшитые крепко, такие в пути не скоро износятся. И они ей по ноге пришлись, словно на нее и сшиты были. Поблагодарила Ксения в мыслях своих Ставра-волшебника за подарки свои полезные, надела ожерелье из аметиста, и вышла на воздух умыться водой холодной из ручья.

У дверей она с Арсеном повстречалась. Подивился сарацин одежде новой на девице русской, похвалил красоту ее и прочность, а узнав, что и для него одежду приготовил Ставр пошел примерять ее немедленно, ибо его одежда на лохмотья более походила, после встречи с кошками горными. Нашлось в том узелке заветном для него платье с халатом длинным схожее из ткани твердой, неприступной для когтей звериных величины средней. Было платье то почти невесомым в пути, хранило от холода и солнца сколь могло, не рвалось и не терлось до срока. Нашел в узелке Арсен себе и сапоги из кожи жесткой и тонкой, что облегали ноги словно ткань. В таких долго ходить придется пока стопчутся. Скинул он одежду свою рваную, облачился в платье походное, надел на грудь оберег из аметиста на нитке кожаной, что Ставр ему дал. Прицепил к поясу саблю сарацинскую и вышел из скита под лучи солнечные.

Ксения умылась уже и стояла в платье новом у ручья, глядя в даль далекую, что открывалась сразу за поворотом тропы, ведущей мимо скита одинокого. Подошел Арсен и тоже взглянул туда. Открылась взору его широкая горная страна сверкавшая под солнцем ледяными хребтами и снежными шапками. Казалась она сейчас непроходимой вовсе для ног людских без помощи волшебной. Но чары Арсена оставили, а более не на кого надеяться было, кроме как на свое умение. К счастью самые высокие хребты лежали к северу от скита Ставра, по левую руку, а прямо под ним начинался спуск вниз, и петляла тропа меж гор не столь высоких. Доносился оттуда шум воды падающей. Видно, текла там река горная бурливая, что после дождей вчерашних силу свою во много раз умножила.

Посмотрел Арсен на Ксению, что рядом с ним стояла на камне. Девица была с виду хрупкою и не высокою, хоть и станом стройною. Волосы русые по плечам спускались ее, а глаза голубые в одно время огнем глубоким горели и несли в себе скорбь великую. Смотрела она на него настороженно, будто боясь и ожидая чего-то. Но, хоть и кротость читалась по лицу ее, видел Арсен, что девица сия из русичей способна в гневе на поступки отважные. Помнил он о предсказании Зувейле, дочери султана Бендина, и казалось ему, что сбылось уже предсказание. Но Ксения о том не ведала, а потому не хотел сарацин, не по годам мудрый, торопить время жизни. Не хотел ее неволить к себе, потому что родился в нем уже огонь, но теплился пока искрой малой. А в глазах Ксении читал он тревогу, собой рожденную. Впереди у них путь великий и осият они его, как сказал старец, только вдвоем. Если будет на то воля Аллаха великого, то полюбит его сия девица. Если нет – он останется в этих горах навсегда. Так решил сам с собою Арсен, а вслух сказал:

– Пора выступать нам в путь, Ксения, если ты решения своего не изменила.

Повернулась к нему Ксения и ответила негромко:

– Нет, я решения не изменила. Я пойду с тобой в небесный город, чтобы спасти тем отца своего и матушку. В дороге я буду тебе помогать, если случится что. А потом мы с тобой расстанемся, сарацин.

Не пришлись те слова Арсену по сердцу, но смолчал он, ничего на это не ответил. Сказал лишь:

– Что ж, пусть так и будет. Перед выходом только нам надо насытитесь.

Вернулись они в скит волшебника Ставра и раскрыв узелок нашли там яства немногочисленные, но сытные, так что смогли подкрепить они тела свои перед походом. Остатки Ксения связала обратно в узелок и с собой взяла, ибо был он легким, а когда в следующий раз будет у них пища того они не ведали.

Выйдя из скита, пошли они по тропе горной, что петляла меж скал, уходя вниз. Первым

шел Арсен, держа наготове саблю свою острую чтобы от зверей неведомых оборонится. Чуть поодаль шла Ксения с узелком в руке. Аметист в берегах горел ровным светом, – значит шли они по пути верному. Солнце понималось все выше на небосвод, освещая ущелья горные. На скалах, меж которых шли они, росли всякие травы диковинные и деревца небольшие, что отклонялись от них, когда шли они мимо и обратно вставали, когда удалялись люди на несколько сажень. Глядя на них, вспомнила Ксения, что рассказывала ей кормилица о стране далекой, где все травы заколдованы и водится там нечисть ужасная и огромная, что летать и огонь изрыгать умеет. Обитают там змеи многоглавые, медведи шестипалые, волки с глазами красными, что людьми питаются, рыбы зубастые и хвостатые, которые по земле ходить могут и летать, да много другой нечисти неизведанной. Под ногами повсюду гады ядом полные ползают, время – заколдовано, в лес зайдешь – не воротишься. Была та страна отчизной ужасов и чародейства злого и прозывалась словом страшным – Йотунгейм. Как подумала о том Ксения, воротится ей захотелось обратно, только обратно отсюда путь вперед лежал.

Вдруг услышала Ксения свист сабли сарацинской. Смотрит, а перед ним на тропе две змеи лежат по полам рассеченные. Головы у них страшные, словно бычий пузырь раздулись, их-то сарацин и отсек одним махом. Еще страшнее стало Ксении, приблизилась она к Арсену и пошла далее за ним в трех шагах, – вдруг нечисть какая на тропу выскочит.

Ущелье, меж тем, сужаться стало и вскоре путь их, до того широкий, превратился в тропку худую, что вела меж двух скал. С камней замшелых стекала вода вниз ручейками. Темно и мрачно было в этом проходе скальном, наполненном шорохами. Лишь высоко над головами виднелась полоска синего неба, да впереди свет далекий у выхода из этого мешка скального. Несколько раз показалось Ксении, что под ногами гады ядовитые ползают. Но Арсен шел уверенно, он привык в песках своей земли видеть много змей и не боялся их сверх осторожности. Больше боялся он убить царицу змей, от которой все они происходили. Но где жила царица змей никто не знал. По рассказам древних старцев восточных обитала она в горах неприступных, входа в которые не было сверху, вел туда ход только из глубины земли. Вспомнил он, как попал сюда и подумал, может быть Снежные горы и есть обитель царицы змей? Но никто ему не мог ответить на это. Знал Арсен только, что у царицы змей всегда на голове сверкает золотая корона, а значит он отличить ее сможет от слуг ее многочисленных. Да и не просто убить царицу змей, мудра и хитра она, и за всю свою жизнь никому не показывается. Говорили старики, тот кто убьет царицу змей и съест ее тело, никогда не будет болеть больше и станет бессмертным. Но оттого настанет на земле великая засуха на сто лет.

Чуть погода стал проход между скал расширяться и вскоре закончился каменный мешок. Свет резкий в глаза им ударил с такой силой, что зажмурились они от боли, а когда растворили очи, то видно стало, что вышли они на широкое поле каменное. По полю тому ползали змеи мелкие и ящерицы, ища спасения от солнца под камнями. Окинул взором Арсен скалы окрестные и увидел – тянулось поле это еще на сто шагов вперед, но там обрывалось, а по руку правую и левую уходило дорогой каменистою вдоль скал высоких на многие дни пути.

– Пойдем до конца поля каменного, – сказал Арсен, оборотясь назад, – Посмотрим, чем оно кончается, а там решим, что делать. Если там обрыв неприступный – придется идти нам вдоль края до тех пор пока не найдем спуска с него.

Ксения только кивнула в ответ. Солнце нещадно палило лучами жаркими, но платье волшебное спасало пока. Только змей ей было боязно, потому она от Арсена не отставала. Как прошли они сто шагов и приблизились к краю самому, то открылась им пропасть бездонная. Поле каменное обрывалось в нее стеною отвесною и не видать было поблизости ни спуска, ни прохода, ни лаза какого. Осмотрелись Арсен с Ксенией по сторонам, заглянули в пропасть бездонную, из глубины которой пахло на них прохладой. Взял Арсен камень и кинул его вниз – не услышал и стука, исчез камень бесследно. Едва виднелись холмы и деревья на дне пропасти, словно травинки чахлые были они видом. В дали, за холмами,

лежал на дне пропасти лес обширный, через который текла могучая река, что начало брала где-то в горах. А еще дальше, где лес тот смыкался с небом, виднелась тонкая голубая полоска. Не разобрать было глазу, что там за лесом скрывается, то ли небо это, то ли море обширное.

Только птица смогла бы перелететь через пропасть эту. Вспомнил Арсен о своих чарах прошлых и опечалился, но делать было нечего. Самые высокие вершины гор Снежных по левую руку оставались. Потому решили путники идти в левую сторону, искать истоки реки могучей. Может вдоль нее какая тропа найдется, для спуска человеческого подходящая. Шли они так время долгое, – солнце на самый верх по небосводу взошло и уже начало медленно вниз скатываться, а реки все не было. Брели они по краю пропасти до самого вечера. И вдруг, когда от жары и жажды уже совсем готовы были обзвонить они, послышался им впереди шум воды низвергавшейся. Пошли они быстрее и скоро открылось Арсену и Ксении ущелье широкое, пробитое в скале рекой своенравной грохочущей.

То была великая река, что брала начало свое в ледниках самых высоких на полуночной стороне Снежных гор, и несла свои воды быстробурливые через все скалы вниз на равнину. И был ее путь долог и извилист. Осмотрелся Арсен в поисках тропы подходящей для спуска, но берегами реки здесь были валуны огромные, а поближе к обрыву – скалы отвесные, а по ним никаких троп не протоптано. Некому, видно, здесь их проделывать было, нет людей кроме них в этих горах высоких. Лишь звери дикие, да птицы кровожадные здесь обитают, а колдуны другими путями пробираются.

Прежде всего напился он воды из реки этой, жажду свою утолили. Присели в тени дуба одинокого, что рос на берегу скалистом, отдохнуть на камнях прохладные. Стал Арсен думать, как им выбраться из скал этих на равнину, что внизу виднеется. А Ксения отдыхала пока от пути долгого по солнцепеку, ибо ей раньше не приходилось много пешком ходить, все более время она в тереме проводила, да отец ее на коне учил сидеть. Устали ее ноженьки.

Думал Арсен, думал, но без помощи джиннов, никак придумать ничего не мог. И вдруг пришла к нему мысль безумная, когда поднял он голову и посмотрел на крону дерева могучего, что чудом выросло на камнях здешних. Решил он сделать лодку и по реке вниз пустится. А когда поведал об это Ксении, взглянула та на него, как на бесноватого. Уже ли не видно, что по такой реке не то, что на утлой лодке, на лодье огромной нельзя пройти – разломает ее река на щепки за мгновения малые. Но Арсен пути не другого видел. Отдохнул он еще немного, вынул свою саблю сарацинскую, что не тупилась никогда, и стал рубить ей ствол дуба многолетнего. Работал он так весь вечер и всю ночь, а на утро изготовил из ствола древесного челн невеликий с веслом и скамьями. Когда очнулась Ксения, которую ходьба долгая сморила сильно, ото сна крепкого, то предстал ей перед очами, челн, готовый к отплытию. Подивилась она немало тому событию, а еще более испугалась, ибо плыть им предстояло на верную гибель по реке бурливой и холодной. Погоревала она над судьбой своей многострадальной, но, видать, другого пути в страну нижнюю и не было вовсе.

Спустили они на рассвете с превеликой осторожностью челн на камни прибрежные. И, только сели в него, подхватила их волна белопенная и на середину реки утащила. Зашумела река вокруг них, закачали челн волны суровые. Стал Арсен поначалу править веслом, но рванула волна у него весло из рук и утащила в пучину. Остались они одни одинешеньки на реке своенравной в утлом челне, коим править нельзя, и понесла их река вниз с быстротой безумной. Замелькали берега скалистые, где и пристать негде. Вручили они тогда судьбы богам своим, руками в борта вцепились намертво, и ждали, что с ними дальше будет.

Вот вынесло их на излучину реки за поворот первый и, вдруг, увидели они, что река вниз бросает воды свои, а там преграждает путь ей скала и развернул пасть свою грот каменный. Несет их прямо в темноту подскальную. Подняла река на волне белопенной челн, как пушинку, и, казалось, не доплывут они до грота, разобьет их о скалы прибрежные. Но рухнула волна вниз и попали они прямо в грот, где тьма настала кромешная. Ничего не видно вокруг, хоть глаз коли. Арсен с Ксенией, только дыхание друг друга слышат, да сердец стук бешенный. Под ним ревет река горная, тесны ей объятья каменные, хочет она на

свободу вырваться и оттого бежит еще быстрее. А Ксении чудища подводные кругом мерещатся, вспоминаются рассказы про страну ужасную.

Но вот ударил им снова в глаза свет, – вынесло челн из грота каменного на воду спокойную. Глядит Арсен: с двух сторон вверх скалы высятся, берега ровные и прямые, хоть и неприступные, похожи они на деяния джиннов-кудесников, а река воды свои прямо вперед несет. Вдруг видит Арсен, что-то на воде белеет. Присмотрелся, а это его весло плывет. Схватил он его и в челн поднял. Но тут снова грохот послышался впереди. Не успели путники от грота каменного опомниться, как рухнул их челн с обрыва высокого в озерцо горное. Провалились они под воду сначала, а потом снова на поверхности оказались, как и сами не вспомнят. Но на сей раз Арсен весла не выпустил, мертвой хваткой держал, словно за жизнь свою цеплялся. А в озере том вода кругами ходит, водоворотами все бурлит. Чует Арсен тянут их духи речные под воду. Стал он грести веслом своим изо всех сил к водопаду следующему, что на краю озера виднелся. Аллах знает, что там, но и здесь не сладко.

Вдруг показалась над водой лапа зеленая чешуйчатая с когтями скользкими острыми и за борт их челн схватила. А над поверхностью усы длиннющие скользкие поднимаются и плавники многочисленные. Видать, растревожили не на шутку духов речных. Но не растерялась тут Ксения, выхватила она у Арсена саблю сарацинскую и как махнет ей – так и отсекла лапу чудищу. Раздался из глубины озера рык утробный, забурило поверхность пуще прежнего, пузырями огромными покрылась. Взметнулась над ней еще дюжина лап когтистых, таких же как первая, и все к лодчонке тянутся. Бросил тогда весло на дно челна Арсен, выхватил у Ксении саблю свою и стал отбиваться от лап чудовищных. Раз махнет, – вокруг кровь зеленая затхлая разливается по воде пятнами. Стало всплывать чудище со дна. Да только поздно уже было. Вынесла река челн к водопаду и в стремнину затянула быстрейшую.

Летят они в лодчонке, ничего вокруг не чувствуют и не видят кроме россыпей брызг, бриллиантовых от лучей солнца. Мерцает все вокруг них отсветами лживыми. И вдруг снова рухнул челн в воду широкую, едва не перевернулся вверх дном и седоков своих в воду холодную не сбросил. Но вцепились они мертвой хваткой в него, аж борта трещат, и спаслись пока.

Поглядел Арсен вперед и увидел, что не пришло еще время спасению радоваться. Впереди река снова уже делалась и стоит посереде того потока пять камней острых, один за другим, словно в порядке игры шахматной. Выхватил он весло свое снова и грести приготовился. Ксения, как камни те увидела, аж обмерла от страха – никак не хотела их река отпускать живьем. Вот подлетели они к первому камню, Арсен изловчился, и пустил челн мимо него правым бортом, следующий камень левым проскочили. Глядит, а третий вдвое шире этих двух. Только проходы узкие по бокам от него остались у скалы основания самого. Стал грести он изо всех сил оставшихся и вошли они в стремнину слева от камня. Узкая она оказалась, еще уже чем за миг до того виделась. Заскрипел челн бортами своими утлыми о скалу и камень. Отломилось от него кусков несколько, но совсем не рассыпался. Видать дерево, из которого вырубил его Арсен, само крепость горного камня впитало. От оставшихся валунов речных увернулся сарацин, изловчившись, и снова попали они на воду бурливую, но спокойней той откуда вышли.

Вдруг закричала Ксения от радости, – показался в дали лес зеленый на холмах прибрежных. Ближе он уж виделся ей, рукой подать. Только не туда Арсен храбрый смотрел. Встали у них на пути пороги новые, пороги опасные, страшнее прежних. Торчат из воды зубцы острые камней многочисленных, меж ними тонкой струйкой вода пробивается, все усеяно зубцами этими. А над ними сверху, над тесниной стремительной, висят словно ворота каменные соединяя берега, изваяния природы чудовищной. Если б можно было перепрыгнуть пороги те на скорости великой, то об скалы нависающие разобьешься немедленно. И таких перекатов ровно пять на пути осталось. Нет для глаз пути, а идти надо. Закрыв глаза Арсен тогда, чтобы дух свой не смущать и правит по наитию. А Ксения сзади него молитвы творит о спасении душ грешных.

Вот влетели они на порог первый, проскользнули меж камней острых. Заскрипел челн днищем по камням и затрещал весь, но опять не рассыпался. Правит дальше Арсен глаз не открывая. Прошли второй порог они тем же способом. Третий миновали. В четвертый вошли. Зацепил бортом челн за камень острый и отлетел в воду кусок дерева здоровенный, так что вода через край заливать стала. Но проскочили они и четвертый порог.

А на пятом не выдержал Арсен и открыл глаза. Захотел посмотреть долго ли им еще муку эту терпеть. И зря захотел. Как увидал он порог пятый, самый страшный из страшных, подвела его рука. Налетел челн на камень подводный острый и рассыпался на части. Разлетелось суденышко угловое на куски, поломалось все, и поплыли по реке ошметки от челна многострадального. А людей самих в пучину бурливую сбросило и закрутило, и понесло куда неведомо.

Глава 4. Лесные жители

Очнулся Арсен от боли великой, что терзала его спину, потому как лежал он на ней. Глаза открыть сил не было, только едва смог пошевелить пальцами рук и понял, что жив еще, пощадила его река могучая. Но руки его, как и ноги, чуяли сейчас воду холодную под собой да острые камни. Время от времени накатывала прибрежная волна и чуть колыхала его изможденное и побитое тело.

Спустя срок недолгий все же напряг силы свои Арсен и открыл глаза, – хотел узнать, где же он оказался, да только не смог. Ничего не увидел он, потому что стояла темная ночь над землей. Тихо было вокруг, даже шума реки не различал Арсен. Только звезды далекого чужого неба тускло светились надо его головой. Издав стон глухой перевернулся сарацин на бок, а затем на живот. Накатившая волна обдала его мокрым холодом. Понял Арсен наконец, что лежит у самого берега реки, на камнях прибрежных острых, что терзали его тело, болевшее нещадно. Собрался снова сарацин молодой с силами и выполз медленно на берег, что к счастью его положим оказался. А спустя время недолгое достиг он земли травянистой и тут снова силы его покинули. Провалился сарацин от боли сильнейшей в забытье.

Сколько лежал он так никому не ведомо, но, когда очнулся Арсен – светило солнце высокое. Пошевелил руками и ногами Арсен и боли не почуял в теле своем. А когда приподнялся и сел на траве, то заметил, что аметист на шее у него висевший, ярким светом горит, пуще солнца на небе, и мерцает сильно. Видать он всю боль из тела вывел за ночь, жизнь спас путнику, но что-то худое впереди ждет его или уже случилось.

Огляделся по сторонам Арсен, едва смерти в пучине избежавший, и вдруг вспомнил, что не один он пришел в эту страну неведомую. Была у него спутница, девица русская молодая, что пошла с ним в город небесный вызволять мать его по своей воле. Вспомнил также Арсен и наказ старца-волшебника, одному ему путь сей не одолеть вовсе, только вдвоем он ими пройден будет. А если нет девицы, то настанет Арсену здесь погибель верная и нет в пути том пользы.

Огорчился сильно Арсен, когда увидел, что нет нигде Ксении. Видно утонула девица хрупкая в потоке бурливом, когда разбила река своенравная челн угловый об острые камни на порогах. Погоревал Арсен, попечалился, но потом подумалось ему – раз его река пощадила и на берег вынесла, может и Ксения жива еще? Очень ему захотелось в это поверить, потому что любил уже сарацин любовью крепкою эту девицу из земель полуночных и не мог себе представить будущего без нее, хоть она и не привечала его взглядом ответным. Решил Арсен во что бы то ни стало найти ее, если жива, и спасти, если в плен попала к людям недобрым. Но прежде всего надо было разыскать свое оружие – саблю острую, которой не было на поясе у него после спасения из реки. Решил Арсен осмотреть весь берег, – а вдруг не утонула сабля в потоке быстром.

Встал сарацин и вошел снова по колено в воду. Долго бродил он вдоль берега, но только камни мелкие, да острые виднелись на дне реки. Изредка рыбешки сновали, блестя на солнце чешуей и вдруг, блеснуло сильнее всего меж камней что-то длинное и на полумесяц

похожее. Наклонился Арсен и достал из воды саблю свою сарацинскую. Видно отцепилась она от пояса, когда волна прибила тело его бесчувственное к берегу.

Прицепил на пояс Арсен саблю острую и снова себя воином почувствовал, силы в нем поприбавилось. Вышел тогда на берег Арсен, влез на валун прибрежный, мхом поросший, и огляделся вокруг по пристальнее, обсыхая на солнце. Вынесла его река бурливая на берег недалеко от того места, где начинался лес глухой непроглядный по обоим берегам. У реки повсюду валуны разбросаны были, словно великан какой силы немеряной потешился. С камня, на котором сидел сарацин молодой, видно было что впереди его только лес этот бесконечный и есть, а что за ним неведомо. Лишь только поднималась в глубине его над верхушками деревьев, словно в море, скала темная, до которой на взгляд первый был день пути. Позади же Арсена высились неприступные Снежные горы и шумела река, низвергавшая свои воды бурливые с высоты огромной. Поглядев на пороги, снова уверился сарацин в том, что чудом избежал он смерти на камнях тех острых. Вот только судьба Ксении была теперь неизвестна.

Просушив одежды, в подарок от старца доставшиеся, и поразмыслив хорошенько, решил Арсен храбрый идти искать Ксению в лес, что начинался сразу за полем с валунами огромными. Вдоль реки идти было невозможно, потому что пологий берег скоро кончался, а, как видно было с валуна замшелого, дальше река делала поворот и снова берега ее круто забирали вверх, становясь неприступными, хоть и текла она теперь по равнине. Если была жива Ксения, то следы ее непременно где-то поблизости могли отыскаться, потому как дальше вниз по реке ждала ее верная смерть в воде, даи челн разбился неподалеку. Встал Арсен, поправил саблю свою верную на боку и, спустившись с валуна замшелого, отправился в лес темный, держа путь поначалу на скалу лесную одинокую.

Шагал он по полю меж камней шагом быстрым насколько мог, – земля была здесь мягкая от воды близкой и ступни его в сапогах кожаных вязли немного. Как отдалилось тело от смерти в реке быстробурливой, да одежда пообсохла, почуял Арсен муки голода и стал думать как бы ему раздобыть дичь какую на пропитание. Только непонятно было еще, что за дичь могла водиться в землях этих заповедных, людьми добрыми нехоженных, и можно ли есть мясо ее. Услышав вдруг над головой своей крики непонятные, увидел Арсен в вышине небесной стаю птиц неведомых черных с клювами длинными и крыльями широкими, что парили над землей распластав их по ветру. Походили птицы те более на стервятников, только были раза в три крупнее и могли свободно нести в когтях своих теленка или человека даже. Пожалел сарацин, что нет с ним лука крепкого, а то сшиб бы он наверняка одну из тварей этих хищных и насытился, если не питались они падалью местной и тела их не были отравлены ядом. Покружив над полем, меж тем, птицы повернули в сторону лесной скалы.

В думах таких достиг Арсен кромки леса и ступил под сень его, где свет солнечный поблек скоро. Оказавшись во власти полумрака, постоял он на месте время малое, но глаза его острые привыкали быстро. А приглядевшись, увидел вокруг себя сарацин из стран далеких, множество деревьев с огромными стволами, в три обхвата каждое, уходившие в вышину и там сраставшиеся кронами мощными. Кора на стволах тех была с широкими бороздами, струившимися от корней до самой макушки. В низу же сучков на деревьях почти не было. Оказался сарацин словно меж колонн лесного дворца бесконечного. Видно было, что по стволам огромным вверх и вниз сновало множество мелкой живности, но на взгляд в пищу она не годилась, да и достать ее было непросто. Почва же под ногами суше стала и жестче, трава здесь была не высокой. Постояв немного, углубился Арсен храбрый в лес в направлении скалы, что видал с берега, надеясь, что не сообразит с пути в полумраке лесном.

Деревья огромные стояли плотной стеной, и оттого не было в лесу дуновения ветерка, казалось все тихо вокруг. Стал Арсен прислушиваться, – вдруг услышит крик Ксении о помощи. Но пока только изредка доносились из крон переплетенных меж собой крики редкие мелкой живности, которую и глазом было не видеть, но сарацин надежды не терял. Шел так Арсен время немалое, пока не вышел на поляну лесную, которую деревья кольцом окружали, а в разрыве крон густых виднелось небо далекое синее. Остановился Арсен,

посмотрел вверх и зажмурился даже, успев от света чистого отвыкнуть. А разглядывая неба клочок увидел она на стволах, недалеко от земли, зверей видом своим с медведем схожих, встречал он таких во время похода на Русь, только шкура у этих была цвета охры с белыми пятнами, а головы было две и каждая величиной с полтела. Много зверей таких висело на суках и ползало по стволам вокруг поляны. Увидав человека, повернули они в его сторону головы свои безобразные и клыки оскалили. Стали сползать медленно к земле их тела, на вид неуклюжие. Понял Арсен, что дело жарким может обернуться, и пустился дальше в лес темный, слишком много было двухголовых тварей на той поляне.

Скоро стал меняться лес. Все ближе стволы друг к другу росли, стали сучки появляться на них, начался подлесок невысокий, почва размягчилась и местами заблестели тускло лужицы воды меж корнями. Чем дальше продвигался Арсен, тем темнее и непроходимей становился лес. Показалось сарацину, что повернул он к реке снова, с пути сбился. И вдруг раздался грохот невиданный, а за ним треск на весь лес, словно рухнула скала с неба и деревья повалила немеряно. Заходила земля под ногами ходуном. Прислушался Арсен к тому шуму и услышал как деревья ломаются далеко впереди на пути его с треском, и падают стволы их, круша все вокруг. А грохот тот все приближался, повторяясь снова и снова. Спрятался Арсен в корнях могучего дерева-исполина, саблю свою в руке сжал, и стал ждать что дальше будет. Захотелось ему узнать, кто этот шум в лесу вызывает, что за зверь невиданный.

И вот услышал он как совсем рядом стали падать деревья, небеса подпиравшие своими кронами. Вот рухнуло одно из них около Арсена, накрыв его ветками своими мохнатыми, и сквозь них увидел Арсен тех, от кого исходил грохот непереносимый, – шагали через бескрайний лес два великана, издавая крики звериные. Тела их были подобны скалам в Снежных горах, а ноги башням каменным. От ступни босой оставался след такой глубины, что в нем могли три лодьи уместиться и еще место осталось бы. Лес для них словно поле с травой невысокой казался. Брели же они не разбирая дороги, но, показалось Арсену, вдоль гряды горной на север лежал путь великанов.

Как отделились они на расстояние безопасное, выбрался Арсен из своего убежища меж корней и веток, влез на одно из деревьев поваленных и огляделся по сторонам. Словно ураган прошелся по лесу бескрайнему. Тянулась за великанами широченная просека из бурелома сплошного, путь их отмечая из одного конца леса в другой. Увидал Арсен на дальнем краю просеки этой скалу лесную, что с берега реки заметил еще. До нее оставалось совсем немного пути, только пройти через бурелом. Показалось сарацину, что вьется струйкой тонкой дым у подножия той скалы. Не раздумывая долго, спустился он с дерева и стал пробираться меж стволов поваленных великанами, спины которых еще виднелись вдали и земля еще содрогалась от их шагов. Вдруг раздался крик из той стороны. Обернулся Арсен и увидел, что один великан схватил рукой птицу мимо пролетающую, из тех черных, что заметил сарацин раньше над лесом, и, разорвав на части, впился в нее зубами. Это ее предсмертный крик разнесся над лесом бескрайним. Ел великан прямо на ходу, не останавливаясь и не приседая на землю.

Идти Арсену по бурелому было труднее, чем по лесу замшелому, хотя и светлее стало. Где приходилось пролезать под деревьями-исполинами, где взбираться на них, словно на мосты, нависшие над пропастью. Добрался он так до края огромной ямы, как сначала подумал, дна которой сразу и не разглядел. Но, присмотревшись, догадался он, что это след от ноги великана. Подивился Арсен великанам, родившимся в этой загадочной и неведомой стране. Если бродят здесь такие огромные люди, какие же здесь звери обитают? Упаси Аллах от встречи с ними!

Обошел Арсен след великана по самой кромке, взобрался на новое дерево поваленное, и снова огляделся. Гора была уже совсем рядом, в пяти сотнях шагов. Огромная и острая возвышалась она над окрестностями и была видна из далека, даром за приметил ее Арсен еще от самых порогов. Северная часть горы заросла чахлыми деревцами, а правая была абсолютно голой и скалистой. Однако, и на сей раз, показалось ему, что из-за горы

поднимается едва заметный дымок, даже несколько. Решил он тогда обогнуть гору с юга и узнать, что за люди там приютились.

Оставшиеся пятьсот шагов по бурелому Арсен преодолел быстро и вступил снова в лес темный, что подходил к горе со всех сторон. Словно кошка пробрался он меж деревьев, приблизился осторожно к самому подножию скалы, где донеслись до него звуки голосов людских. Спрятавшись за мощным стволом, высунул он голову свою и осмотрелся. Открылся ему вид на стоянку людей неизвестной породы. Находилось стойбище над отвесным обрывом невысоким, где природа сотворила плоское место. Были люди те светлы кожей, рослые, самый низкий был на голову выше Арсена, сильны на вид, имели все волосы длинные, до плеч. Тела их мощные укутаны были в шкуры. Числом более трех дюжин сидели лесные люди, как назвал их для себя Арсен, вокруг костров и жарили на вертеле туши каких-то животных, видом схожих с быками средней величины. Рядом лежали их копья и дубины исполинских размеров. Выше всех, на скальном выступе, стояли в дозоре два лучника. Мечей и сабель не заметил у них Арсен.

Запах жареного мяса защекотал нос, заставив Арсена на миг забыть и сделать неверное движение. Под его ногой с громким треском хрустнула ветка. Лесные люди всполошились. Лучники заметили его и тут же запела тетива, – над головой сарацина просвистели две стрелы, впившись в ствол позади него. Остальные схватились за свои копья и встали над обрывом, готовые отразить нападение неведомого врага. Арсен спрятался за дерево и не мог решить, что же делать. Лесные люди оказались не слишком гостеприимны, но они наверняка приняли его за врага. А муки голода терзали его все сильнее. Вдруг со скалы донесся голос, который, к великому удивлению Арсена, обращался к нему на понятном языке:

– Выходите проклятые глорги, мы готовы сразиться с вами в открытом бою!

Немного подумав, Арсен крикнул в ответ:

– Я не глорг, я пришел к вам с миром!

Со скалы раздался враждебный хохот:

– Глорги никогда не приходят с миром.

Арсен решился и шагнул на открытое место, опустив саблю.

– Меня зовут Арсен. Я пришел сюда из далекой страны за горами и не желаю вам зла.

Над скалой повисло молчание. Спустя мгновение его нарушил здоровенный рыжеволосый воин.

– Из-за гор никто сюда не приходит. Но ты и правда не глорг.

Воины опустили копья, но лучники еще не спускали зорких глаз с сарацина.

– Чего тебе надо? – спросил тот же рыжеволосый воин.

– Я иду Небесный город, но вчера на реке разбилась моя лодка. Я едва спасся из воды, когда спускался по водопаду, но потерял свою спутницу. Теперь я должен найти ее в этом лесу, прежде чем идти дальше, потому что наши судьбы связаны навсегда.

Со скалы снова раздался дикий хохот. Теперь смеялись все лесные люди. Рыжеволосый показал на него рукой и воскликнул:

– Вы слышали? Он прошел сквозь пороги Аррасса! Ха-ха-ха! Даже глорг не мог бы соврать глупее!

Арсен потерял терпение, а вместе с ним осторожность. В тех местах, откуда он был родом не пристало долго сносить оскорбления и насмешки. И ему было уже все равно. Посмотрев на рыжеволосого, Арсен твердо и громко сказал:

– Перестань насмехаться надо мной, рыжеволосая обезьяна. Перед тобой стоит воин. Если ты не трус, спускайся со скалы и докажи, что я лгу!

Не прошло и мгновения, как лесной человек глухо приземлился на траву рядом с ним, держа в руках копье. Видно лесные люди были не из робкого десятка. Арсен отступил на шаг и выхватил саблю. Вокруг них была небольшая поляна, с одной стороны огражденная частоколом деревьев, а с другой отвесной скалой. Рыжеволосый детина был разъярен и скрежетал зубами.

– Ты назвал меня обезьяной, чужеземец! Что ж, хоть ты и не глорг, я тебя убью. Даже если ты не знаешь, что в нашей стране нет страшнее оскорбления, чем назвать свободного жителя лесов именем этой кровожадной и ленивой твари.

С этими словами он поднял копьё и бросился на Арсена. Лесной житель был силен как кабан, но столь же не поворотлив. Он не ожидал от сарацина кошачьей ловкости в бою. От первого удара, который должен был лишить его жизни, Арсен уклонился и рыжеволосый пронёсся мимо, едва не воткнув копьё в мощный ствол дерева. Развернувшись, он с криком ярости снова кинулся вперед, нацелив копьё в грудь Арсену. На этот раз сарацин отпрыгнул в сторону и незаметным движением ударил его по колену, а другим выбил копьё из рук. Рыжеволосый рухнул на траву перед ним, потеряв опору. Арсен резанул саблей воздух, вспоров шкуру на спине лесного жителя, но не оставив даже царапины на его коже. Рыжеволосый перевернулся на спину и затих от неожиданности. Он ждал последнего смертельного удара. Когда Арсен приставил острие клинка к его горлу, лесной житель уже прощался с жизнью. Но сарацин не стал его убивать. Вместо этого он сказал, глядя ему в глаза:

– Я пришел к вам не убивать, мне нужно другое.

– Что же тебе нужно? – прохрипел рыжеволосый, не веря в спасение.

– Мне нужно найти свою спутницу... – Арсен замолчал на мгновение, посмотрев на дымящиеся на скале костры, и добавил – ... и немного поесть.

На всякий случай он откинул подальше ногой валявшееся рядом копьё рыжеволосого и убрал острие сабли от его мускулистой шеи. Затем сарацин отступил на шаг назад и взглянул на других лесных людей, которые наблюдали за поединком со скалы не вступая в него. А ведь их было много и они могли победить его числом, но почему-то не сделали этого. Видно не в их обычаях нападать всем миром на одного.

Рыжеволосый вскочил на ноги и потер шею, в том месте куда был приставлен клинок Арсена. Рассеченная пополам шкура, служившая ему одеждой, упала на землю, оставив его в одних лохмотьях болтавшихся на бедрах. Рыжеволосый не обратил на это внимания и сказал без злобы:

– Ты победил в бою и не убил меня, чужеземец. По нашим законам я должен тебя простить. Мое имя – Нурк, я – первый воин среди лесного племени.

Арсен ничего не ответил, он молчал выжидая, что будет дальше. Слишком быстро ярость сменилась на дружелюбие у этого лесного жителя.

– Ты можешь остаться с нами и поесть, – добавил Нурк.

Он кивнул остальным воинам и тотчас со скалы скинули длинную веревку с узлами, на вид она показалась Арсену сделанной из тонких древесных стволов. Нурк первым повернулся к Арсену спиной, поднял свою рассеченную шкуру, обвязал ее вокруг пояса и ловко вскарабкался на верх. Сарацин последовал за ним, все равно терять ему было уже нечего, а от этих лесных обитателей можно было разузнать что-нибудь об этой стране, если повезет.

Поднявшись он оказался среди здоровенных бородатых и волосатых великанов, которые однако не стали его убивать. Видно, победа над первым воином из их племени говорила о многом, хотя, стоило им только захотеть и жизнь Арсена была бы окончена в одно мгновение. Вместо этого сарацину указали место у одного из костров и подали кусок мяса походившего вкусом на говяжье. Лесные воины также уселись вокруг костров и снова вернулись к еде, будто и не было никакого поединка. Никто ни не стал заговаривать с ним, расспрашивать его о чем-то. Арсена поразило их безразличие к врагам, спокойствие и быстрый переход от войны к миру. Видно это были горячие и отходчивые люди. Единственное что показалось Арсену странным, – ели они очень быстро.

Нурк уже залатал свою шкуру и сидел рядом, то и дело впиваясь крепкими зубами в здоровенный кусок мяса и проглатывая его с необыкновенной скоростью. Арсен окинул взглядом стоянку лесных людей, поразмыслил, и все же спросил его:

– Скажи, а почему ты ешь так быстро? Разве вы скоро уходите отсюда?

– Нет, мы здесь ночуем, – ответил Нурк с набитым ртом, – Просто скоро надо гасить костры.

Арсен удивился еще больше.

– Зачем гасить костры, ведь уже смеркается и скоро станет совсем темно?

Нурк взглянул на него с сомнением:

– Видно ты и правда из далеких мест и никогда не слышал про Харду. Каждую ночь ужасная Харда выходит из своей пещеры на острове обезьян, переплывает море и выходит на берег в наших лесах, недалеко от того места, где полноводный Аррасс впадает в Море Туманов. Всю ночь она рыщет по прибрежным лесам в поисках пищи и хватается когтями каждого кто попадется. Если она увидит костры, то мы точно отправимся в ее пасть. А Нурк, – он ударил себя кулаком в грудь, – еще не может умереть, потому что еще не нашел себе жену.

Арсен осмотрелся и не увидел среди лесных бородачей ни одной женщины. Немного посомневавшись, потому что боялся снова обидеть Нурка вопросом, не зная местных обычаев, сарацин все же решил спросить:

– А где вы ищите жен?

Нурк не обиделся. Он даже обрадовался.

– Все мужчины из лесного племени живут в прибрежном лесу. А все женщины живут у подножия скал на северной стороне, там, где кончается лес и земля. Когда наступает срок, и мужчина становится воином, все воины одного возраста из нашего племени собираются вместе и идут искать себе жен. Ты встретил нас на пути в северные предгорья, и чуть не лишил мужа мою будущую жену. Но я не сержусь на тебя. Это лучше, чем быть съеденным Хардой или быть растерзанным кровожадными обезьянами.

Небо над лесом быстро темнело. В его уголках начали понемногу зажигаться тусклые звезды. Арсен откусил кусок мяса и прожевал. Мясо было сочным и мягким, видно охотникам попался молодой зверь. Голод перестал терзать Арсена и он задумался о другом. Сарацин вспомнил Ксению, о чьей красоте он думал днем и ночью. И ему захотелось побыстрее узнать что с ней и жива ли она.

– Если хочешь, – продолжал словоохотливый Нурк, – пойдем с нами за женами. Это всего в трех днях пути от этой скалы. Жен там хватит на всех. Найдешь себе красивую и будешь жить с нами в лесном городе.

Арсен покачал головой.

– Нет, я уже нашел свою судьбу, но сразу потерял ее. Теперь я должен отыскать ее снова, где бы она ни была. Наш путь лежит не на север, Нурк. Может ты слышал что-нибудь о длинноволосой девушке с ожерельем на шее из такого же камня как у меня и поможешь мне?

Нурк посмотрел на висевший у Арсена на шее камень и удивился.

– Я никогда не видел таких камней. Этот камень родился не в нашей земле. И девушку я тоже не видел. Может спросить у Эрпы. Он – первый охотник из нас и все время шел по берегу реки в надежде поймать рыбу Воо, пока мы держали путь на скалу. Может он что слышал.

Нурк кликнул Эрпу и скоро из полумрака у костра появился бородач, укутанный в черную шкуру. Через его лицо протянулся глубокий шрам, а правое ухо было рваным, словно за него схватилась горная кошка. Нурк повторил охотнику все о чем спрашивал сарацин. Эрпа покачал головой и сказал:

– Нет я не видел девушку сам, но я видел глоргов на том берегу Аррасса, когда ловил рыбу у пологого берега. Они грузили на свой корабль какой-то мешок, но это была не добыча охотников. Они слишком радовались.

– Может они поймали священного оленя Ору и потому веселились.

– Нет, оленя Ору они съели бы еще вчера. Это редкий дар лесных богов, но, рассказывают, что охотники глоргов научились находить его жилище. Глорги ведь не верят в наших богов и поклоняются мерзкой Харде, а значит не веселились бы так при виде оленя

Ору. Я думаю, что это был человек.

– Послушай Эрпа, – сказал Нурк, – Ты видел корабль глоргов. Но куда они собирались плыть?

– Корабль стоял носом в сторону Моря Туманов, значит завтра они пойдут вниз по реке и увезут с собой тот мешок с человеком. Вчера они сильно копошились, готовясь к отходу.

– Почему они так торопятся, Эрпа? Ведь глорги редко заплывают в верховья Аррасса, но если заплывают, то остаются надолго.

– Значит, они приплыли искать что-то такое, что можно принести в жертву Харде. А через три дня у нее должен родиться новый детеныш и настанет день принести жертву, спасите нас лесные духи!

Арсен посмотрел на Нурка. Тот помолчал немного и сказал, глядя ему в глаза:

– Женщина, – лучшая жертва для Харды. Так считают глорги.

Арсен опечалился, охваченный сильным беспокойством от рассказа Эрпы. Если Ксению захватили глорги, то через три дня ее отдадут на съедение мерзкой твари по имени Харда. Хотя Арсен ее никогда не видел, но по рассказам Нурка, это было страшное чудовище и гибель Ксении была неминуема. «О Боги, зачем вы посылаете ей такие испытания!», – подумал Арсен. Но тут же вспомнил, что Ксения попала сюда только из-за него. Значит он и должен ее спасти. Эх, если бы у него во власти были могучие джинны... Но он был один и был сейчас только человеком.

– Послушай Эрпа, – обратился он к охотнику, – Ты можешь мне показать место, где стоит корабль глоргов?

Эрпа покачал головой.

– Мы уже ушли от того места на день пути вверх по Аррассу. Мы идем за женами. Нам нельзя терять время иначе мы станем старыми, прежде чем появятся наши дети. Нам... – он на мгновение осекся... – а почему, чужеземец, твой камень мерцает так сильно?

Но на вопрос ответил Нурк. Он ткнул пальцем в потемневшее небо и крикнул:

– Потому что пришла Харда!

Глава 5. Корабль глоргов

Арсен поднял голову и на фоне почерневшего неба увидел заслонявший звезды силуэт огромного чудовища. Оно почти сливалось с чернотой неба, но неуклюжие движения выдавали ее. Чудовище походило телом на огромного аллигатора, которого видал Арсен в дальних походах отца в северные земли королевства Альморавидов, только стояло оно на задних лапах. Голова Харды была схожа с головой шакала, а короткие передние лапы ошетинились острыми кривыми когтями. Массивный хвост волочился за чудовищем по земле и был усыпан огромными шипами, также как и ее спина, покрытая панцирем. Харда раскрыла хищную пасть со множеством клыков и издала утробное рычание. Ее красные глаза смотрели прямо на Арсена и его спутников.

Первым раздался крик Нурка:

– Гасите костры, иначе смерть нам!

Лесные жители бросились гасить костры, забрасывая их заранее приготовленным сырым мхом, но появление Харды было неожиданным, а костры такими большими, что огонь потух не сразу. Этого хватило хищнику чтобы нанести первый удар. В все увидели метнувшуюся к скале лапу. Со страшным скрежетом, высекая из камня искры, когти чудовища прошли по стоянке лесных людей, оставив в скале глубокие борозды. Своей огромной лапой Харда сбросила со скалы вниз сразу десяток людей и повалила словно тростинки стоявшие рядом деревья. Издав новый рык чудовище разогнуло скрытую под панцирем спину и ударило по скале второй лапой. На этот раз она не просто полоснула камень когтями, – удар сотряс скалу до основания. От нее отвалился огромный кусок и придавил всех кто оказался внизу. Когда лапа ее стала удаляться от скалы, все заметили, что между когтей болтались трое лесных воинов.

– Бежим в пещеру, – крикнул Нурк и подтолкнул Арсена к дальней части скалы. За ним сзади устремился и Эрпа и еще несколько лесных воинов, – Надо укрыться, а то она скинет нас со скалы, как остальных.

Нырняя в черную дыру в скале, Арсен успел заметить в неверном свете поднявшейся луны, как Харда поднесла к своей пасти лапу и откусила головы лесным охотникам. Это же заметил и Нурк.

– Эта тварь все-таки нашла нас, спасите нас лесные духи!

Арсен и Нурк остались у вход в пещеру, чтобы наблюдать за чудищем. Нурк должен был охранять вход, а Арсену, не смотря на ужасный вид чудища хотелось посмотреть на нее, – он предвидел новую встречу. Остальные спустились ниже. Эрпа сказал, что ход выдолблен до самого низа, – охотники часто прячутся здесь от Харды. Но никогда раньше она не подкрадывалась так тихо и не приходила на закате, только в глубокой ночи, когда все успевали погасить костры.

– А где остальные? – спросил Арсен Нурка, ему показалось, что с ними в пещеру нырнуло всего несколько человек. У костров лесных людей было намного больше.

– Если живы, то в соседней пещере. Там, на южном краю лесной скалы, есть еще одна пещера. Она не соединяется с нашей и мы увидимся на рассвете. Те, кто спасется.

Арсен посмотрел на Харду, которая нависла над скалой массивной громадой, заслоняя луну своим телом. Слабые синеватые отблески играли на ее чешуйчатом панцире, когда она поворачивала свою уродливую голову с красными глазами из стороны в сторону. Когда погасли костры и лесные люди пропали из вида, это ее сильно разозлило. Она видела сейчас перед собой только скалу, но чуяла, что пища еще здесь. В ярости Харда ударила о землю хвостом с огромными шипами, повалив с диким треском несчетное количество исполинских деревьев. Она била хвостом по земле снова и снова, пока вокруг нее вообще не осталось растущих деревьев. На последок она изо всех сил ударила хвостом по скале. Арсен и Нурк свалились с ног и отлетели вниз по выдолбленному ходу, изранив в кровь руки и лица, едва не поломав себе все кости. Но скала выдержала этот удар и они остались живы. Издав дикий рык, от которого содрогнулись все лесные жители, Харда медленно развернулась и пошла к морю, ломая все на своем пути в поисках новой пищи.

На утро Арсен очнулся от того, что его кто-то тормозил. Но в темноте, он никак не мог разглядеть кто. По низкому голосу он узнал охотника Эрпу.

– Вставай, – сказал Эрпа. – мерзкая Харда ушла, можно вылезать из пещеры.

Ощупывая стены каменного прохода Арсен медленно выбрался за Эрпой наружу. Наверху ему в глаза ударило яркое солнце. Арсен зажмурился от боли, а когда снова открыл глаза, перед ним предстало страшное зрелище. Во все стороны от полуразрушенной скалы, которая за ночь почти вдвое уменьшилась в размерах, тянулся бурелом. Лес чудом сохранился только с той стороны, которая смотрела на недалекий берег Аррасса. Снизу поваленные деревья почти доходили до уровня стоянки лесных людей, а под ними были погребены теперь те воины, которых Харда сбросила со скалы первыми. На самом краю обрыва стоял рыжеволосый Нурк с копьем в руке и смотрел вниз. Рядом с ним было еще трое воинов. Арсен огляделся вокруг и насчитал всего около дюжины лесных людей, вчера вечером их было втрое больше. Смерть собрала большой урожай, а Харда запаслась едой на несколько дней.

Нурк повернулся и увидел Арсена и Эрпу. По его лицу текли слезы ярости.

– Когда-нибудь, чужеземец, – сказал он Арсену, – я соберу всех воинов из племени лесных людей. Мы построим большой корабль, такой, что ходит по морю, и приплывем прямо на остров Обезьян. Там мы выгоним Харду из логова и убьем вместе с ее мерзкими отродьями.

Арсен посмотрел в сторону берегов Аррасса и сказал:

– Чего же ты ждешь, храбрый Нурк. Если я верно вчера услышал, большой корабль глоргов стоит у берега Аррасса в одном дне пути отсюда. Если ты захочешь, наши пути могут привести нас туда.

Молчавший до того Эрпа воскликнул:

– Нурк, мы шли за женами. Они и так уже не досчитаются половины мужей. А если мы пойдем с чужеземцем, в лесном городе вообще может не вырасти детей. Он не принес нам счастья.

Нурк взглянул на охотника.

– Ты прав Эрпа, жены могут нас не дожидаться вовсе. Но, если Харда так и будет жить на своем острове и появляться здесь каждой ночью когда захочет, лесное племя скоро вымрет совсем. А если вырастут ее дети, то на всем побережье останутся одни лишь глорги. Я хочу рассчитаться с Хардой за Фера, Гроста, Хо, Раззу и всех остальных. Кто хочет, может идти дальше, а я пойду с тобой, чужеземец. Мы захватим корабль глоргов и поплывем на остров Обезьян. И пусть Харда прячется поглубже в свою нору!

– Постой Нурк, – сказал стоявший невдалеке чернобородый воин, – Ты хочешь в одиночку одолеть всех глоргов на корабле, а потом убить Харду? Ты смел, но ярость ослепила тебя. Лесные люди не ходят в одиночку. Я пойду с вами, даже если не быть мне женатым.

Услышав этот разговор остальные воины решили идти с Арсеном и Нурком к кораблю глоргов. Дружба ценилась среди лесных людей превыше всего. В конце концов согласился и осторожный Эрпа.

– Но как мы убьем дикую Харду? – спросил Арсен у Нурка.

– Не знаю, – ответил тот, – главное захватить корабль глоргов и нескольких рабов из них, которые умеют управлять кораблем в море. Иначе мы собьемся с пути. Никто из нас никогда не плавал и не бывал в море. Мы – жители страны прибрежных лесов. А в пути у нас будет время придумать ей смерть.

– Я бывал в море, – сказал Арсен, – но я не умею управлять кораблем. Я только видел как это делали другие.

– Значит, ты знаешь о море больше нас всех, чужеземец. Ты поможешь нам вести корабль.

Арсен ничего не сказал в ответ. Предстояло сначала захватить корабль таинственных и злых глоргов.

Лесные жители и сарацин, который после ночного нападения Харды чувствовал себя почти одним из них, спустились со скалы по той же толстой веревке из лесных стволов, по которой поднимались вчера. По счастью ее не коснулись острые когти Харды. Воины обогнули скалу и вступили в замшелый лес, примыкавший к берегу полноводного Аррасса. Сарацин уже успел выучить название реки и ему даже нравилось, как ее называли меж собой лесные жители. Шли они быстро, а кроме копий и луков не было у них ничего. Лес был для спутников Арсена домом, где они всегда могли добыть себе еду, одежду и ночлег. И хотя они постоянно были в пути, им не нужно было ничего носить с собой, кроме оружия для охоты и защиты от зверей диких.

Спустя полдня вышел отряд лесных воинов на берег Аррасса. У Арсена заныло сердце, когда он снова увидел реку и вспомнил о Ксении, которая, если и не утонула в этой бурливой реке, была сейчас в плену у глоргов, поклонявшихся кровожадному чудовищу. Еще быстрее захотелось ему освободить Ксению.

Берег Аррасса здесь круто обрывался в воду и не было к нему спуска на день пути вверх и день пути вниз по течению. Эрпа, хорошо знавший здешние места, сразу повел лесных воинов тайной и неприметной тропкой вдоль берега. Корабль глоргов, как он говорил, должен был показаться ближе к ночи на другом берегу. Тогда-то в темноте, подплыв незаметно, они и нападут на корабль и перебьют всех мерзких глоргов, сколько бы их там не было.

По дороге Нурк рассказал Арсену о городе лесных жителей. Вообще-то, городов было три. В первом, который находился на далекой южной оконечности побережья, куда не заплывает даже Харда, подрастали молодые обитатели страны прибрежных лесов. Жили там одни мальчишки до тех пор пока не достигнут возраста воинов. Затем они уходили в леса и

искали там свое имя. Рано или поздно каждый из них становился кем-то: охотником, лесорубом, знахарем, но всегда оставался воином, готовым сразиться с врагом. И тогда они собирались на большой поляне воинов, что была далеко на восток от Аррасса. На той поляне обитал дух главного воина Урчи, который посылал их на войну, если была война, или отпускал во второй город, если был мир. Много лет, как много никто и не помнит, стоял мир в лесах прибрежных и молчал дух великого воина Урчи. Уже задолго до того, как здесь появился Арсен, на побережье не было войн и в лесу жили мирно, опасаясь лишь хищников, да великанов. Уходили все воины лесные с поляны каждый год во второй город. А второй город, построен был у подножия скал северных, и жили в нем одни женщины. В этом городе молодые воины проводили ровно год и выбирали себе жену по сердцу на всю жизнь. А когда выбор был сделан, они вместе уходили в третий город, что стоял в самой глубине лесов, куда никто из воинов за всю свою жизнь не приходил в одиночку, и жили там семьями и рожали потомство. Когда дети едва подрастали, матери отводили мальчиков в южный, а девочек в северный город и не видели их больше никогда. Так и жили лесные жители всю свою жизнь.

Но недавно на одиноком пустынном острове появилось чудовище, которое лесные жители называли Хардой, и стало плодиться, каждый год давая по несколько новых зверенышей и съедая старых. Вместе с ней на острове появились обезьяны, которые ели людей и питались падалью, а на других многочисленных островах, что разбросаны вдоль побережья Моря Туманов, появился жестокий народ глоргов, приплывший вместе с Хардой из-за моря. Это были кровожадные и злые люди, которые поклонялись Харде и всегда следовали за ней. Они умели строить корабли и ходить по открытому морю. Глорги служили своей богине и собирали для нее жертвы по всему побережью, воюя с лесными людьми и предавая их смерти. С той поры, как Харда появилась в этих местах, у лесных жителей почти не осталось стариков – никто не доживал до глубокой старости. Не было ни одного лесного воина, который не хотел бы убить Харду и вместе с ней уничтожить злых глоргов.

Выслушал Арсен рассказ Нурка и призадумался. Показалось ему, что и здесь отразилась его судьба, словно не было Снежных гор между миром неизведанным и миром далеким полунощным. Тогда он спросил Нурка:

– А давно ли в этих местах появилась Харда?

– Нет, – ответил ему рыжеволосый Нурк, – Еще не успело солнце дважды обойти вокруг побережья от снегов до тепла, как изменилась наша жизнь.

Арсен промолчал, но подумал о том, что если суждено ему найти Ксению и дойти вместе с ней до Небесного города, то может быть изменится жизнь и на этом побережье.

Неожиданно шагавший впереди Эрпа остановился и присел, спрятавшись в траву. Все лесные вины также упали на землю и притаились.

– Что случилось? – спросил Арсен у Нурка.

– Не знаю, – ответил тот, – но Эрпа никогда не ошибается. Впереди враги.

Он ползком пробрался к Эрпе, а потом поманил к себе рукой Арсена и, когда тот осторожно приблизился, указал куда-то вперед по направлению к реке. Арсен повернул туда свою голову и сквозь ветки дерева увидел стоявший на реке большой корабль. Он был широким, пятеро лесных воинов могли свободно разойтись на палубе, но сидел в воде не глубоко. Видно, те, кто плавал на корабле, часто заходили в реки, а потому делали свои корабли плоскодонными. Борта поднимались над водой в рост всего одного лесного жителя. У самой воды виднелись длинные весла. Высокая мачта была величиной с половину прибрежного дерева, а черный парус с нее был сейчас спущен. Нос корабля венчался черепом быка с огромными рогами. На вид корабль мог нести до нескольких дюжин людей. Но сейчас на нем не было почти никого, – сквозь ветви можно было разглядеть только нескольких глоргов, расхаживавших по палубе. Это были охранники. Остальные, наверное, ушли в лес в поисках новых жертв для Харды.

Эрпа указал на корабль пальцем и тихо прошептал:

– Это корабль глоргов.

Арсен уже догадался об этом. При виде корабля глоргов у него слегка защемило

сердце. Что-то в облике корабля напомнило ему корабли из армады своего отца Кабашона, они были такие же черные, с черными, как смоль, парусами. Неожиданно Эрпа снова заговорил.

– Это корабль глоргов, но это не тот корабль, который я видел.

– А ты не мог ошибиться? – спросил его Арсен с тревогой в голосе.

Охотник пристально посмотрел на него и сказал обиженно:

– Эрпа никогда не ошибается. Это другой корабль.

Со всех сторон к ним ползком приблизились остальные лесные жители, они все уже разглядели корабль глоргов на реке. Чернобородый воин по имени Иму сказал, обращаясь к Нурку.

– Что будем делать Нурк? Пойдем дальше, искать тот корабль? На два корабля нас не хватит.

Но хитрый Нурк уже придумал, что делать. Иногда Арсен поражался, как в этом лесном жителе сочетается изворотливый ум со слепой яростью. Нурк сказал так:

– Нет, Иму. Искать тот корабль пойдешь ты один. До него осталось меньше, чем полдня пути. Мы будем ждать тебя здесь. Если ты придешь и скажешь, что тот корабль все еще стоит на реке, мы пойдем к нему и захватим его. Но, если он уже вышел в море, то нам не на чем будет добраться до острова Обезьян. И мы захватим этот.

– Подожди, Нурк, – горячо вмешался Арсен, – Если это не тот корабль, на котором глорги держат мою спутницу, то он мне не нужен. Мне надо торопиться и идти к дальнему кораблю.

– Послушай, чужеземец, – ответил рыжеволосый Нурк, – Мы видели тот корабль уже два дня назад. Если он ушел, то ушел на остров Обезьян, и у нас с тобой остался один путь туда, – на этом корабле. Если тот корабль глоргов еще здесь, то к вечеру, когда вернется Иму, мы его захватим. Но мы не можем просто отпустить хотя бы один корабль глоргов без боя.

– Хорошо, Нурк, – согласился Арсен, хотя мысль о том, что освобождение Ксении из плена глоргов начнется только вечером была ему невыносима, – Я подожду.

Чернобородый Иму ушел по тропе вдоль берега, неслышно ступая, а остальные воины спрятались за деревьями вдоль берега и стали наблюдать за кораблем. На нем оказалось только полдюжины глоргов и десяток рабов, прикованных цепями к веслам. Остальные пока не появлялись и никаких звуков из леса на противоположном берегу Аррасса не доносилось. Иму вернулся, когда солнце начало свой медленный спуск за край лесной страны. Корабль глоргов, который видел два дня назад Эрпа, оставил стоянку в низовьях Аррасса и ушел в Море Туманов, вместе со своей добычей. Арсен чуть не взвыл от досады, – Ксению везли на корабле на съедение жуткой твари, чудовищу, страшнее которого не было в этих местах. Теперь оставался только один путь, как говорил Нурк, – захватить корабль глоргов, еще стоявший на другом берегу.

Лесные воины подождали, пока тьма не сгустилась над Аррассом настолько, что они едва могли различать друг друга в темноте в нескольких шагах. Глорги не зажигали костров ночью, потому что боялись своего бога Харды, так же как и лесные жители. Корабль погрузился во тьму. Воины, крепко привязав свои луки и копья гибкими стволами молодых кустов за спину, осторожно вошли в воду и поплыли к кораблю глоргов. Аррасс был широк и прохладен в этом течении, но, к счастью, менее бурлив, чем в верховьях. Арсен с ужасом вспомнил, как они с Ксенией проходили смертоносные пороги на утлом челне и содрогнулся. Когда сарацин, державший свой меч в одной руке, стал различать на водной глади очертания корабля глоргов, его ноги стало сводить от холода, но к счастью цель была уже близка.

Лесные жители умели плавать очень тихо и глорги, которые лучше ощущали себя в море, чем на суше или на реке, ничего не услышали кроме плеска волн до тех пор, пока воины не достигли корабля. Схватившись за весла, лесные жители в один миг оказались на палубе корабля и набросились на глоргов, половина из которых спала вповалку, на закате

напившись грибного настоя. Первому глоргу, который вырос перед ним из темноты, Арсен одним взмахом сарацинского меча отрубил руку в которой тот держал боевой топор, а вторым вспорол шкуру на груди. Глорг упал замертво заливаясь кровью. Второму сарацин раскроил массивный череп, – меч прошел через толстый кожаный шлем, но достиг цели. Оступившись, глорг с громким всплеском рухнул в воду Аррасса, далеко отбросив свой щит и огромный кривой нож с широким лезвием. Услышав сдавленный крик, Арсен обернулся на звук, но это был Нурк, который вогнал свое копьё в грудь другого глорга и воткнул его в мачту. Остальные глорги, собравшись на носу корабля, схватились с лесными жителями на смерть. Один из глоргов выбил копьё у чернобородого Иму своим боевым топором и ударил им лесного жителя прямо в грудь. Духи страны лесов и побережья приняли его к себе. В ответ Эрпа поразил своим длинным копьём в бок глорга, убившему Иму, и толкнул его за борт. Оставшись без оружия Эрпа выхватил кривой нож у мертвого глорга, валявшегося на середине палубы, и накинудся на появившегося из темноты лучника глоргов. Тот, отбросив бесполезный в ночи лук, тоже выхватил нож и принял бой. Глорги были неплохими бойцами на ножах, которые скорее походили на короткие мечи, а лесные жители привыкли обходиться копьём и луком. Мечей они не ведали. Потому Эрпа первым получил рану в плечо и стал отступать к корабельной мачте. Лучник наседа на него так крепко, что Эрпа был ранен еще раз в руку и бедро и уже попрощался с жизнью, если бы не Арсен. Он возник из-за спины Эрпа и одним ударом своего сарацинского меча лишил лучника кисти, а затем и головы. С глухим стуком, словно мешок с камнями, обезглавленный глорг упал на палубу. Спустя еще несколько мгновений битва была кончена. Обрадованные рабы, прикованные к веслам, и наблюдавшие за жаркой схваткой, издали крик радости увидев победу лесных людей. Но Нурк приказал всем молчать. Те глорги, что были на корабле, были только малочисленной охраной, остальные могли оказаться поблизости и вернуться в любой миг.

Собравшись вместе лесные люди недосчитались чернобородого Иму и лучника Фагу. Их осталось меньше дюжины. Эрпа был сильно ранен и истекал кровью. Одного из глоргов лесные воины ранили и связали, чтобы не убежал, пока от него не станет известно о судьбе остальных. Несмотря на большую опасность Нурк решил остаться на корабле до утра, – ночью они еще вернее разобьют корабль или сядут на мель. Скоро должно было светать. Они прикрыли раны Эрпы целебными листьями альтиша, которые всегда носили с собой на такой случай, и расспросили рабов. Те рассказали, что глорги с корабля узнав о ценной добыче, которую поймали три дня назад на берегу их соплеменники, ушли в лес в надежде поймать жертву для Харды, но должны были вот-вот вернуться. Это известие еще раз убедило Арсена, что Ксения на корабле глоргов, и он не мог дожидаться утра, что бы плыть вперед.

Нурк велел притащить пленного глорга и, приставив добытый в битве кривой нож к его горлу, спросил про остальных. Глорги трусливы, когда их мало, они держатся за свои жалкие жизни, а потому этот глорг поведал, что знал. Он сказал то же, что и рабы. Скоро остальные должны вернуться с добычей и отправится на остров Обезьян, потому что через два дня у Харды родится звереныш и настанет великий праздник для глоргов – день жертвоприношения. А главная жертва для Харды на другом корабле и уже плывет на остров Обезьян. Нурк велел крепко привязать пленного глорга к мачте, тот будет показывать дорогу и следить, что бы лесные люди не сбились с пути. Иначе его ждет ужасная смерть от руки лесного жителя. А для глорга не быть съеденным Хардой, – страшный позор. Рабам Нурк сказал, что отпустит их только тогда, когда приплывет на остров Обезьян и убьет Харду.

Зорко вглядываясь в темный берег, лесные люди стали дожидаться рассвета. К счастью до утра глорги не появились. А когда небо стало светлеть они увидели вдалеке над бескрайним лесом силуэт кровожадной Харды, уходившей в сторону побережья после ночной охоты. Пленный глорг рассказал лесным воинам как поднять поруса и как управлять ими. Воины отвязали корабль от берега, подняли парус и медленно поплыли вниз по течению. Спустя полдня, корабль глоргов, захваченный лесными воинами, вышел из Аррасса в бескрайнее Море Туманов и направился к едва видневшемуся в дали острову Обезьян.

Глава 6. На острове Обезьян

Неприветливо встретило Море Туманов корабль с лесными жителями. Высоко вздымались его пенные валы, качая на своих гребнях. В воздухе пахло нарождавшейся бурей. К счастью отчаянных лесных воинов, никогда прежде не бывавших в открытом море, ветер дул со стороны Снежных гор. Едва они вышли из Аррасса, как он наполнил черный парус силой и погнал корабль глоргов прямо к далекому острову Обезьян. Когда корабль стал стремительно уходить в Море Туманов, Арсен взглянул назад и увидел протянувшееся от одного конца моря до другого побережье, поросшее исполинскими деревьями и служившее домом его спутникам. Чем дальше уходил корабль в море, тем более расплывчатым становилась линия берега, укутываясь туманной дымкой.

Стоявший у руля раб правил на остров Обезьян. Всем рабам Нурк обещал свободу после того, как они достигнут острова и убьют Харду, хотя рабы и были из глоргов. Среди этого народа в ходу было делать рабами своих соплеменников и даже однокровников, чего не бывало среди лесных жителей. Рабы боялись острова Обезьян больше огня, но другого выхода Нурк им не составил. Пленный глорг был привязан к мачте и следил за тем, что бы они не сбились с пути. Все лесные воины собрались на носу корабля, возле раненого Эрпы, и горячо спорили о том, как им быть дальше. Арсен присел рядом на валявшийся у борта моток древесной веревки и прислушался к спору.

Однажды Остров обезьян был скалистым и неприступным. Это лесные жители знали уже давно, от попадавших к ним в плен глоргов. Глорг, бывший сейчас у них в плену говорил то же самое. К острову Обезьян можно было подойти и высадится только с одной стороны – через бухту на дальнем конце острова, там где высилась огненная гора. Где то там и жила дикая Харда. Глорги говорили, что она обитает под землей, в пещерах, что раскинулись бесконечными лабиринтами под островом, а выходит наружу только из-под воды. Один раз в году, когда у нее рождается мерзкий звереныш, она появляется в бухте и выходит на берег за своей жертвой. В тот день для глоргов наступает великий праздник – они приносят своей богине в жертву самую красивую женщину, которую только смогут отыскать среди соседних народов.

Остров укрыт влажными лесами, что расползлись по скалам словно плесень, и населен огромным количеством диких зверей и ядовитых змей, самая большая из которых зовется Лу и живет в прибрежной воде. Она длинной с три корабля глоргов и запросто может разрушить такой корабль, обвившись вокруг него кольцом, а затем проглотить своей огромной пастью всех, кто на нем был. Он чувствует любую живность, упавшую в воду около острова. За миг морская змея приплывает туда и набрасывается на свою жертву, чтобы это ни было. Никто не может посягнуть на то, что плавает в воде, кроме самой Лу. Но большую часть времени она не нападает на мореходов и ведет себя тихо, лишь изредка показываясь на поверхности воды. Иногда она тоже требует жертвы, и глорги отдают ей своих рабов. Они связывают их и оставляют на ночь на скалах у кромки воды, а утром проверяют, приняла их жертвы Лу или нет. Морская змея почти всегда принимает их, и тогда глорги успокаиваются, – значит можно несколько месяцев плавать мимо острова Обезьян без страха.

Но скалистый остров не зря зовется островом Обезьян. Больше всего на нем обитает этих рыжеволосых уродцев с мелкими и острыми клыками. Каждая обезьяна ростом почти со взрослого глорга. Когда обезьяны передвигаются по острову всей стаей, то кажется, будто рыжая лавина спускается с гор. От того, что их так много, им вечно не хватает пищи. Обезьяны постоянно голодны и часто поедают сами себя. В ярости они набрасываются на всех, кто попадает на этот остров с других земель. Даже глорги не рискуют задерживаться на острове слишком долго, только для того, чтобы оставить жертвы.

Лесные воины долго спорили и не могли решить, как лучше подобраться и убить Харду. Остров был неприступен почти со всех сторон. Никто из них, сколь бы силен и отважен он ни был, не мог померяться силой с чудищем. Оставалось действовать только хитростью. Кроме того, их было меньше дюжины. Надо было помнить и о глоргах, ведь

Арсен хотел отобрать у них главную жертву для Харды, а глорги никогда не отдадут ее без боя. Наконец Арсен не выдержал и тоже вступил в спор. Конечно, он хотел, прежде всего, освободить Ксению из рук глоргов. Но если они не догонят первый корабль, то придется высаживаться на остров Обезьян, который не внушал ему ничего, кроме плохих предчувствий. А там все равно придется встретиться либо с Хардой, либо с глоргами, либо с кровожадными обезьянами. А, может быть со всеми сразу. Если для того, чтобы освободить Ксению надо будет убить Харду, то сарацин был готов и на это. Тем более, что лесные охотники помогли ему и он был в долгу перед ними. Из рассказов пленных глоргов лесные жители знали, что жертву привязывают к столбу на песчаном берегу бухты и оставляют одну. Через краткий срок из воды появляется Харда и съедает ее, принимая жертву, а глорги в это время находятся на верхних скалах и танцуют дикие пляски при виде своей богини.

Арсен предложил привязать корабль у входа в бухту, подождать часа жертвоприношения и проникнуть туда до того, как мерзкое чудовище появится из воды. Глорги не успеют спуститься со скал в бухту, да они и не сделают это во время жертвоприношения. Лесные жители и Арсен спасут Ксению, а пленного глорга свяжут и, положив на плот из бревен или веток, пустят в воду. Если верит рассказам самих глоргов, морская змея Лу его почует издалека и приплывет в бухту, где должна появиться Харда в ожидании своей жертвы. Чудища схватятся между собой, а тем временем лесные охотники смогут вернуться на корабль.

– Ты неплохо придумал, чужеземец, – сказал Нурк, – Только если Лу не появится, мы все равно останемся в бухте. Я сам притворюсь жертвой, а вы привяжете меня к столбу и спрячетесь рядом. С копьем в руке я буду ждать Харду. Эта мерзкая тварь выйдет из воды и приблизит ко мне свою пасть. А когда ее глаз окажется рядом, – я ослеплю ее! А вы поразите ее в голову. Если мы этого не сделаем, то останемся на острове навсегда. Прости, чужеземец.

– Что-ж, – сказал Арсен, – Я останусь с вами, если Аллах того захочет.

В этот момент с носа корабля раздался крик раба, который наблюдал за морем.

– Я вижу впереди остров Обезьян и корабль! Это корабль глоргов, который везет жертву.

Лесные воины вскочили на ноги. Взявшись за борт, они стали пристально всматриваться в даль. Над Морем Туманов все также дул ветер со Снежных гор, но море не зря получило свое имя. Даже когда дует ветер, над ним всегда висит туманная дымка. Она то сгущается, то становится прозрачней, то ненадолго разрывается, но чистого неба над Морем Туманов не бывает никогда. Охотники из прибрежного леса вгляделись вперед и заметили огромные скалы, вздымавшиеся невдалеке над водой. Это был остров Обезьян. У их подножия, вокруг острова, висел над водой густой туман, который казался неприступной стеной, сделанной чародеем. У самой кромки тумана виднелся точно такой же корабль с черным парусом, на котором плыли лесные охотники. Не прошло и мгновения, как он скрылся в белесой мгле у скалистых берегов.

Корабль лесных воинов отделяло от стены тумана не более четверти дня пути. Нурк велел направить корабль следом за первым кораблем глоргов. Конечно, в таком тумане они легко могли заблудиться, но чутье еще не подводило ни Арсена, ни Нурка, а раздумывать было некогда. Подходил к концу последний день перед жертвоприношением. Не позднее, чем завтра на рассвете глорги привяжут свою жертву к столбу в бухте, и тогда будет слишком поздно. С каждым днем пути к острову Обезьян амулет на груди Арсена наливался огнем и мерцал все ярче.

Еще до вхождения в непроглядный туман Арсен определил направление, в котором следовало плыть дальше. Над дальней скалой висело облачко черного дыма, значит, там и была огненная гора, о которой рассказывали глорги. Он сказал об этом Нурку и тот велел править прямо туда. Когда миновала четверть дня пути корабль глоргов, с лесными воинами, вошел в туман и словно растворился в нем. Охотники с трудом могли рассмотреть даже свои руки, не то чтобы друг друга. Мачта пропала. На какое-то мгновение Арсен потерял из вида Нурка, стоявшего рядом. Рабы на веслах ничего не различали кроме своих прикованных к

веслам рук. Но туман закончился неожиданно. Корабль выскочил из него на открытое пространство и оказался под чистым небом. Ветер внезапно стих. Здесь не было даже и легкого дуновения. Нурк приказал гребцам взяться за весла.

Арсен осмотрелся и не смог поверить своим глазам. Вокруг всего острова и у его подножия тумана не было, он, словно служил преградой для глаз обитателей побережья и других островов. Никто не мог разглядеть, что происходит на острове обезьян не приблизившись к нему. Но скоро Арсен понял, что это был вовсе не туман. Неожиданно вода вокруг корабля лесных воинов забурлила и невдалеке над поверхностью показалась черная скользкая спина морского чудища. Это была морская змея Лу. Рабы на веслах оцепенели и перестали грести, охотники крепче сжали в руках свои копья. Но пока что боги хранили лесных воинов. Змея высунула из воды свою морду, покрытую отростками кожи, выбросила в воздух облако белого тумана и снова скрылась под водой, блеснув напоследок чешуйчатым телом.

Первым пришел в себя Нурк, тому, кто видел близко Харду больше никто не страшен, и прикрикнул на рабов. Те очнулись от страха и медленно стали грести к острову, хотя больше всего в жизни хотели сейчас повернуть обратно и уплыть подальше от этого проклятого места. Скалистый берег приближался. Корабль глоргов с лесными охотниками повернул и стал осторожно пробираться вдоль него на безопасном расстоянии, хотя море у острова Обезьян было ничуть не спокойнее суши.

С высокого берега, откуда-то из леса, послышались резкие крики, – это кричали обезьяны, потревоженные появлением чужаков, за которых они принимали всех и даже глоргов. Корабль с охотниками обогнул скалистый мыс и по-прежнему шел вдоль неприступного берега, к которому негде было пристать. Зоркий Арсен разглядел далеко впереди у другой оконечности острова корабль глоргов, который они преследовали. Корабль уверенно шел по чистой воде к своей цели, видно этот путь был хорошо известен глоргам. Наконец, они скрылись за мысом и снова исчезли из вида.

Скоро должна была показаться бухта. Арсен и Нурк решили осторожно подобраться к ней и рассмотреть все подробно, прежде чем решится на бой. Однако все вышло по-другому. К вечеру лесные жители добрались до мыса, где потеряли из виду корабль глоргов. Но, едва их корабль обогнул мыс, как они заметили стоянку. В этом месте в скалах зияла огромная трещина, начинавшаяся у самой воды и терявшаяся в вышине. Там где море соприкасалось с подножием скал, Арсен увидел что-то похожее на каменную пристань, у которой стоял корабль глоргов. Охотники схватились за оружие, они оказались так близко от корабля врагов, что боя было не избежать, но скоро успокоились, – глоргов на корабле не было. Ни одного.

Корабль лесных охотников пристал к другой стороне каменного мола. Воины прыгнули вниз и привязали корабль веревками к огромным валунам, словно специально для этого лежавшими на молу. Арсен еще раз осмотрел пристань и увидел узкий проход, который вел вдоль трещины в скалах в глубь острова. Видимо по нему и утащили глорги свою жертву. Подняв голову вверх, сарацин заметил облачко дыма, – они были рядом с бухтой. Где-то здесь и прячется чудовище, что не дает покоя лесным обитателям.

– Когда ты хочешь идти в бухту, – спросил Нурк у Арсена.

– За Ксенией мы пойдем на рассвете, – ответил тот, – а сейчас я хочу пробраться следом за глоргами и убедиться, что они уйдут на верхние скалы.

– Сначала осмотрим их корабль, – сказал Нурк и первым вскарабкался на палубу корабля глоргов. Арсен пошел следом за ним.

Это был точно такой же корабль, как и тот на котором они добрались на остров Обезьян. На широкой палубе повсюду валялись пустые волчьи пузыри, в которых глорги хранили грибной настой, разрубленные древесные веревки и дырявый мешок. Рядом с мешком Нурк увидел что-то мерцавшее. Нагнувшись, он поднял с палубы ожерелье из аметиста и подал его Арсену.

– Глорги не любят мерцающих камней, – сказал он, – им они приносят несчастье.

Арсен взял ожерелье из руки Нурка и положил его к себе за пазуху. Теперь у него пропали последние сомнения, – Ксения была жива! А значит, ее можно спасти. Арсен почувствовал с себя таким счастливым, словно и не было рядом ни смертельно опасной Харды, ни морской змеи Лу, ни коварных глоргов. Он едва не бросился от счастья на шею Нурку, сдерживая свою радость изо всех сил. Но хмурый житель прибрежных лесов по лицу сарацина догадался обо всем.

– Мы тоже хотим дойти до своих жен, – сказал он Арсену, ухмыльнувшись в рыжую бороду.

Они спустились обратно на каменный мол, и, дождавшись остальных воинов, отправились по каменной тропе вслед за глоргами. Если верить своим глазам, то путь в бухту был только один. Потому лесные воины пробирались по каменной тропе очень осторожно, боясь оступиться и вызвать шум, который мог привлечь глоргов. А их на корабле было не меньше трех дюжин. Тропа вела над обрывом, вдоль узкого пролома в скале, сквозь который по воде не смог бы протиснуться даже один такой корабль, на которых ходили по Морю Туманов глорги. Лесные воины шли след в след, двоим на тропе было не разойтись. Скоро тропа круто взяла вверх, потом пошла вниз, а еще через сотню шагов они оказались на небольшом плоском перевале, где тропа раздваивалась. Одна уходила вниз вдоль скалы, а вторая снова круто устремлялась вверх. Неожиданно им открылся вид на огромную и глубокую бухту. Скалы отвесно обрывались к самой воде, у которой, прямо под ними, виднелась узкая полоска прибрежного песка. Посреди нее высился столб, вырубленный из дерева неизвестной породы. К этому песчаному берегу и вела нижняя тропа, уходившая вниз. И тут они увидели глоргов.

Одетые в черные шкуры, глорги спускались друг за другом по тропе, держа в одной руке деревянный щит, обтянутый кожей, а в другой длинный кривой нож, скорее походивший на короткий меч. Первые двое несли на огромном весле привязанную к нему за руки и ноги тонкими древесными стеблями женщину. Арсен узнал в ней Ксению и едва не взвыл от боли. Он уже сделал шаг, чтобы броситься вниз по каменной тропе, но ощутил на своей руке мертвую хватку пальцев Нурка. Воин смотрел ему в глаза ледяным взором.

– Мы придем сюда на рассвете, – сказал он медленно, так, чтобы до Арсена дошел смысл сказанных слов, – и только на рассвете.

Арсен остановился, но один Аллах знал, каких сил ему это стоило. Они скрылись за камнями и стали наблюдать за глоргами, копошившимися внизу. Спустившись на узкий берег, почитатели дикой Харды, опустили Ксению на землю и отвязали спутанные руки и ноги от весла. Затем двое из самых сильных глоргов приподняли ее и привязали за руки к столбу так высоко, чтобы она не доставала ступнями до земли. Ксения не сопротивлялась, видно было, что измощена она сильно и веру в жизнь потеряла почти. Платье на ней, Ставром подаренное, хоть и истрепалось за время мытарств и больше походило на лохмотья, но сохранилось еще. Привязав жертву к столбу, глорги стали танцевать вокруг нее дикие пляски и орать во все горло жертвенные песни. Их грубые голоса отражались от высоких скал и разносились эхом по всей бухте. Наблюдая из своего укрытия за глоргами, Арсен то и дело хватался за рукоять сарацинского меча, но лежавший рядом Нурк не спускал с него глаз. Когда настал вечер и тьма медленно начала сгущаться над островом Обезьян, глорги пустились в обратный путь вверх по тропе, оставив свою жертву до прихода кровожадной богини.

Увидев, что глорги возвращаются, лесные воины ушли с перевала назад на каменную тропу, ведущую вдоль узкого пролома в скале. Спрятавшись там, они видели как глорги поднимались на перевал и пошли дальше вверх, чтобы от туда с высоких скал на рассвете насладиться зрелищем жертвоприношения, увидеть как наслаждается богиня Харда мясом самой красивой женщины на побережье.

Убедившись в том, что глорги ушли вверх и до рассвета не спустятся обратно, Арсен с Нурком и остальными лесными воинами поспешили вниз к кораблю, чтобы успеть до захода солнца пройти ущелье и снова вернуться. Они уже знали что им делать.

Приблизившись к кораблю глоргов, на котором они оставили только рабов, привязанного к мачте пленного глорга и раненного Эрпу, лесные воины слышали радостные возгласы. Рабы уже не ждали их появления и готовились к смерти. Они рассказали лесным воинам о том, что за время их похода из воды дважды показывалась чешуйчатая спина морской змеи Лу. Арсен считал это хорошим знаком.

Воины живо отвязали от мачты пленного глорга и сделав для него носилки из обломков весла, накрепко примотали его к ним. Глорг не понимал, что с ним делают, но перехватив полный ненависти взгляд Арсена, понял, что дни его сочтены. Он не стонал и не плакал, глорги все же были воинами и мореходами. Он попросил только об одном, – отдать его в жертву великой богине Харде. Арсен промолчал, но снова удивился тому, что понимал речь глоргов так же хорошо, как и лесных воинов. Видно за Снежными горами все люди говорили только на одном языке.

Обратно шли глубокой ночью. В наступившей темноте можно было передвигаться только на ощупь. Зажечь факелы, означало убить себя раньше. Откуда то издали до пробравшихся по тропе воинов доносились приглушенные расстоянием крики обезьян. Эрпа, который пришел в себя после лечения травами, хотя и ослаб, но тоже отправился вместе с воинами. Он хотел видеть смерть Харды. Двое охотников, Ийу и Гроз, несли связанного глорга на носилках, осторожно переставляя ноги по камням, чтобы не свалиться в пропасть. Остальные несли только свое оружие.

К середине ночи воины были уже на перевале. Здесь они разделились. Трое, главным из которых был Эрпа, оставались охранять тропу, ведущую наверх. Если придется схватиться с глоргами на обратном пути, кто-то должен их задержать здесь, иначе остальные не смогут подняться и окажутся в каменной западне между Хардой и глоргами. Нурк поднял вверх руку с копьем, как было принято у лесных воинов, и сказал, обращаясь к тем, кто оставался на перевале:

– Прощайте, братья!

Никто не ведал, кому суждено остаться в живых после встречи с Хардой один на один. На побережье еще не знали ни одного такого воина. Эрпа тоже поднял в ответ вверх руку с копьем. Затем он посмотрел на верхние скалы, укутанные ночной темнотой. Глорги не спят в такую ночь, но и не зажигают костров.

Попрощавшись, остальные воины стали осторожно спускаться вниз. Впереди шел Арсен, за ним Нурк, потом остальные воины, а последними Ийу и Гроз несли связанного глорга на носилках. По мере того, как они спускались все ниже и ниже, их обволакивал холод от воды. Еще днем Арсен заметил, что здесь холоднее, чем снаружи. Он подумал о Ксении, которая висит привязанная к столбу уже почти полдня, и сердце его сжалось от боли. Он хотел идти быстрее, но, оступившись, едва не свалился в пропасть, в которую обрывалась тропа. Камень, выскользнув из-под его ноги, сорвался вниз и, стукнувшись один раз о скалу, растворился в звуках бездонной бухты. Спускавшийся сзади Нурк только выдохнул от напряжения, но, увидев мерцавший на груди Арсена огонек амулета, успокоился. Когда высоко в небе забрезжили первые лучи солнца, поднимавшегося над неприступными скалами острова Обезьян, воины были уже почти внизу. Арсен первым спрыгнул на мокрый песок и бросился бежать к жертвенному столбу. Ноги его вязли в песке, но он не обращал на это внимания и скоро преодолел расстояние отделявшее его от столба. Ксения висела без движения, словно мертвая. Арсен выхватил сарацинский меч, разрубив древесные стебли, приковавшие ее руки к столбу. Ксения без сил рухнула вниз, но Арсен подхватил ее и бережно положил на песок. Ее лицо и тело было измощено страданиями. Арсен больше не мог сдерживать себя и поцеловал девушку в уста, а затем стал покрывать ее лицо поцелуями.

– Я нашел тебя, Ксения, – чуть не кричал он, – Я нашел тебя. Ты жива!

Ксения приоткрыла глаза и в полузабытьи прошептала:

– Кто ты?

Арсен обрадовался этим словам, словно ребенок:

– Я Арсен. Мы плыли с тобой в лодке по бурной реке, но лодка разбилась. Мы идем с тобой в Небесный город. Помнишь?

– Арсен... Небесный город... – прошептала Ксения едва слышно и снова провалилась в забытие.

Кто-то положил Арсену руку на плечо. Это был Нурк. За ним стояли остальные воины с копьями в руках.

– Бери ее и уноси отсюда на корабль, – сказал Нурк, – пока глорги не спохватились своей жертвы.

Он криво усмехнулся, оглядев пустой столб, и добавил.

– Скоро появится Харда, а новая жертва для нее еще не готова.

Арсен поднял бесчувственную Ксению на руки и прижал к груди. Она была сейчас словно пушинка. Лесные воины стояли не шелохнувшись.

– А вы? – спросил Арсен.

– Ты уже выполнил свое желание, а нам еще надо встретится с мерзкой Хардой. Жди нас на корабле.

Арсен бросил на Нурка долгий взгляд полный благодарности, повернулся и зашагал в сторону скалы, у подножия которой начиналась тропа. Крепко прижав Ксению к груди, он начал путь вверх, осторожно ступая по камням. Солнце все глубже проникало своими лучами в узкий колодец бухты, разгоня царивший там полумрак.

За его спиной лесные воины приподняли и привязали Нурка поперек тела веревками к жертвенному столбу. Нурк висел, крепко держа в руках длинное и острое копьё лесного охотника. Затем остальные воины толкнули лежавшие около берега носилки, служившие плотом, в воду вместе с пленным глоргом. И, хотя волн в бухте почти не было, вода приняла его словно долгожданную жертву и утянула на середину. Лесные воины отступили, спрятавшись за несколькими огромными валунами, лежавшими на дальнем краю песчаного берега.

Едва они успели скрыться, как вода в бухте забурлила и вся поверхность покрылась пузырями, словно кто-то развел на дне огромный костер. Не прошло и мгновения, как из воды показалась сначала массивная спина, покрытая панцирем и усыпанная шипами, а затем и мерзкая голова схожая с головой шакала. Увидев жертвенный столб и привязанного к ней человека, Харда раскрыла хищную пасть со множеством клыков и издала утробное рычание. Ее огромные красные глаза смотрели прямо на Нурка.

Сделав еще шаг, Харда поднялась из воды в полный рост, теперь она нависала над жертвенным столбом всей громадой своего тела, а голова ее оказалась вровень с перевалом, на котором находился Эрпа и двое охотников. Арсена, который успел пройти половину пути по тропе, обдало зловонным дыханием мерзкой твари. Ему показалось, что в бухте снова наступила ночь, так потемнело все вокруг, когда Харда закрыла собой солнечный свет. Он замер с Ксенией на руках, но Харда снова опустилась вниз и приблизила свою жуткую морду к столбу, словно наслаждаясь страхом и агонией жертвы. Нурк обливался холодным потом, но все крепче сжимал копьё. Харда наклонила голову ниже и, когда ее огромные красные глаза оказались вровень со столбом, Нурк издал крик, и нанес удар в глаз.

Его копьё вошло, словно в песок, проникло сквозь мягкую оболочку глаза и осталось торчать там кривой иглой. Дикий рык раненого зверя разнесся над бухтой. Харда рванулась назад и ударилась спиной о скалу, заставив вздрогнуть весь остров. У Арсена, который уже почти достиг перевала, закачалась тропа под ногами, и он едва не рухнул в пропасть вместе с Ксенией, но в последний миг привалился спиной к скале и они спаслись. С верхних скал от страшного удара свалились несколько глоргов наблюдавших за жертвоприношением у самого края пропасти. Они рухнули на камни и превратились в мешки с окровавленными костями. Харда метнулась вперед и в диком исступлении ударилась головой о дальнюю часть скалы. Остров снова содрогнулся. Вниз полетели камни.

В это мгновение вода в бухте забурлила с новой силой и над поверхностью показалась голова морской змеи Лу. Не обращая внимания на раненую Харду змея струилась к

видневшемуся на поверхности плоту с привязанным глоргом. Разинув хищную пасть, она готовилась заглотать плот с добычей целиком, но бесновавшаяся от боли раненная Харда снова метнулась назад и задней лапой ударила змею, отбросив ее от плота. Разъяренная морская тварь вцепилась в лапу Харды острыми зубами и обвилась вокруг другой лапы мощными кольцами чешуйчатого тела. Потеряв равновесие, Харда рухнула в воду. Чудовища сплелись в дикой смертельной пляске. Раненная в глаз Харда оглашала криками небо над островом и молотила своими короткими лапами со страшными кривыми когтями по скользкой чешуе змеи Лу, а морская змея, присосавшись, пила кровь из ран Харды. С окрестных скал отваливались все новые куски и рушились в воду.

В этот миг Арсен достиг перевала и бережно проложил бесчувственную Ксению на камни. Сверху слышались дикие боевые крики, – это глорги с восходом солнца заметили подмену жертвы и ринулись вниз, они готовы были даже ценой своей жизни служить жестокому божеству. Еще немного и они спустятся к перевалу. Эрпа и двое лесных воинов приготовились к последней битве. Арсен глянул вниз. Харда теряла силы, но еще билась с морской змеей, царапая ее скользкое чешуйчатое тело. Нурк висел на столбе и, не мог оттуда спуститься. Прятавшиеся у дальнего края песчаной полосы остальные воины не могли подобраться к нему из-за Харды и морской змеи, чьи тела клубились в смертельной пляске и постоянно перемещались по бухте, чудом пока не раздавив жертвенный столб и привязанного к нему Нурка. Кроме того, Арсену бросилось в глаза то, что не видно было остальным. Полоска воды в бухте переместилась на десять шагов ближе к столбу, – вода прибывала. Еще немного и Нурку конец. Скоро и лесные воины заметили прилив. Они сделали вылазку из-за камней и попытались добежать до столба, но, в этот момент из клубка чудовищных тел вдруг вылетел усыпанный шипами окровавленный хвост Харды и обрушился на охотников, разможив их тела о камни. Трое оставшихся вернулись в укрытие. Втягиваясь обратно хвост Харды снес столб и Нурк рухнул на песок, придавленный его тяжестью. Вода уже почти подобралась к нему.

Неожиданно на верхней тропе слышались крики глоргов. Выскочив из-за поворота, они наткнулись на Эрпу и других воинов. Завязалась схватка. Несмотря на полученные на корабле раны лесной охотник бился отважно. А устье тропы не давала глоргам навалиться всем вместе. Где-то внизу раздался глухой удар, но Арсен не обернулся.

– Уходи на корабль! – крикнул ему Эрпа.

– Нет, – сказал Арсен, обнажая свой меч, – я останусь здесь. Вас слишком мало.

– Уходи, чужеземец! – снова крикнул охотник и в голосе его зазвучала радость, – Мы убили Харду, в этом был наш путь. Тебе больше здесь не место!

Арсен бросил вниз торопливый взгляд. Вода уже почти скрыла под собой всю бухту, но цвет ее был замутнен. Посреди бухты укрытой в панцирь громадой высилась растерзанная мерзкая Харда. Мертвая Харда. Вокруг нее клубилось скользкое тело морской змеи Лу. Лесных охотников и Нурка нигде не было видно.

– Прощай, Нурк, – прошептал Арсен и снова поднял Ксению на руки. Обернувшись к бившемуся с глоргами Эрпе, он крикнул, – Идите за мной на корабль!

Арсен пошел по тропе, переступая через валявшиеся на ней камни, но, уже не заботясь о том, чтобы не свалиться в пропасть. Ему стало все равно. Чувство опасности за свою жизнь притупилось. Арсен знал, что должен дойти до корабля и торопился. Надо было успеть. Вот уже показался последний излом тропы. Вот и каменный мол, а рядом два корабля глоргов. Неожиданно Арсен ощутил зов, какой то неведомой силы и понял, что он не вернется на побережье лесных жителей. Его путь лежал в другую сторону. Туда, где плескались волны Моря Туманов, а вдали за ними он увидел душой другой берег. И этот берег звал его.

Позади на тропе слышались крики и звук погони. Рабы стояли, приподнявшись со своих скамеек и смотрели на приближавшегося Арсена. Но, поднявшись на мол, он прежде отнес Ксению на второй корабль, и бережно положил ее на палубу. Затем снова прыгнул на мокрые камни мола и быстро вскарабкался на корабль глоргов, на котором приплыл на остров Обезьян. Там он выхватил свой сарацинский меч и стал рубить цепи, приковывавшие

рабов к веслам. Освободив всех, он крикнул.

– Я отправляюсь за Море Туманов. Теперь вы свободны, но скоро здесь снова будут глорги. Кто хочет, может плыть со мной и перебираться на другой корабль.

Среди рабов возникло замешательство. Но, заслышав звук близкой погони, они сделали свой выбор, и разделились. Половина из них перебралась на второй корабль к Арсену, остальные решили вернуться на побережье лесных людей. Рабы отвязали корабли и ждали лесных воинов, которые смогут спастись. Неожиданно те из рабов, кто успел перебраться на корабль Арсена, громко закричали, показывая на воду рядом с кораблем. Арсен посмотрел туда, и радость охватила его душу. Из расщелины в скале показался жертвенный столб, держась за который выгребали трое охотников, и с ними был Нурк, целый и невредимый. Сильные руки быстро втащили их на корабль. Арсен обнял Нурка и рассказал о своем желании покинуть лесных людей.

– Что-ж, – невозмутимо сказал спасенный Нурк, отряхиваясь от воды. – У тебя свой путь, чужеземец.

Он вместе с другими лесными воинами перебрался на корабль, отправлявшийся к побережью. Скоро на мол выбежал окровавленный, но живой Эрпа и еще один охотник. Они бросились к кораблю Нурка. Сзади за ними неслись с дикими криками две дюжины разъяренных глоргов. Добежав до корабля, охотники вскарабкались через борт на палубу, и рабы тотчас налегли на весла. Два корабля, когда-то верно служившие глоргам, одновременно отошли от каменного мола и устремились к туманному кольцу, окружавшему остров. Откуда-то издалека до них донесся подземный гул и над островом Обезьян взвился столб черного дыма.

Перед тем, как корабли разошлись в разные стороны, и их окончательно поглотило белое дыхание морской змеи Лу, до Арсена донесся прощальный крик Нурка:

– Чужеземец, – кричал рыжебородый воин, – Мы все-таки победили Харду!

Арсен поглядел на Ксению, голова которой безвольно лежала сейчас у него на коленях, и счастливо улыбнулся.

Глава 7. Город великанов

Уже много дней и ночей плыл по морю корабль глоргов, что нес на себе рабов освободившихся и Арсена с Ксенией. Как миновали они кольцо туманного дыхания морской змеи Лу, направил Арсен храбрый корабль в сторону далеких неизведанных берегов, где ждала его новая судьба, потому что чуял сарацин ее зов усилившийся. Ксения очнулась только на день следующий, как отошли они от острова Обезьян и оказались в безбрежном Море Туманов. Увидав Арсена, не смогла она скрыть радости, сколь не старалась. Ибо столько ужасов ей довелось испытать в плену у глоргов, что потеряла она уже надежду увидеть родную сторонущку, родителей славных и дом свой. С той поры, как разбился их челн о камни острые, кругом только разбойники злые встречались ей и чудища страшные, коих на Руси никогда прежде не видывала. А когда привезли ее связанную глорги на остров скалистый, так и вовсе в смерти своей уверилась девица русская. Думала Ксения, что сгинул сарацин в пучине бурливой и оттого, что жив он оказался, нашел ее, и спас от смерти неминуемой, не могла еще опомниться девица. Показался ей Арсен вдруг родным человеком в этой далекой стране, хоть и был рожден в песках жарких и пришел на Русь не с добром. А как вспомнила Ксения снова про дом свой и Русь далекую, потекли по ее щекам слезы горячие. Как-то там матушка с батюшкой, живы ли? Но утешилась скоро девица. Видно жизнь так повернулась, что плыть ей сейчас к далеким берегам для того, чтоб спасти родных своих и всех русичей, да остановить войну на родной земле. И путь ей этот надобно рядом с сарацином пройти. Так наказывал волшебник Ставр. Взглянула девица еще раз на Арсена храброго, и защемило ее сердечко молодое. Не могла понять она, что случилось с ней. Вроде рядом с ней враг лютый, а не было сейчас злобы в сердце к нему. Смутилась Ксения и замолчала на время.

Корабль, меж тем, нес их третий день под парусом широким к берегам, что уж виднелись иногда в дали далекой, в разрывах пелены белесой, что висела над Морем Туманов. На четвертый день показались совсем близко скалы высокие и причудливые. Высились в тумане прибрежном столбы высоты немереной, ровно десять насчитал их Арсен. Тут и решил сойти он, но рабы убоялись того берега. Рассказали они Арсену, что по всем берегам Моря Туманов ходят легенды про злых великанов и предводителя их Оршана и живут они будто бы именно здесь. Но Арсен решения своего не изменил. Велел он пристать к берегу каменистому и сошел на него вместе со спутницей своей, что не убоялась великанов. А рабов отпустил плыть, куда им вздумается вместе с кораблем. Поблагодарили его люди за свободу дарованную, и уплыли, куда глаза глядят. На том и расстались. Снова оказался Арсен один с Ксенией на берегу пустынном. Не было у них ни еды, ни питья, только меч сарацинский, да путь далекий.

Пристал корабль глоргов к берегу тому каменистому на рассвете утра зыбкого, кои обычны в Море Туманов, потому Арсен с Ксенией решили сразу в путь отправиться. Но замерцали их обереги вдруг огнем ярким, видно впереди нечисть какая-то обреталась. Вынул Арсен меч свой верный и пошел первым по камням прибрежным прочь от воды холодной Моря Туманов, а за ним и Ксения. Скоро открылась перед ними дорога широкая, что возникла вдруг, ни с того ни с сего, посреди поля каменистого, что поднималось вверх к горам высоким, в тумане терявшимся. Была дорога та широкой и гладкой, словно ее шлифовали тысячи мастеров. Странно это было посреди гор диких. Шли так Арсен с Ксенией, по дороге той, пока не повстречался им человек на повозке, которую тянули два быка. Арсен преградил ему дорогу, выйдя из тумана на дорогу, и спросил в надежде, что и здесь поймут его язык:

– Долгих лет тебе путник. Скажи, как зовут тебя и куда ведет эта дорога?

Человек остановил быков и взглянул на Арсена. Возница был стар лицом, имел уши осла и руки обезьяны. Видно было, что удивлению его нет границ, но язык Арсена был ему ведом.

– Верно ли я понял, что ты идешь прямо в горы по этой дороге, чужеземец? – ответил старик с руками обезьяны.

– Верно, путник, – ответил Арсен.

– Но как оказался ты на этом побережье и знаешь ли ты, что это за место?

– Я приплыл издалека, и мне неизвестно, где я, старик.

– Ты пересек Море Туманов, – еще сильнее удивился возница, – Что ж, тогда прости, что я утомляю тебя глупыми вопросами. Не часто к нам прибывают гости из-за моря. Только тот, кто знает свой путь, способен на это. Но, нет в том радости, чужестранец. Ты прибыл на плохой берег.

– Я чувствую это. Но, что творится здесь, расскажи?

Старик с ушами осла взглянул на Арсена и заметил оберег из аметиста, висевший у него на шее. Камень мерцал ярким светом даже в тумане.

– Я вижу, тебе не нужно много ответов. Знай, – ты попал на берег великанов, что живут в подземных пещерах. Это место зовется Туманный Город и в нем есть то, что тебе пригодится в пути.

Сказав эти слова, возница стегнул быков, и медленно тронулся дальше.

– Но, что это и как его взять? – спросил Арсен.

– Скоро узнаешь, чужеземец. Тебя уже ждут. Прощай.

Спина погонщика быков уже почти растворилась в зыбком тумане. Арсен обернулся ему в след и крикнул:

– Ты видел эту вещь?

Казалось, погонщик усмехнулся.

– Я даже пытался ее взять... с тех пор я здесь.

Последнее, что увидел Арсен – рука обезьяны, вскинутая над головой возницы хлыст. Старик стегнул быков и исчез в прибрежном тумане. Арсен посмотрел на свою спутницу,

которой стало не по себе от такого известия, но держалась она уже лучше. Перенесенные в плену страдания укрепили дух Ксении. Она готова была идти дальше. Арсен взял ее за руку, Ксения не сопротивлялась как раньше, и повел по гладкой каменистой дороге вверх. Скоро они поднялись на прибрежные скалы и обернулись посмотреть на проделанный путь. Туман остался далеко внизу. Дорога, словно ныряла в него растворяясь. А самого берега было не видно. Лишь вдали, в разрывах белой пелены, изредка мелькала гладь темной воды.

Когда, немного передохнув, они снова зашагали по гладкой дороге меж огромных камней, скалы впереди вдруг расступились, открывая вход во чрево огромной черной пещеры. Путники, не раздумывая, шагнули в темноту, – их дорога была предопределена. Но, едва они успели войти, как скала за ними с грохотом захлопнулась, погружая все в кромешный мрак. Они долго стояли, пока глаза их не привыкли немного различать во тьме. Но тут, откуда-то снизу они увидели мерцание, – это были отсветы факелов на стенах пещеры. К ним поднимались. Как смог разглядеть Арсен, в неясном свете факелов, гладкая дорога не кончалась у входа в пещеру. Здесь она продолжалась и вела прямо из-под ног путников куда-то в глубину горы. Каменные своды над ней были высоки, но не столь высоки, чтобы здесь могли передвигаться великаны. Арсен и Ксения не двигались с места, ожидая тех, кто к ним приближался. Скоро они увидели процессию людей с факелами в руках. Люди медленно шли по бокам гладкой дороги. Они были одеты в темные балахоны и все имели уши ослов и руки обезьян, как тот возница, что повстречался им на берегу. Когда процессия достигла пещеры, вперед вышел человек с большим амулетом в виде горящего шара на груди. Амулет переливался во тьме и был окутан синим искрящимся сиянием. Неровный свет факелов преломлялся в нем, и оттого тоже казался немного синим. Выступивший вперед сказал:

– Шар Великих позвал вас и Вы пришли. Следуйте за нами, путники.

Процессия развернулась и медленно тронулась обратно в глубь горы. Арсен взглянул на Ксению, взял ее за руку и они пошли следом за мерцавшими в обезьянних руках хранителей Шара факелами. Гладкая дорога продолжалась и здесь. Они шли довольно долго, как показалось Арсену, спускались в глубь горы по спирали. Крутизна дороги все увеличивалась, и скоро Арсен со спутницей едва не скользили вниз. Хранители Шара, меж тем, ступали все также медленно. Их уши слабо колебались в такт шагам. Ксения посмотрела на ноги впереди идущих хранителей Шара и разглядела, что они босы, но покрыты волосами, как и их руки. Хранители показали ей со спины похожими на обезьян. Они ничего не сказала об этом Арсену, но придвинулась к нему чуть ближе. Арсен же смотрел по сторонам, но не мог понять, где же живут великаны, о городе которых говорил старик на берегу. Пока они не встретили не одного, и вокруг не было ничего, что могло бы напоминать о страшных великанах.

Неожиданно дорога закончилась, и они вдруг оказались в пещере, втрое большей той, из которой начали свой путь. Пещера была почти круглой и просторной. Вдоль стен ее стояли люди в темных балахонах, похожие как две капли воды на хранителей Шара, приведших Арсена и Ксению сюда. Каждый из хранителей держал в руке горящий факел, отчего здесь было светло почти как днем. Свет факелов опять показался путникам бледно синим. И скоро Арсен понял почему. Своды пещеры терялись в высоте, а в ее дальнем конце виднелось три темных проема, каждый из которых был началом или продолжением гладкой дороги. Посреди просторной пещеры, возносясь до самого ее верха, высился алтарь. Это были ступени, расходившиеся кругами от венчавшего их огромного синего шара, вокруг которого играли ветвистые молнии.

Главный хранитель Шра, который вел процессию, сделал знак остановится. Люди с факелами расступились, пропуская вперед путников из далекой земли. Главный хранитель с амулетом на груди указал обезьяньей рукой вверх и сказал:

– Идите. Шар Великих ждет Вас.

Еще не понимая, зачем они здесь, Арсен и Ксения почуяли холодное дыхание Шара, потянувшего их к себе, и сделали шаг вперед. Шар Великих замерцал еще сильнее. Свечение

вокруг него усилилось, а молнии стали длиннее. Они уже задевали верхние ступени алтаря. Путники, словно против воли, стали медленно подниматься по гладким каменным ступеням навстречу разраставшемуся сиянию. Хранители же при этом отступили в глубь пещеры, словно растворились в синем блеске Шара. Ни Арсен, ни Ксения их больше не замечали. Словно во сне они продолжали подниматься вверх, пока не достигли последних ступеней и не застыли там замороженные холодным синим светом и блеском искрящихся молний. В эту минуту в головах у них зазвучал неведомый голос.

– Я долго ждал Вас. Я звал вас через горы и небеса, и вот вы услышали меня и пришли. Знаете ли Вы, чужестранцы, кто говорит с Вами?

– Нет, – ответили вместе Арсен и его спутница, пребывая, словно во сне, – это нам неведомо.

– Я дух первых великанов, появившихся в Снежных Горах волею Богов, для того чтобы помогать слабым людям. Много тысяч лет тому назад племя великанов тоже было одним из людских народов, населявших здешние берега. Но Боги дали им великую душу и тела их выросли, чтобы вместить ее. Много тысяч лет, миновавших с тех пор, великаны обитали рядом с другими людьми в Туманном городе и помогали им выжить среди чудовищ, населявших берега Моря Туманов. Только великаны могли противиться чудищам. Но настал день, и один из сильнейших великанов, по имени Оршан, возжелал власти над остальными. Оршан отдал хранившуюся в нем часть великой души Черному Богу и в обмен за это получил «Черный глаз» и с ним власть над остальными великанами, превратив их в своих рабов. С той поры никто в Снежных Горах не может сравниться с ним в силе и власти, а обычные люди стали бояться своих давних друзей, как диких чудовищ. Каждый месяц посылает Оршан других великанов бродить по берегам Моря Туманов в поисках поживы. И каждый месяц приносят они к нему дары и пленников, которых он поедает. «Черный глаз» дает ему силы видеть всех своих рабов и все, что происходит в Снежных Горах днем и ночью. Только Море Туманов ему не подвластно, им владеют другие чудовища. В тот день, когда Оршан получил «Черный глаз», Боги отняли у великанов их великую душу и поместили ее в шар из Альмадина. И теперь она перед Вами, чужестранцы.

Свечение шара слегка ослабло. Взгляды путников оторвались от него на мгновение и встретились между собой, но тут Шар Великих снова зазвучал в их душах.

– Через «Черный глаз», который хранится у Оршана в глубокой пещере, Черный Бог, бежавший из Небесного Города творит свои злые дела повсюду. Не только в Снежных Горах, но и в далеких странах есть его слуги. И сила его растет, потому что много на земле еще тех, кто получить жаждет больше, чем нужно его душе и живет своими страстями, о других не думая. Душа твоего отца, Арсен, тоже принадлежит Черному Богу. С тех пор, как он возненавидел Небесный Город, овладела тьма его душой. Это Черный Бог послал полчища сарацин на Русь, чтобы задушить ростки света, что в земле той пробиваться стали. Знаешь о том только ты сейчас и Ксения мудрая. Но растет угроза не только Руси. Сам Небесный город нынче неспокоен. Если ждать дальше, то скоро уже никто не сможет остановить начало смерти Богов и будущее станет невозможно изменить. Ведь даже боги имеют свои судьбы. Не простили, Арсен, Боги Небесного Города еще отца твоего, но прочли часть твоей судьбы, что была никому неведома, пока не появился ты в Снежных Горах. Потому дают они тебе силу в руки и испытание ей подстать. Если выживешь, – пустят Вас в Небесный Город, и будут говорить. Если нет, – вы оба умрете скоро страшной смертью.

– Что я должен делать, Дух Великих? – спросил Арсен очнувшись, словно выныривая на поверхность воды, – так велико было влияние Шара на его душу и тело.

– Ты должен убить Оршана.

Арсен еще не успел ответить, как снова зазвучал голос Шара Великих в его душе.

– Оршан живет под самой высокой горой на этом побережье Моря Туманов. В десяти днях пути от Туманного города, где обитают великаны-рабы. Путь к той горе ведет через дремучий лес и болота, полные чудищ, а вход в пещеру есть только один. Вокруг горы Оршана, упираясь в небеса и охраняя его покой, стоят шесть истуканов каменных, которые

волею «Черного глаза», насылают на всех, кто отважился проникнуть в пещеру, сон смертный. Так что, ни человек, ни зверь, ни птица, на много дней пути приблизиться к той пещере не могут. Но Боги Небесного Города велели дать тебе часть моей силы – Духа Древних Великанов. Она заключена в амулете, похожем на меня. С ним ты сможешь подобраться и пройти сквозь колдовство истуканов, и даже Оршан не увидит тебя со своим «Черным глазом». Амулет из альмадина поможет тебе войти в самое логово, подскажет, где найти его смерть, придаст силы. Но биться с Оршаном ты будешь сам. Сможешь извести его – откроют Боги тебе дорогу в Небесный Город. Дадут надежду спасти отца из плена тьмы. Не сможешь, – умрешь. Умрет и Ксения. Умрут еще тысячи русичей и сарцин. Помни об этом Арсен! Дороги назад вам нет.

– Довольно пугать меня, о Дух Великих. Я не боюсь ни Оршана ни Богов из Небесного Города. Я готов.

– Не понравились слова твои Богам. Слишком похож ты на отца своего. Но судьбы твоей они не меняют. Но запомни еще, один ты не пройдешь этот путь. Ксения должна быть рядом, иначе сила Великих покинет тебя раньше, чем надо.

Взглянул Арсен на стоявшую рядом на ступенях каменных Ксению, и прочел в ее светящихся глазах согласие. Она была готова пройти с ним до конца этот путь страданий и битв. Радость разлилась от того по телу сарацина и душа возликовала, словно и не предстояло в скорости битвы смертельной.

– Но сначала вы должны пройти сквозь Туманный город, где живут рабы-великаны Оршана, – снова зазвучал Шар Великих, – на них лежит заклятие «Черного глаза». Возможно, рабы захотят убить тебя, но амулет из альмадина спасет твою жизнь. Путь в подземный город покажет Главный Хранитель. Род этих людей тоже заколдован «Черным глазом». Они были обречены тьмой стремиться украсть меня из этого алтаря, потому что Шар Великих дает великую силу его владельцу. Но, каждый, кто коснется меня без воли Богов, получает судьбу животных и медленно превращается в них. Поэтому я сделал их своими хранителями до твоего прихода. Если ты победишь Оршана, – они опять станут людьми и получают новые судьбы. Если нет, – скоро превратятся в ослов и обезьян, а я не смогу остановить это. Иди!

Свечение Шара Великих ослабло и стало медленно гаснуть. Арсен и Ксения опять овладели своими телами и разумом. Развернувшись, они осторожно, будто заново учились ходить, стали спускаться по ступеням на дно пещеры Хранителей. Шар за их спинами потемнел и стал почти черным. Но зато все ярче разгорался амулет на груди Главного Хранителя, который поджидал путников внизу. Когда Арсен приблизился к нему, свет амулета уже почти затмил свет горящего факела в руке Главного Хранителя.

– Следуйте за мной, путники. Я исполню волю Шара Великих.

Сказав это, Главный Хранитель повернулся и медленно побрел в дальнюю оконечность пещеры, где Арсен еще раньше заметил три темных проема, каждый из которых был продолжением гладкой дороги или началом новой. Хранитель повел их через центральный проем, освещая путь. Ксения шла рядом с Арсеном, держа его за руку. За проемом начинался длинный ход, который также как и гладкая дорога, по которой они пришли в пещеру, стал опускаться круто вниз, извиваясь, словно змея Лу. Уже скоро они опять скользили вниз, а не шли. Скользил даже сам Хранитель. Арсен боялся, что тот упадет и факел погаснет. Но амулет хранителя светил все ярче, а обереги на груди Арсена и Ксении тоже добавляли света. Наконец, дорога неожиданно закончилась, и впереди показался еще один черный проем. Из него несло промозглой сыростью болота и, как показалось Арсену, человеческими запахами. Скоро они стали различать и какие-то урчащие звуки, доносившиеся из темноты. Хранитель остановился и осторожно снял со своей груди амулет из альмадина. Камень сверкал так, что Арсен зажмурил глаза наклоня голову, чтобы Хранитель надел амулет ему на шею. Когда Арсен распрямился, Хранитель произнес прощальные слова:

– Я выполнил волю Шара Великих. Здесь вход в Туманный Город злых великанов. Хранители никогда не заходят сюда без воли Шара. Но ты должен идти. Тебя не тронут.

Прощай, чужеземец.

После этого Главный Хранитель взглянул еще раз на амулет, сверкавший на груди Арсена ярким синим пламенем и, повернувшись, пошел наверх в пещеру, освещая себе путь факелом. Ксения придвинулась поближе к Арсену. Мрак вокруг них сгустился и стал плотнее, словно облекая свет от лучей амулета. Рядом с искрящемся шаром из альмадина, висел оберег подаренный Ставром и мерцал малиновым огнем. Значит, рядом была опасность. Это они поняли, как только вступили под своды черного проема.

Камень, до сих пор служивший им надежной дорогой, вдруг сменился на скользкую мокрую землю, над которой, Арсен не поверил своим глазам, клубился едкий туман. У путников стали слезиться глаза. Арсен медленно, на ощупь побрел вперед, поскольку не смог определить направление, – как только они вступили на землю, стены проема разошлись в стороны и исчезли совсем. Видно, они шли по дну еще одной пещеры. Только Арсен никак не мог определить, насколько большой она была. Неожиданно они наткнулись на какой-то шевелящийся столб. Присмотревшись, в неясном свете синего шара Арсен разглядел гигантскую ногу с пятью пальцами, как у человека. Только вместо ногтей на ней виднелись когти. Чуть в стороне шевелился еще один такой столб. Осторожно, чтобы не выдать себя, Арсен стал обходить гигантскую ногу. Он не боялся, что великан заметит свет его амулета, потому что вдруг услышал их разговор: великаны были заняты рассказом о вчерашней охоте.

– Послушай Грош, – разнеслось громкое эхо по всей пещере, и Арсен догадался, сколь она огромна. – Ты помнишь, как ловко мы поймали вчера этих людишек на дальнем лесном берегу? Вот была потеха!

Великан шумно выдохнул и расхохотался.

– Как они сучили своими маленькими ножками, – не хотели лезть мне в глотку. А я был так голоден, что съел даже не снимая с них шкурки. Ха, ха! Вот, глупая человечина.

– Да, – отозвался Грош, – Они не знают даже, сколько нам надо поймать таких малявок, чтобы набить себе брюхо, да еще принести Оршану.

Пока великаны-людоеды разговаривали между собой, Арсен и Ксения достигли дальнего края пещеры, где увидели еще один темный проем, ведущий в новую пещеру. Там им довелось услышать дикий разговор еще трех людоедов. Но и этих чудищ они миновали незамеченными. Скоро Арсен, понял, что амулет сделал его невидимым в Туманном Городе. А, пройдя еще две таких же пещеры, путники почувствовали слабое дуновение свежего ветерка, – где-то рядом был выход на поверхность. Арсен позволил амулету вести себя и скоро они вышли из затхлого подземелья на каменистую поверхность.

Поднявшись на ближайший холм, Арсен вдохнул полной грудью, огляделся и увидел неяркое солнце, которое тонуло в Море Туманов. Сарацин понял, что они только что прошли под грядой прибрежных скал. Теперь их путь лежал к далекой горе Оршана.

Глава 8. Темные сны

А в ту пору на Руси творилось зло великое. Горел Солнцеград, словно пожар лесной. А ветер поднявшийся дул не переставая уже дни многие, не давая огню потухнуть. И ни одной тучи на небе не появилось с тех пор, как битва великая с воинством мавританским началась. Тушили защитники бесстрашные город свой и днем и ночью. Едва смогли княгиню Великую из терма горящего увести, как рухнул он. Погибло множество построек искусных, мастерами и зодчими великими деланных. И сгорел бы совсем Солнцеград, сердце земли русской, но спас его от смерти неминуемой Никанор-богатырь, что явился из дали далекой. Пришел русичам на помощь, в огне гибнущим.

Велик ростом был Никанор-богатырь и телом мощен. Голова его могучая, облаченная в шлем золотой, в облаках высоких терялась. В одной длани держал он копье, коим звезды с небес цеплять можно, а в другой – щит крепкий, что мог от урагана любого целый город укрыть. Конь белый высоты немереной под ним ходуном ходил, а узду на том коне десятерым богатырям другой породы не поднять было. Прямо сквозь леса густые и поля

обширные ступать мог конь богатырский, горы высокие, словно холмы незаметные промеж ног пускать, неся седока своего.

Увидал Никанор-богатырь, что над Солнцеградом змеи двенадцатиглавые летают, изрыгая огонь жаркий прямо на дома людские, и начал битву с ними смертную. Перво-наперво накрыл он щитом своим город русичей от огня, что изрыгали змеи из пастей своих, да от ветра бесконечного. Выхватил меч свой из ножен и завел свистополяску в небесах. Только и видно было, как сверкает меч богатырский меж облаков, сечет головы змеям то по одной, то по две, а то сразу всю дюжину. Посыпались головы окровавленные с пастями разинутыми прямо на поле брани перед городом. Залила все окрест кровь черная змеева. А как рухнет с небес на землю тело чудища, так сразу оборотится в человека обезглавленного, телом черного. Смекнул Никанор, что не с простыми змеями бьется, да только ему все равно было каких ворогов бить, лишь бы не бессмертных. Машет мечом Никанор-богатырь, – не уймется. Уже четверых змеев жизни лишил. А те все наседают. Вот несется один, крылья перепончатые по ветру распластав. Раскрыл пасти зубами полные, как дыхнет на богатыря жаром сильнейшим, – аж задымилась кольчуга на том. Разобиделся за это богатырь на змея, осерчал сильно. Размахнулся посильнее Никанор, да как рубанет мечом своим огромным, так и отсек змею половину голов. Схватил меч двумя руками и снова рубанул – остатние гловы к земле посыпались. А тело его чешуйчатое пополам разрубил Никанор ударом богатырским. Так и умер пятый змей.

Обрадовались русичи подмоге сей. Взялись сызнова за топоры, да за ведра. Потушили скоро пожар сильнейший, многие дни полыхавший в Солнцеграде. Только дым поднимался теперь над пепелищем огромным. Почитай полвина города сгорела начисто.

На боле бранном, меж тем, битва жаркая продолжалась, хоть и наступила в ней передышка краткая, ибо кликнул Кабашон мавров, русичами по полю рассеянных, под знамена свои черные. Русичей же, кто в живых остался, сбирал под знамена княжеские брат младшой Вячеслава Андрей Мстиславич. Рядом с ним был Иван Громобой с мечом своим искусным. Велел Андрей Мстиславич отыскать брата своего старшего на поле широком, мертвыми воинами усеянным так, что и места пустого уж не было видно. Послал дюжину белозерцев своих. Воротились они не скоро, но с благой вестью. Отыскивали ратники князя Вячеслава. Принесли его четверо воинов на носилках из копий сделанных. Ранен был в голову Вячелав, всю одёжу княжескую залил кровью своей и в беспамятстве находился, но дух не испустил. Билось еще его сердце храброе. Велел Андрей Мстиславич отступить отряду из дружины Волчьей, что осталась без князя своего на дальний берег реки Светлой, на три версты от Солнцеграда, и разбить там, у леса, шатер походный. В том шатре положить князя Великого с особым тщанием, призвать к нему знахаря, и встать вокруг шатра кольцом неприступным. На смерть стоять, но к шатру великокняжескому никого не пущать, акромья самого Мала. Верховодить же над волчьей стаей Андрей Мстиславич поставил Ивана по прозвищу Громобой, что в бою ратном отличился. Чтоб мечом своим искусным Иван за жизнь князя Великого постоял теперь.

Собрал Иван ратников из Волчьей стаи, что в живых остались еще, и насчитал их числом почти тысячу. Сила сильная и для врага грозная была еще. Окружили они в три ряда телами своими носилки, на коих Вячеслав раненый лежал в беспамятстве, и в путь тронулись со всех сторон врага примечая.

Андрей Мстиславич, меж тем, оглядел тех, кто еще меч и копье держать мог. Поредело войско русичей. Осталось от него после сечи жаркой на земле и в небе, где бился со змеями двенадцатиглавыми еще Никанор-богатырь, не более трети от числа начального. Вдвое рать белозерцев уменьшилась, почти всю Волчью стаю изрубили сарацины, из войска Викентия мудрого больше уцелело, а засадная дружина богатырей поредела аж до двух сотен, сами же они в камень оборотились после колдовства черного. Прикинул Андрей Мстиславич, что осталось у него под рукой тысяч сорок воинов, может чуть поболее. Донесли князю, правда, что пока сеча длилась пришли на подмогу к русичам из земель северных подкрепления, числом общим почти десять тысяч ратников и топорников. И еще отряды из мужиков

стекаются ручейками махонькими к городу. Велел Андрей Мстиславич из мужиков ополчение собирать и в дружину, что прежде засадной была направлять. А топорников и ратников северных вести на поле бранное, скоро будет для них дело жаркое.

Мавров же на глаз виделось едва ли не вдвое больше, чем русичей, хоть и положили их пред Солнцеградом немало.

Как отошли ратники под началом Ивана от города на сколько было велено верст, сразу шатер раскинули великокняжеский, став вокруг него плотной стеной. У шатра самого встал сам Иван Громобой. Знахарь уже тут был и Вячеслава раненного попользовал. Смыл кровь запекающую с головы его, посыпал шрам глубокий снадобьями животворящими, боль жгучую руками вывел, прочел молитву и рядом сел к Богу взывая о даровании Вячеславу жизни долгой.

Вячеслав же пребывал сейчас во снах темных между жизнью и смертью. Видел он себя на поляне широкой, усеянной камнями бурыми, но одном и сидел сам. Проносились над ним облака клубясь с юга на север холодный и были те облака черными, как смоль. Вся трава была здесь тревожная, колыбался ковер ее, словно змеи ворочались. В даль смотрел Вячеслав, туда, где поляна широкая с небом сходилось и видел только пелену мутную, ничего ему больше не виделось. Вдруг, прилетел откуда ни возьмись на поляну ворон с глазами блестящими, стукнулся оземь и старцем оборотился. Облачен был тот чародей в балахон цвета чернее ночи, до самых пят ему доходивший, а в руке держал он посох деревянный с наконечником, будто из головы вороньей. Лоб же его обрuch золотой венчал.

– Здравствуй, княже! – молвил старец седовласый.

– Здравствуй, мил человек, – ответил Вячеслав, головы не подымая, – Откуда ты явился ко мне, и чего тебе надобно в местах сих темных?

Помолчал старец немного, а потом снова словно молвил:

– А ли не признал ты меня, Вячеслав? Виделись мы с тобой уже, да, видать, позабыл ты слова мои, да меня самого.

Пригляделся князь и правда видит, что стоит перед ним чародей тот, что являлся ему в шатре походном, как ходил Вячеслав много лет тому назад аваров воевать в земли восточные жаркие. Пророчил тогда старец сей об угрозе великой, что идет на Русь из-за моря дальнего, а еще говорил о том, что придет к нему в дом вместе с горем радость великая. Только об чем речь Вячеслав не уразумел еще.

– Признал я тебя, чародей. Только имени твоего не вспомню. Говорил ты мне об угрозе великой, что придет в мой дом. Правду рек. Только как победить силу эту, до конца известь?

– Звать меня, княже, Ставром. Я пришел к тебе с новой вестью из далеких Снежных гор, где сейчас дочь твоя любимая Ксения путь свой многотрудный совершает.

Привстал князь Вячеслав с камня бурого от такого известия, молвил тихо:

– Разве дочь моя не в тереме Солнцеградском за стенами хоронится?

– Нет, княже. Как впал ты во сны темные, унес ее коршун в земли далекие за горы Снежные. Жива она покуда, но ждут и ее испытания великие. А ведать ты должен, что от нее одной теперь судьба твоя, княже, и Руси всей зависит. Только, если Бог дозволит воротится ей в дом родной, ты не суди ее строго. Она уже судьбу свою выбрала, но и за тобой выбор грядет. Будь готов к тому, Вячеслав, ибо труден будет выбор тот.

– О чем вещаешь ты, чародей? Что пророчишь опять мне, смертному.

– Не умрешь ты Вячеслав в этой сече. Но хворать будешь, до тех пор пока не вернется дочь твоя. А как воротится, – прими ее сердцем.

– Так скажи ты мне, чародей. Если трудно ей, я помочь хочу.

Призадумался старец.

– Свой путь она сама совершит. Есть у нее подмога в деле том. Но силы темные все крепче бьют ее, и может случиться у нее встреча недобрая с посланниками Бога Черного. А чтоб избавить ее от встречи той, отошли к ней, как очнешься, богатыря своего самого сильного. Он сейчас покой твой сторожит у шатра. Поможет ей тот богатырь, а путь в страну запретную ему я сам укажу. Прощай князь.

Сказавши так, оборотился коршуном старец и исчез вовсе. В тот же миг спала пелена с глаз князя. Очнулся он от сна темного. Огляделся. Видит в шатре себя просторном, а рядом знахарь сидит, за его душу молится. Позвал князь того тихим голосом. Обрадовался знахарь, видать, услышал Господь его молитвы. Но Вячеслав крика подымать не велел пока, а наказал позвать в шатер того богатыря, что первым у шатра его княжеского стоит, сторожит от напасти великой. Вышел знахарь порученье исполнить, да скоро вернулся. Вслед за ним, вошел в шатер, нагнувшись, богатырь росту немалого. Снял он шелом, кудри русые по плечам разметались. Кольчуга на плечах тесной кажется, силушка под ней так и играет. На боку меч булатный. Как вошел, так на колени бросился, увидав князя воскресшего.

Пригляделся Вячеслав и признал молодца.

– Встань с колен, богатырь. Не помер я еще, чай.

Поднялся Иван Громобой, молчит. Слова княжеского ожидает.

– Признал я тебя, – Вячеслав говорит, – это ты ведь в поединке перед битвой мавра сильнейшего победил?

– Я, княже, – Громобой отвечает.

– Славно бьешься, – похвалил князь, – тот поединок много силы воинам нашим придал... Как звать-то тебя, добрый молодец?

– Иван Громобой, княже.

Вспомнил опять Вячеслав наказ Ставра, да засомневался вдруг. А что если все это ему в горячке привиделось? Но был уже у них прежде разговор никому не ведомый, а все так и справилось, как старец пророчил. Значит, и на сей раз правда за чародеем будет.

– Есть у меня для тебя Иван служба тяжелая. Только не ведаю, воротиться ли с нее цел и невредим.

– Говори, княже, – сказал Громобой, снова на колени опускаясь, – я для тебя любую службу исполню. Надо Кабашона поймать, – споймаю. Надо черта за хвост изловить, – изловлю.

– Быстр ты на язык, молодец. Только служба та и взаправду не легка. Можно буйну голову на ней сложить. Ну, да ты на руку силен, сердцем храбр, а на думу быстр, видать. Потому слушай и верь ушам своим. Как выйдешь из шатра, сядешь ты на коня своего верного и поедешь один в темный лес, что в сем верстах от града моего растет. Что будет по дороге с тобой, того не ведаю. Только скоро унесет тебя сила чародея в края далекие отсюда. Там и будет служба твоя. А в чем она – ты сам поймешь. Теперь ступай, ибо ждать нельзя более.

Поклонился Иван князю и вышел из шатра. Поведал ратникам, что очнулся Вячеслав и послал его со службой в дальние края. Велел так и передать брату его меньшому Андрею Мстиславичу. А верховодить заместо себя оставил воина из самых сильных, коего Радомиром прозывали.

Сел на коня своего верного Иван Громобой и поехал в лес дремучий, думой окутанный. Что за службу ему князь поручил опасную? Не иначе змея какого заморского изничтожить. Только сейчас и здесь супостатов хватало, мог и на поле бранном Иван пригодиться. Да князю завсегда виднее. Не успел Громобой в чащу самую заехать, как налетел вихрь-королевич, закружил его и унес в края далекие. А как устал ветер дуть, огляделся Иван кругом и видит: нет уже леса дремучего нигде. Повсюду только берег каменный видать, да туман, что над морем колышется. А в трех шагах от него, на камне замшелом, старец седовласый стоит, на посох диковинный опираясь.

Сарацины, меж тем, рать свою побитую едва собрали под знамена черные. Окинул их Кабашон с кургана высокого взглядом грозным и возопил голосом диким, то которого задрожали деревья окрестные и травы примятые всколыхнулись.

– Это вас ли вижу пред собою, рыцари, цвет воинства сарацинского? Вы ли это, мавры мои верные? Нет, одни собаки трусливые пред моими глазами! Где ваша сила, где ловкость и дикость ваша в бою? Пали все мои рыцари храбрые! Вячеслав, лягушка мерзкая, теперь,

небось, куражится надо мною, над царем всех мавров заморских и царей африканских!

Подбоченился Кабашон и руку вперед простер.

– Если до захода солнца не будет взят город этот, я велю джиннам отрубить вам пальцы, руки, ноги, головы, и сложить из них курган до небес на поживу вонючим крысам и голодным стервятникам. А потом души ваши жалкие проклясть навеки, предав мучениям страшным. Чтоб никогда не нашли они покоя на этой земле. Прочь с глаз моих, собаки недостойные!

Развернулись войска мавританские и с дикими криками снова бросились на рать русичей, что стояла в отдалении у стен крепостных. Впереди все скакал Иорнанд, предводитель гордый Алабесов. Один он уцелел еще из родов предводителей древних. Был в плечо уязвлен гордый воин мавров, оттого и кровь его бурлила. Вел он войско за собой на битву последнюю. Взметнулись в небо тысячи клинков-полумесяцев над бурнусами белыми, засверкали смертельной линией и рассыпались по полю битвы жертвы выискивая.

Первой на пути сарацин диких рать белозерцев стояла, а впереди всех Андрей Мстиславич храбрый гарцевал на жеребце кровей смоленских. Слева грозными рядами Волчья стая, жаждавшая крови сарацинской. Правый фланг венчали топорники из земель северных, щитами прикрывшись. Там же и дружина засадная находилась, без богатырей своих сильных оставшаяся. С нею были и мужики пришедшие, вилами, да косами вооруженные. А у самых стен рядами блескучими выстроилось войско, что ранее патриарху Викентию было подвластно.

Не стал ждать Андрей Мстиславич покуда доскачут сарацины до стен самых и ударят по ним с размаху. Да и не сдержатъ ему было воинов своих, что отмщения за смерть сородичей жаждали. Вскинул он меч над головою и крикнул:

– Братья! Настал последний час битвы нашей. Умрем же за Русь нашу!

И, коня пришпорив, поскакал князь белозерский Андрей Мстиславич на встречу туче сарацинской, войско русичей за собой увлекая. Схлестнулись со звоном и криками ярости рати, пошли сверкать клинки на солнце ярком. Снова потекла кровь людская по полю, заливая травы да цветы красные. Снова огласилось небо стопами и криками предсмертными. Секли воины друг другу руки и головы, наносили раны ужасные. Кто не мертв с коня падал, того топтали копытами.

Андрей Мстиславич схватился с последним рыцарем из рода Алабесов. Жаждет он отсечь ему полтела и скормить его голодным псам. Иорнанд, бесстрашный мавр и воин, русича готов на части разорвать, голову отдать же Кабашону. Их клинки уж скоро раскалились от ударов частых и ужасных.

Между тем, над холмом, где стоял походный шатер Кабашона, закрутились вдруг вихри черные, зазмеились молнии ветвистые, и сомкнувшись, стали шаром мерцающим. Потускнело солнце дневное, появились на небе облака черные. То властелин мавров заморских молил Черного Бога о помощи.

– Дай мне силы, властелин души моей! Дай мне силы умертвить Вячеслава и рабов его мерзких, стереть в пыль город ненавистный! Слабеет сила моя. Пошли скорей мне вестъ о помощи твоей!

Зазвучал в ответ сквозь вой ветра глас Черного Бога, заставляя царя земель африканских корчиться на земле от страха и ненависти.

– Знаешь ли ты, Кабашон, что сын твой сейчас в Снежных горах?

– Нет! – воскликнул хозяин королевства Альморавидов, – Мне это не ведомо!

– Так знай же, несчастный червь, что сын твой покинул тебя и вознамерился дойти до Небесного Города. Он хочет лишить тебя моей силы и власти. А помогает в том ему дочь Вячеслава, князя русичей, что жив еще.

Пал на колени Кабашон и взмолился:

– Что же делать мне, властелин?

Почернело небо над шатром пуще прежнего. Понеслись, клубясь, облака черные, над

полем брани. Задули ветры колючие еще сильнее.

– Ты должен убить Арсена дерзкого.

Вздрогнул Кабашон при словах сих.

– Я дам тебе помощников сильных, но помни: если не успеешь ты убить его до захода солнца, – я вырву у тебя язык и глаза, а душу твою отправлю в царство смерти на мучения вечные.

– Я готов, повелитель, – сказал Кабашон и захохотал смехом дьявольским.

– Жди! – раздалось.

И заржали вдруг кони дикие пред шатром. Откинул полог тяжелый Кабашон и наружу вышел, руки потирая. Но вместо рати огромной увидел он, как появились из шара мерцающего четырех конных воина вида звериного. На всех надеты были брони черные, казавшиеся чернее ночи посреди дня солнечного. На плечах, локтях и коленях рыцарей торчали из доспехов шипы острые, ядом полные. Попоны конские до земли стлались. Снизу к ним черепа человечьи привешены были. Щиты массивные с изображениями кованными драконов и змей в левой руке у каждого всадника имелись. А правой держал каждый рыцарь свое копьё особенное. Один – длинное узкое древко, что острым лезвием оканчивалось, с клинком сходным. Второй – копьё, увенчанное трезубцем вида ужасного, после удара которого в теле рваные раны оставались. Третий рыцарь имел копьё с наконечником в виде полумесяца золотого, а копьё четвертого всадника венчало острие трехгранное. Шлемы на головах у них были диковинные, в виде птиц и зверей ужасных, рогатых и клыкастых тварей.

Поднял один из всадников забрало, и увидел Кабашон два хищных желтых глаза. Другой рыцарь в доспехах черных снял шлем, и увидел властелин мавров заморских, что нет у него человеческой головы, а вместо нее из доспехов торчит голова сокола. Засветились на той голове глаза, как у первого рыцаря, жутким светом желтым. Третий рыцарь снял шлем, обнажив голову змеиную с языком раздвоенным, истекающим ядом смертельным. А четвертый сверкнул глазами ящерицы хищной. Услыхал Кабашон тут снова глас Бога Черного:

– Вот твои помощники, Кабашон, власти твоей спасение. Ты пошлешь их в Снежный горы, и они принесут тебе сердце Арсена, что дерзнул пойти против меня! Торопись!

Вызвал кабашон дух Арсена, сына своего и откликнулся дух ему. Понял он, где искать сына надо, в каких землях. Туда и направил всадников смерти властелин мавров заморских. Пришпорив лошадей своих, четверо звероголовых рыцарей унеслись в небо почерневшее, рассыпая вокруг себя молнии смертельные.

Глава 9. Громобой и Звероголовые

Говорил Ставр витязю русичей слова странные. Рассказал о том, что до захода солнца встретит он в этой стране силу черную и биться ней будет на смерть, потому как от исхода поединка того зависит жизнь дочери любимой князя Вячеслава Ксении. Не должны слуги Бога Черного догнать ее на пути к Небесному Городу. Поведал Ставр еще, что предстоит сначала Ивану путь далекий и опасный вдоль побережья, чрез поля каменные и реки текущие к болотам гнилым и топким. Там-то у болот, где живет Василиск, в овраге и сходятся все пути к небесному городу. Там и должен ждать Иван у моста чрез ручей глубокий слуг Бога Черного, посланных Кабашоном. Только путь туда будет пешим, ибо кони в здешних краях не живут, кроме тех, что летать по небесам умеют.

– Это как же мне добраться до тех мест? – подивился Иван, – Я же не лебедь белая, по небесам летать не умею. А пешим до захода солнца мне туда не добраться.

– То моя забота, витязь, – молвил чародей седовласый, – до тех пор куда ты в пути до болот будешь, не зайдет солнце вовсе, а за конем я твоим пригляжу. Как доберешься до мостка чрез ручей глубокий с водой черной, свистни три раза, – конь твой к тебе снова явится, ибо биться с нечистью ты будешь на коне верном.

– Ну что ж, – ответил старцу ратник, – коли судьбинушка мне такая выпала, помереть на чужой стороне за князя своего, значит, так тому и быть. Тут хоть пешком, хоть конным, – все едино.

– Только помни, Иван, не должен ты после полуночи шагу ступить в болота, что за мосточком начинаются. Ступишь, – помрешь раньше смерти.

– Не пугай ты меня, старче. Я разных чудищ видывал на своем веку. И этих не побоюсь.

Слез он с коня своего черногривого, потрепал его по холке, попрощался до сроку и сказал:

– Ну, показывай, чародей, в какую сторону путь держать в этих землях сырых туманных.

Указал ему Ставр дорогу сквозь поля каменные и горы прибрежные к реке, что несла свои воды вдоль побережья, нигде в Море Туманов не впадая. Уходила под землю река та и терялась в траве перед самыми болотами, где жил Василиск коварный. Река та звалась Чернодиной и привести должна витязя прямо к болтам.

Много дней шел Иван, сквозь поля каменные, леса кривоствольные и буераки, держа путь в дали неизведанные и опасные, а солнце словно путь свой остановило. Ни разу ночь не спустилась на земли эти позабытые. Как выступил Иван в дорогу, – изменилось что-то в странах окрестных. Непогода наступила повсюду. Вроде лето было, и стоять бы еще на небе солнцу, но его Иван не видал уже давно за тучами седыми. Что ни день, то сыпет снег на землю, сыпет и сейчас же сразу тает. По слякоти Иван ступает осторожно, по грязи и жиже. Меж камней высоких пробирается витязь, озирая словно мертвых истуканов, и земли дыханье смрадное чует, хоть и нет в округе ни души. Вспоминает Громобой преданья, что еще от матери слышал мальцом, будто в местах за Снежными Горами обитали когда-то сотни великанов, причинявших многие злодеянья жителям земель этих. Но однажды, раздраженный шумом игрищ изуверов, сотрясавших топотом всю землю, Илия-пророк их уничтожил, обративши в каменные стены, огненной стрелой ударив с неба. И теперь на эти камни глядя, мыслил Громобой о великанах и, казалось, что еще придется повстречать их на своем пути.

Миновав поля каменьев и поднявшись на высокий холм, увидал Иван внизу берег реки, заросший соснами и елями, да травой в человеческий рост. Ветер студеный гулял над просторами реки. Видно, то была река Чернодина, что должна принести его к болотам топким. Окинул взглядом Иван ее берега каменистые и смекнул, что об них все ноги истоптать можно в пути неблизком. Вынул меч свой искусный, проговорил слово божие, и повалил сосну высокую, а затем еще три. Смастерил из них себе он плот обширный крепкий. И шест, чтобы править. Связал плот веревками из коры мокрой ивовой, что разыскал на берегу лесистом, и на воду спустил не мешкая. Лишь ступил на плот Громобой, как подхватили его волны, и стремглав понесли неведомо куда. Богатырь того не испугался, сотворивши краткую молитву, взялся за длинный шест и стал путь свой по реке направлять. Шум и грохот только слышался отовсюду.

Так минул еще день, как показалось Ивану, ибо счет дням с той поры как оказался он в Горах Снежных давно уж утерян был. Видит витязь, – над водою кружат птахи серые и рыбу достают из нее. Изловил он двух и пригляделся. То были водяные воробьи. По поверью русичей древних, если сало или кровь его на тело мазать, то не будет страшен лютый холод. Ни снег, ни град, – все будет ни почем. И, подумав, засунул птиц за пазуху воин, в здешних местах все могло сгодиться.

А река несла его на быстрой воде все дальше. Скоро увидал он излучину, а над нею утес нависший. Пригляделся и вдруг заметил, что на утесе воины стоят. Сосчитал Иван, – их до десятка было. Все облачены в черные шкуры, со щитами из кожи али дерева, и мечами короткими. Трое воинов неизвестных держали наготове луки размеров немереных. Не успел Иван опомниться, как уж две стрелы уже у ног вонзились, глубоко войдя в стволы древесные.

Понял он сразу, сколь ему тут рады. Громобой был не из робкого десятка, но лука доброго с собой не имел, а то в ответ послал бы им угощение каленое, пригвоздив стрелой к сосне того бойца, что пуще всех грозился с утеса. Девять стрел еще враги пустили, но, поднялся ветер вдруг великий, и реки течение убыстрилось. Миновали стрелы те молодца, а скоро позади уже утес остался. Лишь в вдогон неслись поганых воинов крики. Но они еще не отступились, это Иван скоро уразумел. За повтором реки бурлящей открылась вдруг их стоянка с кострами горящими, и от берега крутого отвалила ладья черная, полная бойцов свирепых. На носу – резной рогатый идол, коему собаки поклонялись.

Понял тут Иван, что будет жарко. Изготовил меч искусный свой для встречи, а плот на середину реки стал править. Лодья воинов, в шкуры черные одетых, быстро приближалась, а ворогов там было почитай две дюжины, все в рогатых шлемах, с топорами и ножами длинными, что принял Иван за мечи в начале. Только, видать, не мечи то были, ибо на Руси таких коротких не куют.

Догнала лодья с ворогами плот иванов скоро и рядом была с ним. Сразу трое спрыгнули на плот с борта невысокого. Но Громобой только раз махнул мечом своим и сверзнулись они в пучину замертво. И еще Иван троих наметил прямо в грудь. Упали те на плот и кровью своею залили мокрые бревна. На затем уж места не осталось меж плотом и лодьей врагов, жаждавших, видно, его живьем зажарить. Затрещал плот, заходил ходуном. Еще малость и утянет его под лодью, разломает. Вскинул тут меч Иван над головой и, слово молвив, снес ударом роги идола, что торчали на носу лодьи. И не дожидаясь, покуда вороги потопят плот его, прыгнул сам в лодью и начал битву. Он косил направо и налево, головы снося и руки вовсе. Не прошло и мгновения малого, а уж дюжина воинов в черных шкурах, валялась мертвой на дне лодьи, рассеченная на куски кровавые. Вдруг просвистел над головой Ивана топор боевой, едва избежать смерти смог русич. Подскочили к нему сразу тут два ворога с ножами кривыми, да только смех они у Громобоя богатырский вызвали. Рассек он по ниже пояса обоих одним ударом меча искусного. Вдруг, изловчившись, мощный чернобородый воин в грудь его ударил топором острейшим. Но, на сей раз, зеркало спасло жизнь Громобоем. Раскрошился об него топор вражеский, – не зря доспехи мастеров белозерских на всю Русь славились. Тут Иван уж вовсе разъярился, и, поднявши меч над головою, пополам разрубил врага бородатого. Следующим взмахом меча богатырского смерти предал Иван еще пятерых воителей. Всю ладью он мертвыми усеял. Увидав такую силу, остальные вороги в воду сиганули, ужасом объятые навек. А Иван, мечом ударив в днище, проломил дыру в нем и снова на плот свой вернулся.

Затем поворот Чернодины опять случился. Расширились ее берега за ним, течение замедлилось. Не надолго, правда. словно озеро проточное образовалось там, видать, глубины немалой. Как попал плот иванов в озерцо это, закружило его, забросало. Хоть и волн нет почти пеннобурливых, а крутится плот, словно белка за своим хвостом. Играет царь морской с ним в водовороты своих. Глядит Иван, а вокруг плота стали рыбы огромные собираться. Ходят под ним в глубине, плавниками спинными красными, с шипами в человеческий рост, воду режут. Вдруг одна метнулась к плоту иванову и враз треть плота отхватила. Пасть у нее, как Громобой углядеть успел, что у волка, а то и позубастей будет. Захотелось Ивану поскорей то озеро миновать, да плот как назло, едва плывет. А тут вторая рыбина еще кусок бревна откусила с хрустом, от которого у Ивана мурашки по коже пошли.

– Ну, погодите у меня, рыбехи кровожадные, – решил воин, – не от вас я сгинуть должен в этой земле проклятой!

Схватил меч свой искусный Громобой, и давай лупить по спинам чешуйчатым, что рядом с плотом торчали из воды. Как саданет, – так круги кровавые и расходятся по воде. А одну рыбину, что ближе всех была, и все норовила до Ивана достать пастью своей зубастой, зарубил он насмерть, так, что скоро она всплыла вверх брюхом посреди озера. Подивился Иван. Таких рыб на Руси отродясь не водилось: шириной она с теленка была, а на брюхе чешуйчатом, акромья плавников шипастых, увидал Иван еще и лапы короткие как у лягушек.

К счастью, скоро принесло его течение медленное к самому краю того озера с рыбами

опасными. Только тут Иван новую напасть увидел: выливалось озеро далее опять в реку быструю, и текла та река со скалы вниз, словно по желобу каменному, еще полверсты, а, достигнув мест спокойных, разливалась опять широченным озером, по берегам которого росли камыши и другая зелень болотная.

Как стало его в желоб затягивать, изловчился Иван, и налег на шест, чтобы плот его, рыбами зубастыми изломанный, не разбился о камни какие прежде срока. Подхватило течение бурливое плот тот и понесло вниз с треском грохотом. Громобой еле держался, чтоб не сверзнуться с него в потоки шумные рабам на съедение. Но миновала его напасть сия. Выскочил плот на воды широкие скоро, и понесло к камышам, вдалеке видневшимся. Как оказался на спокойной воде, перекрестился Иван, ибо ранее никогда по рекам быстрым не доводилось ему сплавляться. Все больше жил он посуху, да на коне верхом.

Огляделся Иван, – кругом, куда ни кинь, одни камыши по берегам росли. Ни березы, ни сосенки. Знать, за камышами и простирались болота топкие, в коих Василиск обитал, чудище злобное. Горы все скалистые и равнины каменистые остались позади. Только одна, седая и замшелая, высилась где-то за болотами. Но Иван на нее глядеть не стал. Ему далее пути не было. Подошел плот к камышам самым и встал. Дальше Иван его шестом пихать стал и вскоре добрался по воде до мест совсем мелководных, где уткнулся плот днищем в землю вязкую. Взял Иван свой меч, спрыгнул в воду, что до колен ему стала, и побрел искать места сухие.

Скоро добрался он до земли, где стоять можно было. Глядит, а рядом лесок виднеется и овраг пред ним. Дошел до края, а там мосток через ручей с водой черной.

– Ну, видать, добрались, – решил Иван.

Воткнул он меч в землю, пальцы в рот засунул и как свиснет богатырским посвистом три раза, так что деревья в лесу закачались, затрещали. Вдруг, откуда ни возмись, явился к нему конь черногривый. Заржал радостно. Обнял воин коня своего за шею, по холке потрепал сызнова.

– Здравствуй друг мой сердешный, – сказал Громобой, – вот и встретились мы опять. Не обманул чародей седовласый. Знать, к битве смертельной теперь готовится надобно.

Сел Громобой на коня. В левую длань щит взял, что у седла приторочен был, а в правую, – меч искусный, десять лет кованный. Изготовился для битвы Иван Громобой и стал ждать вестников Черного Бога. Сколько б их ни было, всех победить должен был богатырь. Иначе смерть ждала Ксению, а там и на родную сторонушку беды новые хлынут, хоть и старых пруд пруди.

Как только сел на коня Иван, солнце за край земли опускаться стало, и скоро темнота почти совсем укрыла болота замшелые. Едва виднелось еще солнце полоской алой над самой кромкой леса. Услыхал Иван тогда топот конский вдали. Скакал кто-то с холма высокого, что за оврагом находился. Аж земля дрожала под ними. Пригляделся Иван, да прислушался. Кто еще, кроме нечисти, в местах таких проклятых по ночам разъезжать станет? И точно. Видит русич храбрый, – съезжают с холма четыре всадника вида невиданного. В доспехах все и шеломах страшных, с копьями длинными, а глаза диким светом желтым во тьме наступившей светятся, словно у нелюдей. Подскакали они к оврагу и остановились разом, как вкопанные.

Видит Иван, торчат из доспехов рыцарей невиданных во се стороны шипы острые, ядом полные. Попоны конские до земли стелятся. Снизу черепа человечьи на них постукивают. Щиты массивные с изображениями драконов и змей в левой руке у каждого всадника, а правой держали рыцари свое копьё, особенное. У одного копьё было длинное с острым лезвием на конце, будто клинок. У другого вместо копья трезубец вида ужасного. От такого живым не останешься. Третий держал копьё с наконечником в виде полумесяца золотого, а четвертый всадник имел на конце копья острие трехгранное. Акромя того у всех кинжалы и мечи кривые на поясе висели. Шлемы на головах у них диковинные были, в виде птиц и зверей ужасных. Иван таких еще не видывал.

Поднял тут один из всадников забрало, и увидел Громобой бесстрашный два хищных

желтых глаза. Другой рыцарь в доспехах тяжелых снял шлем, и увидел Иван, что нет у него человеческой головы, а вместо нее торчит голова сокола. Засветились на той голове глаза, как у первого рыцаря, светом желтым. Третий снял шлем. – обнажил голову змеиную с языком раздвоенным. А четвертый открыл Ивану морду ящерицы хищной с глазами узкими.

Увидав все это, Иван аж перекрестился. Что за нелюдей прислал к нему Бог Черный, что за душегубов. Меж тем, услышал Иван голос низкий, словно шепот змеиный:

– Ты откуда здесь, человечина, на дороге дорог? Или смерти жаждешь отведать жестокой.

– Поджидаю Вас, гости дорогие, – отвечает им Иван Громобой, – Что-то задержались вы в пути-дороге. Видно из далека прискакали, юродивые.

Услыхал в ответ Иван все тот же шепот змеиный:

– Не тебя мы ищем, человечина. Отойди с дороги, пока жив еще.

– Рад бы пропустить Вас, гости дорогие, да не велено. Видать, судьба ваша здесь костями лечь. Не будет тебе пути дальше, нечисть поганая!

Засветились еще ярче во тьме глаза желтые звероголовых.

– Так вот зачем ты здесь, человечина! Ты знаешь... Значит ты умрешь!

Отделился от звероголовых крайний рыцарь с головою ящерицы, надел шлем с гребнем острым по верху, и поскакал к Ивану. Пересек ручей тот рыцарь, доспехами лязгая, и поднялся на другой берег, где Иван его поджидал. Остановился звероголовый, и копьё с наконечником трехгранным опустил, в грудь Ивану наметившись. Зашипел, заурчал, слова зловонные изрыгая:

– Готовься к смерти жестокой, человечина! Слаб твой бог!

– Погоди хвалиться, ящерка. Одолей сначала меня слабого.

– Запомни, ты умрешь, человечина, от копья царя всех ящериц Дирга!

Задрожала земля под копытами лошади, что несла на себе звероящера в доспехи закованного. Показалось Ивану в то мгновение, что сотня добрая ящериц огромных чешуйчатых на него скачет, копьё в грудь ему наставив. Изготовил он щит свой добрый, да меч искусный. Засветился вдруг меч во тьме, словно раскален был. Подивился Иван тому, но тепла от меча не почуял, только силы в нем поприбавилось. Будто не один он был здесь богатырь, а четверо их стояло у мосточка того к битве изготоясь. Тут ударил его ящер со всего маху копьём прямо в щит. Затрещал щит иванов от удара такого, но выдержал. А Громобой в ответ рубанул мечом и рассек копьё длинное пополам. Не успел ящер меч свой выхватить, а Иван уж достал его своим клинком светящимся. Рассек меч искусный доспех тяжелый кованый, полилась на землю кровь оттуда потоками, и рухнул с коня воин нечестивый. Засветился на мгновение ящер мертвый, словно огнем охваченный, и, взаправду, вспыхнул факелом. Глядит Иван, а вокруг огня сотни ящериц мелких собрались. Как погас огонь бесовский, и они пропали. Конь же ящера в болота ускакал.

Вдруг видит Иван следующий рыцарь к нему скачет. То был царь змей ядовитых Ярг, в доспехах кованых со щитом и копьём длинным, наконечник которого видом своим на клинок походил. Чудится Ивану будто сотня змей шипящих на него ползет, пасти разинув. Пришпорил он тогда своего черногривого и поскакал на встречу царю змеиному. Сшиблись они со звоном доспехов. И выбил царь змеиный Ярг копьём длинным щит у Ивана из рук, в щепки разнес его. Но витязь жив остался, укрыл его щит, отвел в сторону удар смертельный. Выбросил Иван обломки щита на землю и за меч схватился крепче. Ударил со всей мочи он царя змеева по шлему, – рассыпался шлем на куски, обнажив голову мерзкую с жалом ядовитым. Глазки узкие желтым огнем ненависти светятся. Шипит змей, извивается его тело скользкое в доспехи закованное. Отбросил Ярг копьё ненужное и выхватил свой меч кривой, словно гадюку окаменелую, замахнулся им на Ивана. Но Громобой проворным бойцом был, успел меч искусный подставить. Скрестилось их оружие, – только искры полетели. Изловчился Иван и поразил Ярга в плечо, отшиб ему шип острый. Разъярился Ярг, ударил Ивана в бок мечом ядовитым, но отскочил меч от доспехов белозерских. Тогда Ярг схватил меч свой двумя лапами когтистыми, поднял над головой, и снова обрушил на Ивана со всей

силой. Громобой, не будь дурак, поперек того удара свое оружие искусное подставил, и раскололся на части меч царя змеева, рассыпался по земле. Видит вдруг Иван, что вырос Яр над ним, словно из доспехов выползла змея длины немереной, и голова плоская и с глазками узкими злобным к нему метнулась, пасть раскрыв с жалом ядосочащимся. Размахнулся тут Громобой и ударил влет мечом богатырским, – отсек голову царю змееву. Покатилась она на землю и распалась на тысячу мелких змеюк, расплзлись что по всем сторонам сразу. Конь его тут же издох, отскочив едва к ручью, змеями ужаленный.

Не успел Иван от сечи отойти с царем змей и собраться с силами, а уж скачет к нему третий рыцарь звероголовый. Видит Иван, что нет шлема на нем, а торчит из доспехов голова соколиная с клювом кривым хищным. За бронью крылья расправленные по ветру колышутся. Налетел царь соколиный по прозвищу Зорк на Ивана и пробил копьем своим-полумесяцем доспех на плече у витязя. Боль дикая пронзила тело русича, полилась кровь густая из раны. Но размахнулся Громобой и одним ударом меча богатырского лишил крыла царя птичьего. Завизжал тот, заголосил, выхватил меч, короткий словно нож, с двумя клинками зазубренными и всадил его Ивану в бок. Сквозь доспехи прошел меч царя соколиного и достиг тела иванова. Покачнулся Громобой от удара того, завалился на другой бок. Но когда потянула его сила смертная к земле близкой, извернулся богатырь и мечом своим срубил голову царю соколиному Зорку. Рухнул Зорк обезглавленный с коня, в тысячу птиц хищных обратился. Разлетелись они тотчас по небесам темным. Апося уж Иван упал с коня верного на земь с клинком в боку.

Лилась кровь из раны его не переставая, взгляд туманился. Но был он еще жив, когда подъехал к нему медленно четвертый всадник в доспехах тяжелых. Смертным холодом от него повеяло на Ивана. Увидел он, что нет у рыцаря того, головы вовсе и понял, что был то первый слуга самого царя Тьмы, Бога Черного. Занес рыцарь лапами когтистыми трезубец свой дьявольский над Иваном и вонзил ему в грудь, к земле пригвоздив. Но вскочил Иван вдруг с земли, полумертвый уже, и последним ударом меча своего с диким криком рассек рыцаря безголового пополам, покончив со слугами тьмы. Покачнулся затем витязь, храбрейший из русичей, и упал на землю холодную, дух испутив.

Застонали небеса черные над полем битвы ужасной, заметались по небу вороны, затрещали деревья окрестные, засвистели ветры дикие, завывали волки голодные, заскулили шакалы трусливые. И за многие дни полета птичьего от того места проклятого был слышен вой. Услыхал его Ставр на берегу каменном Моря Туманов и понял, что исполнил Иван службу свою. Почуял его во сне темном Великий князь русичей Вячеслав и сведал про то же. Услыхал его и Бог Черный. Понял он, что не смогли остановить Арсена слуги его дикие, и возжелал с той поры смерти его еще больше.

Глава 10. Гора Оршана

Выбравшись из подземного Туманного города, населенного великанам, что людей ели, Арсен и Ксения устремились на север, сквозь предгорья и поля каменистые. Днем миновали они речку быструю и пошли дальше, потому как время было на стороне врагов. Шли они так день, ночь и еще день, и лишь только к вечеру дня следующего, обессиленные и голодные, решили отдых дать телам своим усталым у небольшого лесочка. Арсен развел огонь и поджарил пойманную во время переправы рыбу. Утомилась очень Ксения, но виду не подавала, все-таки княжеская дочь. Как насытились, уснули путники у костра догорающего.

И приснился в ту ночь сон непонятный Арсену, будто он, облачившись в долгие одежды, на празднике веселом находится. Только не может никак узнать сарацин, кто хозяева дома. А люди вокруг смуглы, черноволосы, все стройны и ростом их Аллах не обидел. В белые и длинные накидки облачены. Угощают сарацина хозяева вином, мясом жареным и плодами сладостными, на боках которых словно солнце жаркое играет, так они спелы. Тронь, – и брызнут соком. Женщины среди гостей красы великой есть, а одежда лишь скрывает стан. Дом же, где пируют все, высок, просторен, белые колонны у ворот, в коих

стража с короткими мечами, в шелках блестящих и броне. Из ворот море виднеется обширное, теплое на вид, как молоко парное. У причала корабли стоят со спущенными парусами, стройные и легкие на веслах. Помногу воинов нести они смогут, если вдруг нужда заставит. Дивится Арсен красоте всего и богатству, но узнать не может, чья же это земля. Истомился он неведением и спросить уже соседа захотел, который ему вина молодого много подливает в кубок золоченный, у кого в гостях он находился, как присох к зубам его язык. Видит вдруг Арсен, что в зал вошел воитель мощнотелый, черная накидка скрывала его плечи. Но, как только обернулся воин, сразу понял Арсен кто пред ним и за меч схватиться захотел, но не обнаружил он меча своего сарацинского. А хозяин дома и богатств огромных засмеялся громким смехом дьявольским так, что с вином кувшины расколол на столе. То был сам Оршан – царь великанов.

– Здравствуй, Арсен, – сказал он и оскалил зубы, – дивишься, что на пир к владыке великанов пригласил я врага смертного? Знай тогда, воин, все то, что видишь, – это тризна, на твоей могиле свежей!

После слов таких все гости разом, обратились в чудищ вдруг поганных, с головами змей или свиней, и к Арсену когти потянули, лязгая клыками и урча. Тут Арсен пробудился ото сна. Огляделся вокруг, но все на вид было спокойно. Придвинулся он тогда поближе к углям, едва тлеющим, положил на колени сарацинский меч, и до рассвета глаз больше не сомкнул, охраняя покой спящей сном безмятежным Ксении.

На утро дня следующего остались позади поля каменные и лесочек, возле которого путники ночь провели. Миновав овраг глубокий и поле, колючками заросшее, что за ним простиралось на полдня пути, вышли они к лесу дремучему. Лес тот тянулся перед ними в оба края, на сколько глаз хватало, и не было другого пути, кроме как преодолеть его, пройдя насквозь. Осмотрел Арсен лес темный еще раз, вынул меч сарацинский и пошел вперед, а Ксения за ним следом, по тропке проторенной. Едва вступили они в чащу самую, – послышался им шепот в верхушках деревьев, на шелест ветра похожий. Только был это не шепот, а разговор деревьев кряжистых. И слова их вдруг понятны стали Арсену и Ксении. Говорили деревья меж собою о том, что уже почти пять сотен лет никто из рода человеческого не ходил по тропам сквозь лес безумных глаз. Не нашлось ни одного смельчака на такой путь после того, как Оршан наложил на лес этот свое проклятие. Не звучат в нем больше голоса людские. Станным показался тот разговор путникам, да только они уж не знали чего и ждать от лесов в этой земле заколдованной, но шли вперед, сквозь подлесок густой продираясь.

Еще вчера заметил Арсен, что чудо непонятное стало твориться с амулетом из альмадина, который получили они в подземельях Туманного города. Едва только вышли они на поверхность, стал менять свой цвет камень. И спустя два дня горел он уже не голубым светом подземелий, а красным и продолжал разгораться все ярче, впитывал свет солнечный, словно истосковавшись по нему. Понял Арсен, что и был тот цвет родным для камня. Теперь на груди сарацина горело два огонька, два берега, словно путеводные звезды во тьме мрака лесного. И каждый из них был для пути особенного предназначен. Альмадин вел их дорогой к Оршану, а подарок Ставра седовласого должен был путь показать к Небесному Городу, после того как победят они великана сильного. Только как выполнить дело это Арсен еще и сам не знал, и Ксения не ведала, но пути обратного им уже не было.

Шли они так сквозь лес день целый, и вышли к сумеркам на поляну малую, вокруг которой росли сосны кряжистые. А потом опустилась ночь на лес густой, и пропало все во тьме. Не стали они огня разжигать, чтоб не привлечь хищников здешних, коих пока им не встретилось на пути. Решили путники ждать рассвета на поляне, понадеявшись на береги, что должны были сохранить их от напастей. Но едва минула полночь, вдруг изменилось все вокруг. Показались огни мерцающие меж деревьев и тени светящиеся невесомые. Стали они бродить повсюду вокруг поляны и шептать что-то на языке неведомом. Пригляделась Ксения к огням тем и поняла, что светятся во тьме глаза и тени усопших, что чрез лес этот когда-то шли, да сгинули здесь все от напасти неведомой. Стала Ксения молиться истово Богу

Единому, и Арсен не раз Аллаха вспоминал за ночь ту. Просидел они так до рассвета самого, прижавшись друг к другу, но видно спасли их молитвы и обереги, – никто из теней усопших не потревожил их на поляне. Живыми они рассвет встретили и дальше в путь отправились.

Весь день следующий брели они сквозь лес темный, а когда смеркаться опять стало, выбрались из него на место открытое. Окончился лес, где привиделись им глаза безумные. А как ступили они на траву из леса дикого, – прогремел раскат грома в небе, облаками затянутом серыми. Словно гневался кто на них. Почудилось путникам, будто собираются вокруг них силы темные, что ищет кто-то путников в этой земле проклятой и смерти предать жаждет. Арсен же почувствовал в то мгновение что призывает его к себе отец, властелин всех мавров африканских Кабашон.

Но путь звал их сильнее, и дальше идти было надобно. За лесом глаз безумных поле начиналось с травой в рост человеческий, а за ним сразу овраги глубокие. А еще дальше виднелось болото обширное без конца и края. Ночь следующую просидели они в овраге большом у костра. Еды у них не было вовсе, потому сидели путники молча, на огонь и угли тлеющие глядя. Грезил Арсен о бое предстоящем с царем великанов, а Ксения думала о нем думу странную. Не чуралась уже дочь княжеская спутника своего, как раньше. Сидела, прильнув к плечу его сильному. За время, в пути проведенное, изменились чувства ее. Не раз выручал Арсен ее от напастей и жизнь спасал. Все жила надежда в сердце Ксении, что вернется она на родную сторонку, но томилось сердечко уже и от чувства другого, в коем боялась себе признаться дочь княжеская. Грех виделся ей великий в том, ибо привязалась она к сарацину храброму, который был врагом заклятым русичей. Терзалась Ксения в думах своих сильно, но ответа скорого не ведала. Так и заснула сном тревожным на плече у Арсена. Но даже во сне, казалось ей, будто кто-то невидимый смотрит на них с небес.

На утро отправились они через овраги к болоту на прямик. Миновали мосток через ручей с водой черной и по тропинке утуреной, что вела от того мостка, пошли сквозь болото обширное. Повела тропка путников меж топей, с обеих сторон раскинувшихся. Шли они так полдня, путь держа на гору высокую замшелую, что далеко за болотами видна была. А за ней, еще дальше, подымалась цепь гор заснеженных. Но не край-то был Снежных гор, а их сердце самое. Где-то там обитал хозяин великанов злой Оршан и стоял, в высоте облаков затерянный, Небесный Город Богов.

Как вошли они в середину болот топких и смрадных, начал от трясины туман подниматься, клубами сизыми. Скоро он укрыл всю тропу и окрестности, ничего не видно на пять шагов вокруг стало. Догадались путники. Что ждет их испытанье новое, смертное. Выхватил меч сарацин, стал по сторонам озираться в поисках чудища опасного. Вдруг из самой глубины зловонья окрестного началось какое-то движение. Пузыри огромные, смрадом полные, вырывались из глубин топей на поверхность со свистом. Забурлило болото, пришли в движение грязи жидкие и, хлюпая, поднялось чудище над путниками. Голова совы, а тело змея, грязь по крыльям медленно стекает, чешуя вся струпьями покрыта, черви в ней плодятся не таясь. То был Василиск, убийца взглядом.

В тишине наступившей медленно поднялся Василиск над Арсеном и очи растворил, взглянув на сарацина. И в тот же миг Арсен, уже в руках державший меч для битвы смертной, вдруг оцепенел. Как будто холод охватил воителя мгновенно, мир подлунный вдруг пропал из глаз его. Ни болот туманных, ни тропинки. Заслонили все перед Арсеном, желтые огромные глаза. И тихонько, словно шепот детский, он услышал:

– Не гневись, Арсен, ты воин крепкий. Но меня тебе не победить. Дальше нет пути тебе отсюда. Путь окончен, ляг и отдохни. То, чего искал в дороге дальней, скоро ты найдешь на дне трясины. В смертном сне исчезнут все заботы, – только в царстве мертвых забытье. Лишь глаза закрой и все исчезнет.

Опустил свой меч Арсен и внемлет, силы истекают из него. Закрыв глаза свои воин храбрый. Ксения же в то время за спиной его молитву творила. Пожелала она всю душой, чтобы очнулся он от обмороченья чарами Василиска страшного. А тот все ближе хищный клюв свой опускает. Вот уж глаза его вровень с тропинкой стали. Струится по топи болотной

тело змеево. Еще пуще молиться стала за него Ксения и сильна та помощь оказалась. Открыл глаза Арсен, видит, – чудище уже в двух шагах от него. Вскинул свой меч острый тогда сарацин и ударил им со всей силы по глазам желтым дьявольским, что светились сквозь туман зловеще. Крик жуткий разлетелся над болотами топкими, – то лишился Василиск своего оружия. Отпрянуло назад тело скользкое и в пучине спряталось на веки вечные. В тот же час туман развеял ветер, и, увидев твердые брега впереди себя не так далече, устремились вперед Арсен храбрый и Ксения, что жизнь ему спасла.

Скоро вышли они из болота и оказались на земле твердой каменистой. Впереди опять предгорья начинались. Посмотрел Арсен на амулет из альмадина, от которого защиты ждал, и удивился сильно, – тот едва светился сейчас. Значит, не для битвы с Василиском он был дан им. Спасли их силы свои, да подарки Ставра седовласого. Амулет же только для Оршана и истуканов его каменных был предназначен.

Росло на земле той несколько яблонь диких. Под ними путники решили передохнуть время малое. Дальше путь все вверх начинался, а сил у них уж поубавилось. Сорвали они по яблоку и съели их с наслаждением. Посмотрел Арсен на горы дальние снежные, а потом случайно с глазами девицы встретился, и не смог себя сдержать более. Обхватил он стан ее гибкий и прильнул к устам сахарным в поцелуе долгом. Не противилась тому Ксения, и ее сердце тянулось давно уж к Арсену храброму. Ответила девица младая сарацину горячим поцелуем, и забыли они на время, куда шли.

В тот же час в своей глубокой пещере хозяин великанов Оршан, огонь разведши под огромным чаном со смолой, смотрели не отрываясь на поверхность, пузырями покрытую. Почувствовал он утром приближение опасности неведомой. Захотел узнать, что в землях окрестных происходит. Ибо чан волшебный сей, все видел и показывал ему если человек, иль зверь, иль птица какая, близко к границам владений запретных приближалась. Беспокоен был Оршан с утра раннего, хоть и стояли по окраинам владений его истуканы каменные, а «Глаз Черный» через них видел окрест на много дней пути, насылая на все живое сон смертный.

Показала гладь смолы Оршану сначала воина неизвестного, что по реке бурливой плыл вдоль побережья Моря Туманов в сторону болот, где обитал Василиск. Увидел Оршан стоянку глоргов, что посмели напасть на воина того на лодье своей, и почти все мертвыми стали от меча его искусного. Проплыл он на плоту своем сквозь озеро рыб зубастых и живьем добрался до черного ручья, откуда прямой путь к горе Оршана открывался. И только Василиск жил на том пути. Но не пошел по тропе воин, а остался у мостка. Где в полночь встал без страха на пути слуг Бога Черного и убил их всех, но и сам мертв лежал теперь.

Охладился тогда пыл Оршана злого, но захотел он взглянуть на земли дальние, как живет там нечисть и радуется. Показал ему чан чудище Харду мертвую, чьим телом питалась теперь морская змея Лу, и много глоргов убитых на Острове Обезьян. Показал ему чан лес глаз безумных, им самим заколдованный, сквозь который след человеческий тянулся насквозь. Показал ему чан Василиска мертвого, что без глаз своих лежал на дне топей болотных, и глодали его тело черви. Но никого не показала смола всезнающая на пути к логову его в горах. Молчали истуканы каменные.

Призадумался Оршан в пещере замшелой, стал ломать свою голову трехглазую, опять его терзать начала злоба лютая. Кто же умертвил Харду, которой и сам Оршан боялся, кто Василиска бессмертного доселе, глаз лишил и чар его смертельных? Знал Оршан, что хозяин его, Бог Черный, хотел разрушить Небесный Город до основания. Силы копил до времени, а Оршан помогал ему в том. Скоро уж великаны должны были собраться у него в логове, все змеи и ящеры со Снежных гор и земель дальних слететься на гору высокую. Все волки, шакалы и стервятники сбились в стаи по всей земле и в пределах гор Снежных и ожидали зова Оршана, чтобы двинуться на Небесный Город. Скоро должны были лишиться боги старшие своей власти над миром подлунным и всеми другими богами, что не желали власть их верховную признавать. Скоро хаос ждал землю, а свобода, – всю нечисть, что жила, не

ведая законов добра. Радость сильная охватывала злое сердце Оршана при думе об этом. Но точил его червь подозрения. Воззвал он в бессилии к хозяину своему Черному и ответ получил. Понял великан, что в самом сердце уже его владений снежных воин, что грозит ему мечом и жаждет смерти лютой для Оршана.

Вышел тогда Оршан грозный из пещеры сумрачной на волю. Остановился на мгновение, и вдруг, вспыхнул факелом гигантским над горами. Окуталось клубами дыма его огромное волосатое тело, закрыв совсем гору черными облаками, и возник из дыма того змей огромный. То был змей, – глава всем змеям лютым. Чудище, поганее не знали. Чешуя черная мерцала зловещим светом, а глаза, как уголья горели. Ощетинив пасть, сие исчадь, когтями кроша валун гранитный, плюнулось огнем в горы окрестные, словно позабавиться хотело. И в мгновение ока в горах тех растаяли шапки ледяные, что не тронуты были сотни лет ни солнцем ни дождями злыми. Лишь трава задымилась на склонах, полетели вниз раскаленные камни, да ручьи потекли горячие.

– Что ж, готовься, воин, – изрыгнул тот змей, – я люблю отведать человечины.

И, расправив за своим хребтом крылья могучие перепончатые, поднялся змей в небо, устремившись в ту сторону, где почуял угрозу.

Уже два дня позади было, как вошли в цепь горную Арсен и Ксения его любимая. Презирая усталость, подымались они по тропинке, что, в снегах петляя, пропадала. Одежда, Ставром подаренная, волшебною оказалась. Ева вошли путники в пределы горные, как само собою все на них новым сделалось, и хранило от холода не хуже шкур и мехов. Кроме одежды, появился у Арсена за плечами колчан со стрелами и лук мощный. Видно боги им благоволили. На пути пока никого они не встретили, но чуял Арсен, что скоро битва. Хоть и не дошли еще до горы самой высокой, где логово Оршана таилось, видна была она уже в долине соседней, до которой дня три пути оставалось. Видом своим вселять ужас в сердца в путников была та гора предназначена. Нависала скала массивная над тропой так, будто медведь разъяренный на человека бросался, а вход в нее вид имел рта клыками полного.

Горы, между тем, хранили тайну свою. В молчании величавом снежные хребты их подымались, на сколько глаз хватало, в поднебесье и пропадали там среди туч. Бродившие по воле ветра тучи здешние, несли в себе снег холодный и град величиною с голову теленка. Там, где просыпались они, от леса оставалось только чистое поле. Но, ветер зря здесь тучи не тревожил. Он дремал, до поры, на пиках отдыхая. По хребтам разлегшись, копил силы, для полетов в дальние земли, где обитало людское племя. Ждал ветер, покуда силы в нем станут настолько, чтобы ураганом казаться. Вот тогда, все круша и ломая, вырывая деревья с корнем, избы и дворцы сдувая вовсе, он вырвется на просторы полей и пойдет гулять и веселиться, землю выстудив, лишив людей надежды последней.

Последние дни разгорался амулет из альмадина на груди Арсена все ярче. И казалось сарацину будто кто-то хотел показать ему жизнь прошлую этих гор. Чуял Арсен злобу от земли и камней здешних исходившую. Но чуял он и то, что когда-то все здесь было по-другому. Росшие у тропы деревья, сколь корявы не казались, все ж виделись Арсену когда-то стройными, к солнцу тянувшимися. Чудилось ему, что раньше трава здесь зеленой была, нынче жухла она и гнила. Показалось вдруг Арсену будто, птицы певчие здесь водились во времена давние, наполняя горные чертоги пением своим сладкоголосым. Со скал стекали ручьи веселые, а земля тут радовалась солнцу, до тех пор, пока не пришли времена черные.

Думал так Арсен, взбираясь в горы, по тропе, лавинами избитой. Ксения ступала за ним след в след. И слышали вдруг они вой ветра страшный в небесах. Летел из-за гор на них змей черный с глазами, как уголья горящими, распластав крылья над хребтами снежными. Выхватил Арсен меч свой, к битве изготовился. Засверкали на груди его обереги, словно звезды на небе ночном. Засветился аметист и на Ксении. Полыхнуло тут в небе зарево, – то плюнул змей на них огнем жарким, закрыв свет белый крыльями своими перепончатыми. И сгорели бы они заживо, но вдруг, вспыхнул шар из альмадина и раскрылся над ними купол огненный. Ударил в змея молния ветвистая белая. Растеклось по куполу пламя змеево и на

гору ушло, снег растопив. В миг земля дымящаяся под ногами оказалась у Арсена и Ксении, но сами они живы были. После того погас шар из альмадина и превратился в камень холодный. Снял его с себя Арсен, в пропасть бросил глубокую, вспомнив о наказе Духа Великих. Теперь только своя сила у него оставалась, потому как подарок Ставра лишь уводил от опасности. Огляделся сарацин по сторонам, но Змей страшный исчез куда-то.

Скоро дым и пар унесло ветром налетевшим. Услыхали путники тогда, как горы застонали, задрожали все до основания. Словно бы из далека-далёка шел сюда огромный великан. И подняв глаза, увидели они за хребтом скалистым высоченным, льдом и снегом полностью покрытым, великана необъятной мощи, что плечами в небо упирался. Правая рука его топор сжимала, столь огромный, что мостом через реку он служить бы мог обычным людям. Левой за вершины гор держался, изверг, через пропасти ступая. Тело, все покрытое бронею, с чешуею схожею по виду, голова венчала огромная, и светились в ней лютой злобою два глаза. А на месте третьего сочилась рана кровавая.

Перейдя хребет последний, отделявший долину, где Арсен бесстрашный ждал его с мечом на изготовку, великан остановил движение. Он стоял, теряясь в снежной выси, и взирал со смехом на Арсена, словно на букашку недостойную, что посмела поперек ступить.

– Что ж, Арсен, окончен путь твой вовсе. Сдохни человек, уйди под землю! – загремел Оршан, топор вздымая в небо высоко, сшибая звезды. И когда занес его до меры, вниз обрушил, смерть, неся Арсену.

Но не дали боги смерть Арсену. Мимо просвистел топор Оршана, разрубив хребет до основания. Родилась еще одна долина. Сарацин же невредим остался.

– Мал ты человек, букашки меньше! – Заревел Оршан и снова прынул, топором наметаясь на Арсена.

В этот раз срубил он две вершины, меж которых воин оставался. Ксения в расщелине укрылась и молилась тихо, еле слышно.

– Ты, я вижу, так меня боишься, – закричал Арсен сквозь грохот камней, что ко мне приблизиться не смеешь? Ты спустишься ко мне сюда, пониже. Чтобы глаз твой выколоть вернее.

Великан окутался весь дымом и возник медведь-шатун оттуда. Был он втрое выше сарацина, но уже поменьше великана. Заревел шатун, клыки осклабил. И, нависши над Арсеном грозно, двинулся к нему навстречу по тропе, вздымая лапы. А на лапах тех сверкали когти, длинные, кривые, как кинжалы.

Отступил Арсен назад немного. Сдернул лук с плеча, стрелу приладил к тетиве. И послал ее медведю прямо в сердце. В цель стрела попала, но как будто сам Оршан ее и не заметил. Он бредет вперед, достать Арсена хочет. Выхватил тогда новую стрелу сарацин и отправил ее прямо в шею лютому медведю. Воткнулась она в шкуру твердую, пробила ее. Но силен Оршан, не зря великаном зовется. Скинул уже Арсен колчан перед собой на камни и стал посылать стрелу за стрелой в тушу огромную медвежью. Пронзил он лапу зверю дикому, две стрелы в бок вогнал и голову пробил. Но идет медведь, рычит и стонет, пасть осклабил, выставив клыки. И тогда Арсен, прицелясь метко, прямо в глотку новую стрелу вогнал, быстрее ветра. Захлебнулся кровью лютой зверь и, сорвавшись, в пропасть устремился. Но еще не долетело тело до камней острых на дне долины, а уже вздымался над Арсеном великан Оршан в родном обличье. Только броня его была уже помята и на теле всем зияла раны. Лишился Оршан второго глаза, кровь лилась из него ручьем багровым. Но силен еще был в нем дух Бога Черного.

Поднял разъяренный Оршан для удара свой топор огромный и занес его над головою. Стоял Арсен под ним, не зная, что делать. Стрелы все он уж истратил, а мечом сарацинским не достать так высоко. Но вдруг, взглянул в колчан Арсен храбрый и увидел там последнюю стрелу. Мог поклясться сарацин, что мгновение назад ее там не было, но времени на раздумья долгие у него не осталось. Выхватил Арсен стрелу последнюю из колчана и приладил к луку. Показалось ему, что блеснул наконечник стрелы каленой, будто из камня драгоценного был сделан. А топор великана свистел, все приближаясь. Знал Арсен, что

настали последние мгновения битвы. Если не поразит он Оршана, то примет смерть свою, а с ним и Ксения любимая погибнет. Прицелился сарацин в последний глаз Оршана, налитый злобой. Разросся тот глаз перед ним до невиданных размеров, полнеба заслонив. И спустил тетиву звенящую Арсен, отправив стрелу в полет смертоносный.

Раздался тут гром, небесный грохот. Содрогнулись горы вековые, раскололся небосвод темный. И сквозь щели все, из крыши мира подлунного, хлынул дождь сильнейший, заливая земли окрестные.

Глава 11. Разговор с богами

Не успел отгрохотать гром в небесах и дождь пролиться, как возникла перед путниками лестница широкая каменная, что вела наверх, и терялась в вершинах гор, облаками белыми укрытых. Подошел Арсен к девице, что молилась за него не переставая во время битвы с великаном, и руку к ней протянул.

– Повержен Оршан, Ксения. Нет больше преград на пути нашем к Небесному Городу. Пойдем же, Боги ждут нас.

Встала дочь княжеская, слезы утерла, улыбнувшись. Подала руку свою Арсену и пошли они медленно, поднимаясь по ступеням лестницы столь широкой, что на ней две колесницы могли свободно разъехаться. Повсюду виднелась резьба искусная в виде птиц и зверей диковинных, – по бокам и на ступенях шершавых. Показалось Ксении, что тысячи людей поднимались по этой лестнице раньше, так истерты были ступени подошвами. Но не было сейчас никого вокруг, кроме гор молчаливых.

Развиднелось скоро в небе над лестницей чудесной. Прекратился дождь, и предстала глазам путников земля обновленная. Далеко внизу покрылись горы зеленой травой и пестрыми цветами. Закружили над долинами птицы певчие, завели свои песни для слуха приятные. Поднимались так путники до тех пор, пока не исчезла земля в облаках, и не приблизились они к арке цвета алого. Сияла она светом внутренним так, что нельзя было отвести глаз зачарованных. Расходились вокруг нее лучи во все стороны, и казалось, будто солнце закатное над землей повисло. Следом за аркой и ступени свой цвет на алый меняли. Едва ступили под своды высокие Арсен храбрый и Ксения прекрасная, как стало чудиться им тяжесть великая в оберегах, Ставром подаренных. Росла та тяжесть с каждым шагом вверх по ступеням. Вспомнился им тогда наказ чародея, – «Как дойдете вы до Небесного Города, обереги ему верните, ибо камень сей в тех горах и рожден был». Остановились путники. Снял бережно Арсен оберег светящийся с груди своей, попрощался с ним, поблагодарил за помощь в пути оказанную и на ступени алые положил. Ксения тоже ожерелье из аметиста сняла, произнесла над ними молитву краткую, и вниз опустила. Едва соприкоснулись камни со ступенями алыми, как растворились в них, словно воду ушли глубокую, а путникам облегчение случилось. Встали они с колен, и пошли далее.

Поднимались Арсен и Ксения так словно день целый, хотя не было здесь ни дня, ни ночи над облаками. Белый свет расплывался повсюду, не тревожа глаз особенно. Лишь лестница тянулась ленточкой яркой и широкой ввысь. Стало казаться скоро путникам, будто жизнь их прошлая появилась пред их взором внутренним по чьему то велению. Увидали они все, что сделали за годы недолгие доброго и худого, всех кому помогли и кого без помощи оставили, все явилось им в те мгновения без утайки. Чували Арсен и Ксения, что Богам все уже про них ведомо.

Прошло так еще полдня, и вдруг, глядят, – появились впереди ворота с блеском золотым и двумя башнями белокаменными по бокам. А на ступенях перед воротами скелеты из костей белых и черепа людей валялись во множестве. На останках людских украшения дорогие были надеты из камней разных да оружие богатое. Подносы искусные и чаши золотые повсюду ступени укрывали, а монет со всех концов света рассыпаны здесь были несчетные тысячи. Вспомнился путникам рассказ Ставра опять, про людей не очистившихся, что желали в Небесный Город попасть, с Богами побыть и узнать судьбу свою заранее.

Велико было то желание их, но не было у них при этом желания главного, – цвет души изменить своей. Золото для них оставалось мерилom вещей. Для таких людей Боги и поставили Золотые Ворота на лестнице в Небесный Город. Если не готов был человек, – воздух для него здесь становился ядом.

Но, едва приблизились Арсен с Ксений к Воротам Золотым, как обдало их жаром пронзительным, заблестели вокруг сокровища бесчисленные, горы камней драгоценных и золота. Не бывало богатства такого ни у одного султана или князя земного. Но не затем пришли сюда путники. Видно поняли Боги это скоро, потому что исчез мираж, и отворились для них ворота Золотые, блеск свой потеряв. Пропала лестница вдруг за их спинами, и оказались путники посреди площади бескрайней, что была устлана коврами пестрыми. Сидели на них люди разные и разговаривали не громко. Меж коврами повсюду ряды стояли, будто рынок это был с виду, только ничего здесь не продавали. Далеко, на другом конце площади увидели путники множество храмов красоты невиданной. Были там храмы, подобно тому, что видела Ксения в земле своей и на картинках, патриархом показанных. Разглядел Арсен глазами зоркими храмы своей жаркой земли и многих других. Были здесь храмы земель индусов и стран Китая далекого, людей с островов в океане затерянных, Африки и северных земель, где не греет солнце вовсе. Видно жили здесь Боги Старшие для всех народов, до самых краев земли разбредшихся.

Посмотрев по сторонам, пошли Арсен и Ксения меж рядов тех на другую сторону площади обширной, но остановил вдруг сарацин кто-то за рукав одеяния его. Повернулся Арсен и увидел пред собой человека в летах средних, одетого так, как одеваются обычно люди в далеком королевстве Альморавидов. Был на нем белый бурнус, поясом перехваченный из материи крепкой и красивой.

– Здравствуй Арсен, – обратился к нему человек, – Ты не узнал меня?

Вгляделся сарацин в смуглое лицо, иссушенное жаркими ветрами, но не узнал его.

– Я дядя твой, Ахмед.

Удивился Арсен храбрым.

– Прости меня, добрый человек, но не ведал я до сих пор, что есть у меня дядя на земле.

Усмехнулся горько старец и сказал:

– Да, Арсен, теперь у тебя нет дяди в мире подлунном.

И поведал затем Арсену такую историю:

– Много лет назад был я со своим братом по имени Кабашон в жарких песках полуострова Аравийского. Искали мы с ним сокровища царя Ара, что все время был в пути со своими кочевниками, и возил сокровищницу с собой. Вот однажды мы настигли войско Ара на берегу моря, где стояли они лагерем обширным. Мы дождались ночи и подкрались неслышно с войском сарацин верных. Окружили и перебили до рассвета еще всех слуг царя Ара. А его самого разрубил мечом на части брат мой Кабашон. Сокровищ у того царя было столько, что хватило бы нам на долгие годы, и нужно было почти пять сотен верблюдов, чтобы увести все это. На утро послал меня брат с малым числом воинов в ближайший город Кадю взять верблюдов. А когда я вернулся назад, то не обнаружил на том берегу никого, кроме его верных сарацин из рода Абенсеррахов с Рамом во главе. Я спросил про брата своего Кабашона, но они набросились на меня, и растерзали. С тех пор, Арсен, нет у тебя дяди. Но с убийцы достаточно содеянного. Я простил, умирая, брата своего и Аллах даровал мне жизнь вечную здесь. Потому ступай вперед, я рад, что мы свиделись. Ты красив и силен, я горжусь таким племянником, кто бы ни был его отец.

Удивился Арсен истории той, а еще более, что не поведал Ставр ему о брате отца. Но, видимо, не должен был знать сарацин этого до тех пор, пока не свершит путь свой до Небесного Города. И Ксению тронул рассказ этот, еще быстрее захотелось ей спасти душу отца Кабашона и жизни людей многих. А прежде всего своей матушки. Не ведала она, что с ней случилось с тех самых пор, как унес ее Арсен из терема резного горящего. Но, не ступили они и десяти шагов, как повстречалась им на дороге монахиня. Взяла она Ксению за руку и молвила:

– Ты не бойся, доченька. Жива твоя матушка. Пришел к нам Никанор-богатырь, прикрыл город щитом своим великим от огня змеев лютых и победил их. А добрые молодцы спасли матушку твою Настасью Фаддеевну от огня смертельного, лишь страху она натерпелась великого, и теперь за тебя молится.

Услыхав сие, успокоилась немного Ксения младая. Но спросила тогда:

– А как батюшка мой, жив ли он, после сечи буйной?

– Не окончена еще битва великая, Ксения, – отвечала ей монахиня, – А до каких пор будет длиться она, то тебе одной ведомо. Батюшка твой, князь наш великий, Вячеслав, ранен лежит, в беспамятстве иногда пропадает душа его. Но, жив он, хоть и хворает сильно. Все тебя ждет с вестями добрыми, надеется.

Сказал так монахиня, и отступила в сторону. Поблагодарила ее Ксения за известия, но глаза при этом опустила. Не знала она, как отцу сказать о том, что полюбила дочь его сарацина из стран жарких, откуда столько бед пришло русичам.

Посмотрели друг на друга путники и дальше двинулись меж ковров, с людьми сидящими и рядов с изделиями чудными. Только сейчас узрела Ксения, что лежат на рядах тех подарки всякие диковинные, но не простые то были изделия рук мастеров искусных. Было тут все, что хотели подарить люди друг другу за жизнь свою долгую, откладывая на день последний, да так и не успели. И лишь теперь, попав в Небесный Город получали многие свои подарки долгожданные. Порадовались и подивились тому Арсен и Ксения, ибо не успели они еще никому в жизни своей подарить что-нибудь. Арсен рос в битвах и набегах, пребывая в войнах постоянно и с коня не слезая. Не желал Кабашон, отец его, ничего дарить никому, а лишь только отнимал все у окрестных народов, предавая их огню и мечу. Потому и сына не учил подарки делать. Ксения же была дочерью княжеской, девицей вида прекрасного, а потому все больше ей приносили купцы, да витязи, подарки разные из стран заморских.

Миновали Арсен с Ксенией любимой площадь обширную и вступили на дорогу белокаменную, что вела между храмов величественных на возвышенность за городом. Показалось им, что раскинулся Небесный Город на семи горах высоких, и не имел он центра, кроме холма единственного, облаками окруженного. Но всем здесь хватало места и единоверцам и людям, чьих богов они не ведали. Идти по дороге белокаменной следовало, только сняв обувь свою, ибо не было на ней ни пылинки, а грязи дорога та не терпела. Место возвышенное, уединенным казалось, и со всех сторон укрывали его облака. Никого на нем не увидели снизу путники, но понятно им стало, что ждут их Боги именно там. Разувшись, вышли Арсен с Ксенией на последнюю дорогу в Небесном Городе и ступали по ней осторожно.

Здесь не было высеченных ступеней, но камни оказались ровными и теплыми, словно были нагреты неярким солнцем. Когда дошли они до храмов своих Богов, – помолились истово, а когда возникли по сторонам дороги храмы богов им неведомых, взирали они на то со спокойствием путников, знавших свой путь. Едва миновали божественные строения, где находились иноземцы с богами общаясь все дни, почуяли Арсен и Ксения, что оживает дорога под ними. При каждом шаге левой ногой становились камни все горячее, а когда правая ступня касалась дороги той, словно лед обжигал ее диким холодом. Но дошли они, боль превозмогая, до холма в облаках белоснежных терявшегося. Здесь и закончилась путь их. Оглянувшись Арсен назад и ничего не увидел, – ни дороги, ни города. Сомкнулись облака стеной позади них.

Вдруг узрела Ксения, посреди холма сидящего ребенка с глазами светлыми. Кроме него не было здесь никого, но прозвучал вдруг голос, будто к ним обращенный:

– Зачем вы здесь, Арсен и Ксения?

Присели путники от усталости на край холма травянистого, ибо ноги их горели от пути пройденного.

– Мы хотим говорить с Богами, – ответил Арсен твердо.

Тишина повисла в облаках. И вскоре снова прозвучал неведомый голос:

– О чем хотите Вы говорить?

Теперь Ксения молвила тихо:

– Не о себе мы пришли просить, Господи. Мы здесь, чтобы свершить судьбу предначертанную, и спасти людей многих от смерти лютой.

– Мы сами хотим знать, – зачем мы здесь? – сказал Арсен дерзко, взирая на ребенка беспокойным взглядом, – Ведь это Вы привели нас сюда своей волей.

Увидали путники после слов таких на месте ребенка старца седовласого. Покачал головой старец.

– Видно не все ты понял, Арсен. У тебя был свой путь, и ты прошел его. Мы лишь ждали тебя. Так зачем же ты здесь?

Арсен захотел встать, но едва удержался от этого. В последнее мгновение пропала вдруг куда-то сила и дерзость в голосе. Волнение, не свойственное душе сарацина, овладело им. Он отвернулся, затем снова посмотрел в глаза старцу и увидел там отражение мира. Никогда еще в своей жизни Арсен не чувствовал такого. Никто не может передать словами, как смотрит на тебя весь мир из одних глаз.

– Я пришел, для того чтобы спасти отца... и увидеть свою мать.

– Душой твоего отца завладел тьма. Он был проклят и проклинал нас. Он поклялся уничтожить Небесный Город.

Арсен снова поднял голову и возразил:

– Вы разлучили его с любимой, и тогда он пустил в сердце тьму.

– Он впустил ее, когда решил изменить то, что было ему предначертано. Боги тоже имеют свои судьбы, Арсен, а он был сыном богов и не мог любить земную женщину.

Сарацин замолчал. Но, что-то бурлило в нем и требовало выхода. Что-то бессловесное, тихое и светлое, но очень сильное своей немотой. В это мгновение вдруг заговорила Ксения:

– Господи, прости меня, несмышленную. Но почему земная женщина не достойна счастья? Почему ты запрещаешь ей любить...

– Никто не запретит ей любить. Но, между человеком и Богом должно быть небо. Любовь между ними рождается не на земле. Она даруется им. Кабашон не дождался и украл свою любовь из другой судьбы. Тем он лишил ее неведомого ему человека.

Арсен вскинул голову:

– Но разве можно, Господи, сопротивляться любви? Разве в любви думаешь прежде о других?

– Боги должны любить Богов, Арсен. Союз с людьми может быть только духовным. Отступник Кабашон презрел это и потому стал тьмой. Потому вокруг него начали умирать те, кто еще не изведal любви.

Арсен тихо проговорил, не поднимая головы:

– А что стало с матерью моей?

– Она должна была получить судьбу прежнюю и любовь к предназначенному человеку, но твое рождение изменило все. Ты не Бог, Арсен, но и не просто человек. Твое будущее из-за отступника отца было окутано тьмой и неведомо. Но, благодаря матери, что осталась в Небесном Городе и молилась за тебя, – твоя душа все это время сопротивлялась тьме исходящей от Кабашона. До тех пор, пока ты не повстречал Ксению, ты был человеком без будущего. А теперь ты снова получишь его, ибо у тебя, Арсен, появилось предназначение. Твоя мать здесь. Скоро ты увидишь ее.

– Что с нами будет дальше, поведай. – взмолилась Ксения.

– Твоя судьба не простой путь, Ксения.словно река полноводная имеет она одно русло и сотни притоков. Но когда река добегаeт до моря широкого, разливается она на много других рек.

Молчала Ксения и слушала внимательно.

– Ты дашь начало новому народу. Смешается ваша кровь с Арсеном и разольется в потомках. Разбредутся они каждый в свою далекую землю, но везде будут жить вместе твоя душа и душа Арсена. Потому что с этого мгновения они соединятся в одну. И всегда будет

жить в душе той загадка для народов других.

Поглядела Ксения на своего избранника, обрадовавшись. Но вдруг вспомнила о том, что не стихает битва кровавая под стенами Солнцеграда далекого, и спросила с надеждою:

– А что с родителями будет, скажи, Господи? И что станет с народами нашими враждующими?

– Примирятся народы ваши в скорости через вас. Прекратится война кровавая. Ведь не по своей воле кровь льют народы на поле том. Это Черный отступник бьется за души слабые и заблудшие. С каждой душой, утонувшей во тьме, истекает частица вселенской крови из меня. Знайте, не победить ему в этой битве. Скоро свет рассеет мглу в душах. А вестниками света того я выбрал вас. Вам суждено остановить войну безумную. Отца же твоего Арсен я простил, но ждет его смерть жестокая от Черного владыки, если не поспешите. Примирить врагов, очистив сердца их своим светом и любовью, предназначено вам. Только так спасете всех, кого любите.

Смолк тут голос божественный. Вдруг, замерцало над холмом сияние, и возникла перед Арсеном невысокая женщина с волосами русыми и лицом просветленным. Была она в годах средних, но краса ее не увяла, а скорее даже наполнилась новой силой. Взглянула женщина на Арсена глазами бирюзовыми и, заплакав, руки к нему протянула. Узнал тогда сарацин сердцем в той женщине свою мать, с которой был разлучен с детства, хотя и не походила она видом на восточных женщин. Бросился к ней и к груди прижал.

Так стояли они обнявшись, и слезы радости катились у них из глаз. А на другом конце холма вновь появился ребенок с глазами светлыми и взирает на них издалека, молча улыбаясь.

Глава 12. Путь домой

Настало на земле утро раннее. Позлатило солнце кромки облаков над холмом главным Небесного Города и расступились они путь вниз открыв. Выехали тогда оттуда три всадника на лошадях сильных и направились вниз по склону травянистому. Был то Арсен с матерью своей вновь обретенной и Ксенией любимой. Едва начали они спускаться с холма, как сомкнулись облака за ними белой стеной. Впереди пред ними лежала трава зеленая, что чуть ниже превращалась в небо синее, простиравшееся во все стороны света над горами заснеженными и казалось дорогой в даль. И едва ступили их кони на синь бескрайнюю, как оказались в небе и понесли своих седоков прямо меж облаков путем неизведанным.

Летели они над горами высокими, где раньше лежали снега вечные и жил злой великан Оршан. Привиделись им картины разные. Узрели они, что теперь в горах тех растаял снег глубокий, холмы покрылись зеленью сочной и цветами пестрыми. Со всех концов света потянулись сюда птицы и звери, раньше здесь обитавшие, да покинувшие свои дома из-за тьмы распространившейся. Не было здесь больше власти Черного Бога, не было и власти злого Оршана. Возвратились души великие в тела великанов, сделав их снова добрыми. Снова стали они друзьями людей.

Оставили внизу под собой всадники болта зловонные, обиталище гневногозлого Василиска, что сгубил не одну сотню душ человеческих своим взглядом дьявольским. После смерти своего хозяина, стали сохнуть болота обширные и только в одном месте, у мосточка через ручей с водой черной, еще топи простирались. Выросла на том месте береза высоченная, раскинув свои ветви с листочками зелеными во все стороны, но клонилась она станом лишь в сторону единую – к Руси далекой.

Скоро подлетели три всадника на лошадях из Небесного Города к побережью Моря Туманов. Увидел Арсен с коня в небе плывшего, что вышли на берег каменистый из подземелий многочисленных глубоких люди пещерные племени Хранителей Шара Великих. Едва убил Арсен злого великана Оршана, уничтожив опасность для Небесного Города, как возвратились души великие в тела великанов Туманного Города, и перестал сиять под землей Шар Великих голубым светом. Не было больше в нем надобности. Перестало висеть

проклятие над племенем Хранителей, и вернулся к ним облик прежний – исчезли уши ослов и руки обезьян. Стали они снова людьми по виду своему. А когда пролетали над берегом всадники, Хранители помахали им руками на прощание и были то уже руки человеческие. Тут же, рядом с ними, стояли на берегу каменистом Великаны, возвышавшиеся над горами своими телами огромными, а головы их терялись в облаках. Не сделали они ничего плохого летящим всадникам, только проводили их взглядами.

Раскинулось дальше под конями летящими Море Туманов обширное. Любовалась Ксения и мать Арсена на игру мглы белесой, что менялись постоянно, принимая формы различные. Пребывали облака туманные над морем в движении вечном, являя собой то рыб, то птиц, то зверей чудных, а скоро появились в небе над водой самой еще три белых всадника, словно отражение летящих в небе высоком. Даже Арсен поразился красоте и загадке облаков над морем живущих. Но узрел скоро он скалы впереди, – то был страшный Остров Обезьян, очень ему памятный по событиям недавним. Когда же оказались всадники прямо над ним, то явилось Арсену зрелище новое. Не было больше острова, где жила недавно кровожадная Харда и морская змея Лу. Покоились на том месте только обломки скал, оставшиеся после подводного сотрясения. Видно, переполнилась чаша терпения Богов, наказали они остров Обезьян диких, кровью людской питавшихся. Ни одной из них не осталось больше.

Очень скоро показались из-под облаков земли побережья Снежных Гор, заросшие лесом обширным. Стал Арсен вглядываться вниз, в надежде увидеть лесных людей и охотников, что обитали в зарослях здешних. Но простирались под всадниками летящими кругом леса бесконечные. Хорошо видно было русло Аррасса полноводного. Однако, никого из людей не узрел с высоты Арсен, на то они были и охотники. И только у подножия скал на северной стороне, там, где кончается лес и земля, увидел сарацин затерянный город. Вспомнил Арсен тогда рассказ Нурка о том, что когда наступает срок, и мужчина становится воином, все воины из лесного племени собираются вместе и идут сквозь лес обширный в этот город искать себе жен. Теперь Нурку, Эрпе и его товарищам ничего больше не угрожает, – злая Харда мертва. Они могут спокойно жить со своими женами у подножия скал и растить потомство. Они многому научат своих детей. Им будет что рассказать.

Скоро земля стала подниматься к небесам, и впереди возникли Снежные Горы высоты немерянной. Миновали всадники водопады Аррасса бурливого в этом течении, позади внизу остались озера с чудищами зеленорукими, на дне обитавшими. Увидали Арсен и Ксения место, где срубил сарацин дерево, и сделал из него челн углый, на котором они спуститься смогли в земли еще неизведанные тогда. Вот избушка волшебника Ставра показалась точкой крошечной на тропе горной извилистой. И скоро встали перед ними облака сплошной неприступной стеной, но, как и в прошлый раз, подчинилось небо любящим. Расступились пред ними облака белоснежные, из разных времен сотканые, и возникла в них дыра цвета синего. Туда и устремили всадники своих коней летучих, оказавшись уже в землях полунощных.

Земля, что начиналась за Горами Снежными, вся укутана была дымами, в небо поднимавшимися. Вся изъедена проплешинами дымившимися. Но не пожар то был лесной силы чудовищной, это понял Арсен сразу. То дымились останки чудищ бесчисленных, населявших эти земли дикие по желанью Черного Бога. Как случилось то, что случилось в Снежных Горах, ослабела сила черная и здесь, ибо все в мире полунощном связь имеет невидимую. Перестали земли окрестные кровью питаться и очищаться начали, вот и дымились повсюду скелеты зверей кровожадных. Начала земля в предгорьях свое обновление и была более не опасна для путников из стран отдаленных.

Как влетели кони небесные в пределы земель славянских, защемило сердце вдруг у матери Арсена. Почувала она приближение своего мужа любимого, что боролся сейчас за душу свою с Черным Богом. И Ксения почувала вдали места родные. Погнали всадники коней, что было сил, и скоро засверкали над лесами золотоглавые купола солнцеградские.

В то мгновение, как закончилась битва в Снежных Горах, все окрестные земли, что пятау Черного Бога испытали и томились сотни лет под игом нечисти ужасной, кровью дань платя властелину, почуяли вдруг свободу. Словно скинув груз, давивший плечи, мать-земля навеки разогнулась, распрямилась и вдохнула волю. И тогда над полями солнцеградскими, где стояли, словно истуканы, три богатыря, одеты камнем, засияло солнце бесконечное и распалось в прах оковы злобы.

– Что-то руки словно занемели, – вымолвил Горыня, первый воин.

– Это правда, ноги еле ходят, – вторил в тон ему Дубыня сильный.

– Видно колдовству конец пришелся, нет на свете боле Кабашона! – так сказал Усыня, мудрый витязь. Только ошибился он немного.

Вдруг увидели богатыри, заново родившиеся, в небе движение невиданное, – летели там три коня и несли на себе всадников. Стали вдруг опускаться к земле кони летящие, и скоро копыта их коснулись поля брани пред Солнцеградом. Пригляделись богатыри и глазам своим не поверили. На левом коне ехала в наряде чудном Ксения, дочь любимая княжеская. Исхудала девица за время скитаний, но узнать еще можно было. На коне среднем сидела женщина не известная, – княгиня не княгиня, боярыня не боярыня. Была на ней одежда белая. А справа ступал конь, несший на себе сарацинского воина с мечом на боку. Увидав сие возжелали богатыри за свое оружие схватится, да только руки их удержала сила сильная. Так и остались на месте стоять.

А в ту пору остановилась битва страшная между витязями русскими и сарацинским воинством. Стояли они теперь недвижимо, мечи в руках крепко зажав, но опустив к земле. И взирали на всадников спустившихся с небес на боле брани жестокой и кровавой. Ксения же, Арсен и мать его, ехали медленно прямо к ним, едва ступали кони их по траве примятой. Стали тут расступаться перед ними воины русские и сарацины заморские, дорогу давая. Никто слова вымолвить не мог от зрелища невиданного, исходила от всадников тех словно сияние белое и чудилась всем, кто был на поле том, сила небесная за ними. Так проехали они между воинами, разделив их вновь на два лагеря многочисленных. Сарацины остались стоять по левую руку от них, а витязи русские, – по правую.

Повернули тогда всадники на сторону левую, увидав шатер Кабашона на холме за войском мавританским. И когда вознесли их кони на холм тот высокий, вышел сам владыка мавров заморских к ним на встречу. Было измождено его лицо страданием внутренним, бурнус черный, золотом расшитый, стелился за ним потраве. Лишь взглянул один раз Кабашон грозный на всадников, и просветлело его лицо дикое, исчезли с него оковы злобы и ненависти, посветлели глаза темные. Бросился он к всадникам и подхватил на руки женщину с коня спускавшуюся. То была его любимая, с которой разлучился он давно. Подарили они друг другу поцелуй долгий, обнявшись крепко. И плакали сильно, глядя в глаза друг другу. Раздался в то мгновение грохот в небесах черных, что простирались от шатра Кабашона вглубь владений им захваченных. Потерял последнюю силу над ним Черный Бог, и раскололись тогда небеса, треснули на куски огромные, вспыхнув огнем ярким. Заволокло все вверху дымом черным. Но скоро налетел вихрь и раздул эту хмарь. Очистилось небо над всадниками и над всеми землями Солнцеградскими.

Сошел тогда с коня Арсен. Помог Ксении спуститься. Приблизился сарацин к отцу своему с матерью и обнял их крепко за плечи. Так стояли они время долгое втроем, не слова не вымолвив. А Ксения взидала на них со стороны и тихо плакала. Подошел затем Арсен к ней, слезы утер и сказал, обращаясь к родителям:

– Вот любимая моя, Ксения. Я повстречал ее в этих краях, далеких от моей земли жаркой. Позвольте мне остаться с ней, потому что я люблю ее больше жизни своей.

Оглядел Кабашон еще раз глазами жадными лицо любимой своей и, обернувшись к Арсену, ответил:

– Знай же сын, что мать твоя родом из тех же мест происходит. А зовут ее среди русичей Анастасией. Потому, – ты волен поступать, как захочешь. Я тебе не судья более.

Поднялись Арсен с Ксенией тогда вновь на коней из Небесного Города и, оставив

родителей Арсена у шатра, отправились искать князя Вячеслава. Пропустили их русичи без слов к воротам Солнцеградским, расступившись рядами кольчужными. А когда достигли они ворот, вдруг растворились сами собой ворота дубовые и вышел к ним на встречу Великий князь Вячеслав с женою Настасьей Фаддеевной. Был он еще слаб на вид, но на ногах стоял твердо. Почуял князь дщери любимой возвращение из стран далеких и исцелился разом. Велел одеваться и пошел встречать ее к воротам городским, ибо весточки о всадниках чудесных до него уж долетели.

Спешились путники. Бросилась Ксения на шею своему батюшке с матушкой, обнимались они, целовались, слезами заливались от радости великой. Лишь потом узрел перед собой князь Вячеслав сарацина из земель жарких, что видом своим был схож с остальными, многих русичей умертвивших за дни битвы ратной. Поняла его взгляд дочка и на колени бросилась перед ним.

– Не гневись батюшка, – сказал Ксения, – Это Арсен, храбрый воин. И полюбила я его крепко, больше жизни своей. Это он прекратил битву великую между народами нашими. Это он дошел до Богов и говорил с ними, чтобы спасти всех нас. И я помогла ему. Не желает зла Арсен русичам, хоть и видом сарацин. Простите меня батюшка с матушкой, но связана я с ним на веки любовью своей крепкой. И останусь с ним, чтобы ни было. Благословите нас, если можете!

Умолкла Ксения. Защемило сердце Вячеслава от услышанного. Не такой он видел судьбу дщери своей единственной и любимой больше всего на свете белом. Думал выдать князь ее за мужа достойного из русичей, а дочь его несмышленная сердцем сарацина выбрала. Не мог Вячеслав того пережить и уразуметь долго. Потемнело в глазах от натуги сердечной. Но вспомнились ему тут слова Ставра волшебника, что всегда прав был: «Если Бог дозволит воротится ей в дом родной, ты не суди ее строго. Она судьбу свою выбрала, но и за тобой выбор грядет. Труден будет выбор тот, но прими ее сердцем, князь». Совладал с собой Вячеслав, поглядел на Настасью Фаддеевну, и молвил:

– Что ж, дочка, если нашла ты судьбу свою, то живи, как сердце тебе подсказывает. Непросто нам будет, но мы с матушкой вам всегда рады останемся.

Вскочила Ксения с колен после слов этих, поцеловала отца с матерью, и снова на коня из Небесного Города поднялась. Тронули всадники скакунов своих чудесных и выехали в поле чистое, а за ним лес бескрайний рос, а потом начинались страны далекие. Посмотрели Арсен и Ксения в глаза влюбленные друг друга, обернулись и бросили взгляд прощальный на Солнцеград. Их путь только начинался от сюда.

А с холма, над городом возвышавшегося, смотрели им во след Кабашон и Анастасия, встретившись после разлуки долгой. Едва отправились дети своею дорогой, велел Кабашон войску мавританскому собирать шатры походные и домой идти путями скорыми. Жаждалис воинов сарацинских за морями жены и дети. Отступило войско мавританское от стен Солнцеграда, словно море черное от берега, и ушло в скорости путями лесными. На берегах моря далекого поджидали лодьи чернотелые тех, кто живым смог возвратиться из пределов русских. Да не много таких осталось, и трети не насчиталось в войске сарацинском.

Увидал Вячеслав скоро, что отступили мавры некрещенные из пределов его земель, и, прежде всего, от стен солнцеградских отделились. Окончилась битва кровавая. И велел тогда Вячеслав похоронить всех воинов погибших. Многих Русь оплакала святая, но затем настал черед великий праздник сотворить на все окрестные земли. Ибо жизнь покуда не скончалась, слезы сохнут, время же течет.

Долго очень люди пировали, пили мед, царевну вспоминая. А затем настала пора вернуться к жизни мирной. Богатырь первый Горыня, только пир скончался, оседлал коня и в путь-дорогу отправился. Попрощавшись со всеми друзьями давними и в гости к себе зазвав, устремил он скакуна быстрого в горы далекие и островерхие, но лишь о том думал, что бы добраться поскорее до болот русалочьих. Ведь только один Горыня ведал, что живет в тех далеких русалочьих болотах Лазуруша, – дочь царя Водяного. Чьи глаза как бирюза сверкают, рыжий волос тело укрывает, а стройнее стана нет на всем белом свете. Ждет его,

наверное, печалится девица.

Другие богатыри сильнейшие, Усыня с Дубыней, после пира собрали свою дружину ратную, поредевшую, правда, изрядно. Попрощались с Вячеславом да Настасьей Фаддеевной, и назад, в сторону лесов черниговских, отправились. Сардера, что позеленел опять от страха, во время битвы с маврами, в Солнцеграде оставили. Он всю зобу порастерял и хорошим засовом служить мог времена долгие, потому что не дряхлел и не гнил вовсе. Теперь, когда отвадили врагов от родной сторонки, осталось богатырям-предводителям Усыне с Дубыней отыскать в лесу колдовском Алексея, впервые в поход отправившегося. А то сучками да поганками пообрастет молодец, чего доброго, и в лешака превратится.

Ехали они так уже много дней и вели разговоры неспешные. А кругом шумели дубравы вековые, зеленели травы пахучие, пели птицы певчие, шумели реки полноводные. Жила Русь, как и встарь, наполнялась силами новыми.

Июль 1998 – август 1999.

Санкт-Петербург